РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ БАРСКІЙ.

Наше изслѣдованіе о Барскомъ будетъ состоять изъ двухъ частей:

1) Опытъ разработки матеріаловъ, относящихся къ біографіи Барскаго и

2) Опытъ подробнаго анализа и критической оцѣнки его паломнической мысли.

Главнымъ источникомъ для нашего изслѣдованія будетъ служить «*Путешествіе къ св. мѣстамъ*», описанное самимъ Барскимъ. Книга эта содержитъ, дѣйствительно, богатый матеріалъ для характеристики Барскаго во всѣхъ отношеніяхъ. Жаль только, что подлинный текстъ Барскаго искаженъ издателемъ его Рубаномъ, который, руководясь при изданіи чисто утилитарными побужденіями — «доставить *пользу* отъ онаго для общества» [1]), дозволилъ себѣ сдѣлать многія существенныя измѣненія въ текстѣ. Пересчитывать, приводить всѣ мѣста, на которыхъ отразился произволъ Рубана, мы не будемъ, такъ какъ это не относится къ нашей прямой задачѣ, а составляетъ скорѣе область необходимыхъ предварительныхъ работъ, относящихся къ изданію текста. Мы только опредѣлимъ главный характеръ этихъ измѣненій въ текстѣ Барскаго. Ихъ можно раздѣлить на три категоріи: а) *прибавленія* къ тексту, взятыя, по большей части, изъ нѣкоторыхъ авторитетныхъ въ то время изданій и, по преимуществу, Бюшинговой Энциклопедіи; прибавленія эти вообще свѣтскаго характера, слѣдовательно, допуская ихъ, Рубанъ разсчитывалъ сообщить чрезъ то бо́льшій интересъ своему изданію; б) значительные *пропуски* въ текстѣ, характеризующіе міросозерцаніе Барскаго и его благочестивыя убѣжденія: здѣсь, по большей части, опущены разсказы Барскаго о чудесахъ, различныхъ диковинахъ и небылицахъ; слѣдовательно и здѣсь, при выпускѣ подобныхъ мѣстъ, Рубанъ имѣлъ въ виду ту же цѣль—заинтересовать читающую публику; наконецъ в) *перифразъ*, замѣна однихъ выраженій и, пре-

[1]) Рубанъ, въ предисловіи къ изданію, стр. VII.

Библиотека "Руниверс"

имущественно, благочестивыхъ, другими болѣе современными; такъ напр. вмѣсто многократныхъ выраженій Барскаго: «*открыся о мнѣ Божіе смотрѣніе*», или «*промыслъ Божій*», Рубанъ выражается: «*открыся благопріятствующій случай*» и т. п. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть знаменія того времени: путешествія Барскаго были изданы у насъ въ 1778 году, въ періодъ господства модныхъ идей Французскаго энциклопедизма, и Рубанъ чрезъ уничтоженіе нѣкоторыхъ мѣстъ, свидѣтельствовавшихъ объ исключительномъ, религіозномъ направленіи Барскаго, думалъ придать его путевымъ запискамъ болѣе или менѣе современный характеръ. Но Рубанъ не могъ достигнуть своей цѣли, такъ какъ имѣлъ дѣло съ чрезвычайно цѣльною натурою, уничтожая одну половину произведеній которой, онъ не могъ не уничтожить и другой, вслѣдствіе чего онъ не могъ вполнѣ устранить тѣхъ мѣстъ, которыхъ ему нежелательно было бы видѣть: весьма многія сказанія религіознаго и даже легендарнаго характера все-таки вошли въ печатное изданіе Рубана [2]). Такъ какъ измѣненія въ текстѣ, сдѣланныя Рубаномъ, касаются по большой части, личныхъ убѣжденій и взглядовъ Барскаго и составляютъ поэтому для насъ немаловажный матеріалъ, то мы, кромѣ печатнаго изданія, будемъ пользоваться, какъ источникомъ, описаніемъ путешествій Барскаго, находящимся въ *рукописи*, въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. Рукопись эта, на сколько мы имѣли случай убѣдиться, есть чрезвычайно добросовѣстная копія съ первоначальнаго текста Барскаго, представляющая этотъ текстъ въ его первоначальномъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій. Поэтому настоящая рукопись будетъ служить вторымъ немаловажнымъ источникомъ для нашего изслѣдованія.— Послѣднимъ источникомъ будутъ служить для насъ одиннадцать писемъ Барскаго, изданныя въ 9-й книгѣ Русск. Архива за 1874 годъ. Источ-

---

[2]) Замѣчательна въ этомъ отношеніи непослѣдовательность Рубана: въ то время, какъ въ первой половинѣ путевыхъ записокъ Барскаго онъ безъ пощады выбрасывалъ всѣ сказанія легендарнаго характера, во второй половинѣ хотя и обнаружилось его вмѣшательство, но не въ такой степени какъ въ первой, и многіе разсказы чудеснаго характера оставлены въ покоѣ. Если и можно чѣмъ объяснить эту непослѣдовательность издателя, то развѣ только тѣмъ, что въ первой половинѣ онъ безпощаднѣе относился къ легенд. сказаніямъ католическимъ, тогда какъ многіе чудесные разсказы о св. мѣстахъ Востока уже своею санкціей, которую они пріобрѣли въ сознаніи Русскихъ, удержали его отъ этого. Самъ Рубанъ объясняетъ свои дѣйствія нѣсколько иначе, именно тѣмъ, что многія опущенныя имъ сказанія *находятся въ другихъ книгахъ*. Но это объясненіе изобличаетъ еще бо́льшую непослѣдовательность его, такъ какъ не всѣ сказанія, находящіяся въ другихъ книгахъ, имъ выброшены; напротивъ, весьма многія сказанія не подверглись изгнанію, не смотря на то, что они находятся въ другихъ книгахъ. Слѣдовательно это извиненіе его совершенно безсильно, и должно допустить другое: желаніе быть современнымъ; а въ такомъ случаѣ непослѣдовательность его такъ и остается непослѣдовательностію.

Библиотека "Руниверс"

никъ этотъ, которымъ не имѣли возможности пользоваться наши предшественники, содержитъ чрезвычайно богатый матеріалъ, весьма много выясняющій намъ личность Барскаго. — Таковы источники, которыми намъ предстоитъ пользоваться при нашемъ изслѣдованіи. Что касается пособій для нашего изслѣдованія, то мы ихъ, можно сказать, не имѣемъ. Правда, о Барскомъ начали писать давно и написали довольно много; но все, доселѣ написанное, отличается отсутствіемъ фактической вѣрности и научнаго характера [3]); лишь для нѣсколькихъ небольшихъ замѣтокъ мы должны сдѣлать исключеніе [4]). Вотъ почему одинъ любитель отечественной старины съ полнымъ правомъ могъ сказать, что Барскій еще ждетъ своего біографа [5]), и эту важную и не легкую задачу осмѣливаемся взять на себя. Удастся ли намъ, какъ слѣдуетъ, ее выполнить, — покажетъ слѣдующій трудъ нашъ.

I.

Въ жизни В. Г. Барскаго мы различаемъ четыре, рѣзко отдѣляющихся другъ отъ друга, періода: а) періодъ дѣтства и образованія; б) періодъ путешествія ко св. мѣстамъ съ исключительно религіозно-поклонническою цѣлью, или періодъ паломничества въ собственномъ смыслѣ; в) періодъ путешествія ко св. мѣстамъ, имѣвшаго въ основаніи своемъ вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ религіозно-поклонническому чувству и стремленіе къ пріобрѣтенію знаній и, и наконецъ г) періодъ самообразованія.

---

[3]) Мы перечислимъ всѣ попытки, относящіяся къ разработкѣ матеріаловъ о Барскомъ. Ихъ можно раздѣлить на 2 категоріи: къ первой относятся замѣтки, болѣе или менѣе краткія, помѣщенныя въ различныхъ историческихъ словаряхъ и энциклопедическихъ сборникахъ. Таковыя замѣтки о Барскомъ въ „Словарѣ Историческомъ, переведенномъ съ Французскихъ историческихъ словарей, съ дополненіемъ о писателяхъ Русскихъ.“ Ч. IV, с. 703. М. 1790 г. Затѣмъ свѣдѣнія о Барскомъ сообщаются у м. Евгенія въ его Историческомъ Словарѣ (ч. 1 с. 61—68 Спб. 1818), у Аскоченскаго, въ его „Кіевѣ съ древнѣйшимъ училищемъ академіей (ч. II, ст. 39—44. Кіевъ 1856)“, наконецъ, у преосв. Филарета въ его „Обзорѣ Русской духовной литературы (ч. 11, с. 44—48, изд. 2-е. Черниговъ 1863)“ и въ критич. разборѣ труда преосв. Филарета, сдѣланномъ г. Пономаревымъ (Духовн. Вѣстникъ, 1862 г. т. III, стр. 360—365). Ко второй категоріи относятся попытки представить, болѣе или менѣе, полную біографію Барскаго. Такихъ попытокъ двѣ: первая изъ нихъ принадлежитъ г. Аскоченскому (Кіевск. губ. вѣдомости за 1854 г. №№ 48—50), а вторая г. Надеждину (Кукольникъ, Картины Руск. живописи, ст. 246—272). Но и эти двѣ біографіи, написанныя Аскочен. и Надеждинымъ, какъ они сами сознаются, имѣютъ въ виду удовлетворить исключительно любознательности читающей публики, не преслѣдуя вмѣстѣ съ этимъ и научныхъ интересовъ.

[4]) Сюда относятся двѣ спеціальныя замѣтки: одна г. Полуденскаго, объ изданіяхъ путевыхъ записокъ Барскаго (Библіографич. Зап. 1859 г. № 9, ст. 274), а другая о рисункахъ Барскаго (Зап. Одесск. Общ. ист. и др. 1844 г. т. 1, стр. 649).

[5]) Лазаревскій, въ предислов. къ изд. писемъ Барскаго. Русск. Арх. 1874, № 9.

Библиотека "Руниверс"

1. Періодъ дѣтства и воспитанія.

Предки Василія Григорьевича Барскаго происходили изъ Польскаго города Бара, откуда дѣдъ его, Иванъ Григоровичъ, по случаю гоненія, воздвигнутаго на православныхъ католиками и уніатами и произшедшей, вслѣдствіе этого, междоусобной войны, въ 1648 г. прибылъ въ Малороссію. Старшій сынъ его Кириллъ принялъ монашество въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ, а младшій Григорій, женившись, по смерти отца, въ Малороссійскомъ мѣстечкѣ Лѣтки, перешелъ на жительство въ Кіевъ и поселился въ подмонастырской Печерской слободѣ, занимаясь торговлею. По случаю моровой язвы, бывшей въ Кіевѣ въ 1710 году, онъ выселился изъ него, а когда опасность миновала, то перешелъ опять въ Кіевъ и поселился на Подолѣ, близъ соборной церкви Успенія Богородицы. Вотъ этотъ-то торговецъ Григорій Григорьевичъ и былъ отцемъ знаменитаго пѣшехода Василія Григорьевича Барскаго [6]).

Василій Григорьевичъ родился въ Кіевѣ, въ 1701 году, во второй половинѣ его [7]). Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома, гдѣ очень рано, по всей вѣроятности, подъ руководствомъ отца, выучился читать и писать, а подъ вліяніемъ своей матери, женщины умной, съ сильнымъ, самостоятельнымъ характеромъ (какъ это видно изъ всѣхъ послѣдующихъ ея дѣйствій) онъ выработалъ ту непреклонную силу воли, которая помогала ему всегда достигать разъ предположенныхъ цѣлей, не смотря ни на какія препятствія. Содѣйствію же своей умной матери Барскій обязанъ и всѣмъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ. Когда любознательный мальчикъ, не удовлетворившись домашнею грамотою, захотѣлъ еще учиться въ «Кіевскихъ школахъ», то отецъ его, какъ видно, человѣкъ добраго стараго времени, книжный только «въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи, мужь же еще и благоговѣинъ, обаче нравомъ простъ, видя въ ученыхъ излишнее преніе, гордость, упрямство, славолюбіе, зависть и прочіе обыкновенные ихъ пороки, и мня, яко отъ науки имъ сія бываютъ", рѣшительно отказался удовлетворить желанію сына. Но мальчикъ, не смотря на нежеланіе отца, все таки поступилъ въ Кіевскія Латинскія школы, въ то время, когда ректоромъ ихъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Какимъ же образомъ Барскому удалось привести въ исполненіе свое намѣреніе? Въ своихъ путевыхъ запискахъ Барскій говоритъ, что онъ поступилъ въ академію

---

[6]) Біографія Барскаго, написанная его братомъ, въ предисловіи Рубана, стр. IX.

[7]) 20 Іюля 1723 г. Барскому, по его собственнымъ словамъ, было около 22 лѣтъ; а такъ какъ день его Ангела—Василія праздновался, по замѣчанію самого Барскаго, 1-го Января, то нужно полагать, что онъ родился въ концѣ Ноября или въ Декабрѣ.

Библиотека "Руниверс"

«кромѣ соизволенія отца своего»; другихъ же свѣдѣній, которыя бы дополняли и уясняли эту замѣтку, нѣтъ никакихъ. Одно только несомнѣнно, что Барскій поступилъ въ академію, какъ онъ самъ замѣчаетъ, благодаря содѣйствію матери [8]).

Итакъ Барскій сдѣлался школьникомъ. Не смотря на то, что и впослѣдствіи отецъ неоднократно старался поколебать его рѣшимость и совѣтовалъ ему оставить безполезное школьное ученіе и заняться лучше церковнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, мальчикъ остался непреклоннымъ и добился, наконецъ, до того, что отецъ оставилъ его въ покоѣ, и онъ съ полною свободою, въ теченіи почти 8 лѣтъ, предавался излюбленнымъ занятіямъ. Какія-жъ познанія пріобрѣтены Барскимъ въ продолженіи школьнаго образованія? Покойный г. Аскоченскій чрезвычайно неточно опредѣляетъ степень развитія Барскаго за этотъ періодъ, когда говоритъ, что онъ повсюду выказываетъ удивительныя познанія «въ естествознаніи, географіи, исторіи, этнографіи, статистикѣ, архитектурѣ, геологіи, коммерціи, живописи, музыкѣ,.... въ христіанскомъ догматословіи, въ исторіи церкви, археологіи и эклизіастикѣ [9])». Нѣтъ нужды замѣчать, что удивительныхъ познаній Барскаго по большей части этихъ наукъ на самомъ дѣлѣ совершенно не было; очевидно, что г. Аскоченскій старался тутъ перечислить всѣ тѣ науки, названія которыхъ онъ могъ припомнить, но едвали онъ могъ придавать своему перечню серьезно-научное значеніе. Блаженной памяти автору «Кіева съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей», хорошо знакомому съ состояніемъ Кіевской академіи въ концѣ 17 и началѣ 18 вѣка, должно быть извѣстно, что она, при своемъ схоластическомъ направленіи, не могла дать многаго своимъ воспитанникамъ. Изъ одного ученаго труда, посвященнаго спеціальной разработкѣ вопроса о педагогіи древней Кіевской академіи [10]), мы узнаёмъ, что во всѣхъ классахъ до философіи (въ началѣ которой Барскій окончилъ свое образованіе) кругъ общеобразовательныхъ наукъ былъ весьма ограниченъ и преподаваніе ихъ было весьма слабо. Во всѣхъ пяти классахъ (фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, поэзіи и риторикѣ) изучались только: св. исторія, катехизисъ, пѣніе, Славянская и Греческая грамматика, нисшая и высшая грамматика, географія и всеобщая исторія; болѣе спеціальнымъ образомъ въ послѣднихъ двухъ классахъ изучалась поэзія и риторика, главнымъ же

---

[8]) „Отецъ бо мой.... тщался всячески воспятить мнѣ намѣреніе, но не можаше, помоществующей мнѣ матери.“ Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 2.

[9]) Кіевск. губ. вѣд. 1854 г. № 48.

[10]) Линчевскій, Педагогія Кіевской академіи. Труды Кіевской Духовн. Акад. 1870 г., кн. 8.

Библиотека "Руниверс"

предметомъ занятія во всѣхъ классахъ была латынь. Можно сказать, что вся педагогія Кіевскихъ школъ сводилась только къ латыни, и дѣйствительно познанія учениковъ въ этой области были изумительны: уже съ третьяго класса (грамматики) ученику вмѣнялось въ непремѣнную обязанность говорить по-латыни. Вотъ норма, которою мы можемъ измѣрить познанія Барскаго, пріобрѣтенныя имъ въ академіи. Если въ чемъ онъ и былъ силенъ, такъ это именно въ Латинскомъ языкѣ, на которомъ онъ свободно объяснялся во время своего путешествія. Чрезвычайно хорошо зналъ также Барскій и Св. Писаніе. Познанія же его въ другихъ наукахъ были, въ началѣ, довольно слабыя; всѣ же свѣдѣнія, которыя онъ обнаруживаетъ впослѣдствіи, и преимущественно, въ концѣ своего путешествія, пріобрѣтены имъ путемъ долговременнаго опыта и самообразованія. Да и самъ Барскій сознается, что, по выходѣ изъ академіи, онъ не былъ силенъ въ наукѣ.

Таково было развитіе Барскаго, дошедшаго до «началъ философскихъ», когда одно, совершенно случайное, обстоятельство произвело внезапный переворотъ въ его жизни.

У Барскаго открылась на ногѣ рана. Болѣзнь эта составляетъ, можно сказать, эпоху въ его жизни, такъ какъ ею опредѣляется вся его дальнѣйшая судьба. Не смотря на всѣ усилія врачей и значительныя денежныя издержки, болѣзнь Барскаго все болѣе и болѣе усиливалась, такъ что онъ долженъ былъ окончательно слечь въ постель и прекратить свои занятія по школѣ. Этотъ-то перерывъ въ школьныхъ занятіяхъ, къ окончанію которыхъ онъ такъ сильно стремился, и мучительная болѣзнь, отъ излѣченія которой отказались всѣ Кіевскіе врачи,—все это должно было дѣлать положеніе Барскаго самымъ невыносимымъ. Когда онъ, такимъ образомъ, недоумѣвалъ о средствахъ къ выходу изъ такого тяжелаго положенія, случилось одно обстоятельство, въ которомъ Барскій прямо видитъ Божіе о себѣ смотрѣніе [11]). Именно, одинъ изъ его сотоварищей, нѣкто Іустинъ Линницкій, по обычаю всѣхъ молодыхъ людей того времени, отправился въ Львовъ съ цѣлію довершить тамъ свое образованіе. Съ нимъ задумалъ ѣхать туда и Барскій, частію за тѣмъ, чтобы, подобно своему сотоварищу, докончить въ тамошней іезуитской академіи свое образованіе, а частію для излеченія своей болѣзни, такъ какъ онъ слышалъ, что тамъ есть болѣе искусные врачи, чѣмъ въ Кіевѣ. Но Барскій, какъ видно изъ письма его, посланнаго къ отцу изъ Почаева, не думалъ ограничиться поѣздкою въ одинъ Львовъ, а имѣлъ намѣреніе отправиться куда-то еще далѣе: «тутежъ извѣщаю, писалъ онъ, же иду до Львова, а

[11]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1 стр. 3.

Библиотека "Руниверс"

пѣвнѣ не извѣщаю, гдѣ буду; Богъ вѣсть: може ище и далѣй пойду» [12]). Куда же онъ думалъ отправиться? На это нѣтъ указанія ни въ письмахъ, ни въ печатномъ изданіи его путешествія; но за то этотъ пробѣлъ мы можемъ пополнить однимъ мѣстомъ изъ имѣющейся у насъ рукописи, мѣстомъ, опущеннымъ въ печатномъ изданіи, по всей вѣроятности, вслѣдствіе тенденціозныхъ цѣлей издателя. Изъ этого мѣста видно, что Барскій, когда еще врачевалъ свою болѣзнь и извѣдалъ всю тщету помощи человѣческой, обратился съ молитвою къ Источнику всякой помощи и далъ обѣтъ, въ случаѣ исцѣленія отъ болѣзни, отправиться въ Баръ, на поклоненіе мощамъ св. Николая [13]). Такимъ образомъ, ближайшимъ побужденіемъ для Барскаго къ поѣздкѣ во Львовъ было—лѣченіе болѣзни, затѣмъ—намѣреніе продолжать свое образованіе и, наконецъ, дальнѣйшимъ побужденіемъ—паломничество по обѣту. Какъ бы то ни было, а Барскій рѣшился ѣхать во Львовъ, и нужно полагать, что рѣшимость его была чрезвычайно сильна, когда онъ не отступилъ отъ своего намѣренія при такомъ препятствіи, каково было отсутствіе его отца, уѣхавшаго въ то время изъ Кіева по дѣламъ торговли. Рискуя навлечь на себя гнѣвъ отца самовольнымъ удаленіемъ изъ дому, побѣдивъ своими неотступными мольбами слезы и рыданія любящей матери, не смотря на скудныя средства, какими онъ могъ располагать для своего путешестія, Барскій все-таки выѣхалъ изъ родительскаго дому въ день св. пророка Иліи 1723 года, будучи около двадцати двухъ лѣтъ отъ роду. Не воротился онъ и тогда въ домъ родительскій, когда отецъ его, пріѣхавъ назадъ въ тотъ-же день, послалъ за нимъ въ погоню слугу съ приказаніемъ возвратиться: Барскій, не смотря на всѣ просьбы и даже угрозы слуги, остался непреклоннымъ и, пославши отцу сыновній поклонъ, продолжалъ путь свой. Если что его и бозпокоило, такъ это то, что онъ отправился въ путь безъ благословенія отца. И вотъ, чтобы очистить свою совѣсть и отъ этого упрека, онъ изъ Почаева пишетъ отцу: «Тутже прошу о прощеніи, жемъ безъ бытности вашей родительской милости отъихалъ; простѣте и благословѣте, а не клянѣте мя грѣшнаго, дабы ми, за благословеніемъ Божіимъ и вашимъ отческимъ, всякіе замыслы и поступки благополучніи были» [14]). По исполненіи этой сыновней обязанности онъ уже спокойно продолжалъ дальнѣйшій путь до Львова.

---

[12]) Русск. Архивъ 1874 г. № 9. Первое письмо Барскаго.—Пѣвнѣ—навѣрное.

[13]) Мнѣ-же не бысть толь желанье до Рима, говоритъ Барскій, елико до Св. Христова Николая въ Баръ-градъ; егда-бо еще цѣлихъ оную предреченную великую язву на нозѣ моей, обѣщахъ Богу по исцѣленіи подъяти далекій путь въ благодареніе благодати Его. „Рукопись К. М. мон., кн. 1, стр. 9 на обор.

[14]) Русск. Арх. за 1874 г. № 9. Первое письмо Барскаго.

Библиотека "Руниверс"

По прибытіи въ Львовъ, Барскій, прежде всего, занялся лѣченіемъ своей ноги и, благодаря искусству тамошнихъ врачей, болѣзнь скоро миновала. Затѣмъ приступлено было къ осуществленію той главной цѣли, которая влекла изъ Кіева обоихъ путниковъ, именно: Барскій съ своимъ товарищемъ началъ заботиться о поступленіи въ академію. Въ то время всѣ, говоритъ г. Чистовичъ, кто только выносилъ изъ Кіевской академіи любовь къ знанію, доканчивали свое образованіе въ Польскихъ училищахъ. А такъ какъ въ Польскія училища изъ восточнаго исповѣданія никого не принимали, и всѣ Кіевскіе коллегіаты, доканчивавшіе свое образованіе въ Польскихъ училищахъ, должны были сдѣлаться уніатами, то большинство въ то время видѣло въ выполненіи этого условія такую роковую необходимость, что нисколько не стѣснялось принять уніатство и даже католичество, а затѣмъ, по окончаніи образованія, опять переходить въ православіе [15]). Такъ, мы знаемъ, поступили Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Симонъ Тодорскій и многіе другіе. Тоже условіе должны были выполнить и наши путешественники. Но то, что̀ для другихъ было дѣломъ обыкновеннымъ, для ихъ свѣжаго религіознаго чувства, должно быть, казалось средствомъ слишкомъ щекотливымъ и унизительнымъ. И вотъ они, вмѣсто формальнаго отреченія отъ православія и перехода въ унію, сочли лучшимъ объявить себя природными Поляками-католиками, чтобы, такимъ образомъ, и цѣль была достигнута, и православіе не было оскорблено не было поругано торжественнымъ отреченіемъ отъ него. Для этого рѣшено было заняться нѣсколько времени изученіемъ Польскихъ мѣстныхъ обычаевъ и Польскаго языка, который они, впрочемъ, и безъ этого знали хорошо; на таковыя занятія (если мы предположимъ, что болѣзнь Барскаго была излѣчена въ продолженіи Сентября) было употреблено все время отъ Октября до Января. Наконецъ, назвавшись братьями Барскими, родомъ изъ Польскаго мѣстечка Бара [16]) въ Подоліи, они явились къ префекту академіи съ просьбою о зачисленіи ихъ въ студенты. Планы ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ихъ мнимымъ Польскимъ происхожденіемъ, особенно же отличными отвѣтами по-латыни, префектъ былъ расположенъ въ ихъ пользу, и братья Іустинъ и Василій Барскіе въ Январѣ 1724 г. были приняты въ академію, въ классъ риторики. Но не посчастливилось имъ въ академіи. Не болѣе 8 или 10 дней пробыли они въ ней, какъ сотоварищи ихъ По-

[15]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 2 и 3.

[16]) Таково происхожденіе той фамиліи, подъ которою Василія Григоровича знала и знаетъ Русь православная, которою и мы называли его до сихъ поръ, когда онъ еще не имѣлъ ея.

Библиотека "Руниверс"

ляки, особенно-же уніаты изъ Русскихъ, начали подозрѣвать Польское происхожденіе братьевъ Барскихъ, хотя явно уличить ихъ въ православіи и не могли. И вотъ ненависть къ искони противной имъ національности и вѣрѣ, зависть, возбужденная успѣхами пришельцевъ, побудили Поляковъ придумать слѣдующую хитрость: они сочинили письмо, присланное будто-бы къ Барскимъ изъ Кіева ихъ родителями, въ которомъ заповѣдывалось имъ блюстись отъ уніатства и католичества. Давъ это письмо одной женщинѣ, они приказали ходить ей около академіи и спрашивать: кому отдать письмо, переданное ей Русскими купцами? Естественно, что одно слово «Русскій» побудило питомцевъ іезуитизма перехватить это письмо и представить по начальству. И вотъ, тотъ часъ же по прочтеніи онаго, была написана пресловутая эксклюзія, въ которой значилось, что, такъ какъ о братьяхъ Барскихъ узнано, что они изъ Кіева и противники Римско-католической церкви, то, по правиламъ академіи, они не могутъ имѣть въ ней мѣста, вслѣдствіе чего и изгоняются вонъ. И, не смотря на протестъ Барскаго съ товарищемъ, что письмо было подложное, ихъ «яко волковъ отъ лѣсовъ Кіевскихъ», изгнали изъ академіи.

Чувства, которыя испытывали при этомъ Барскій и Линницкій, выражаетъ самъ Барскій. «Идохомъ скоро въ домъ свой, говоритъ Барскій, перемѣнивши стыдъ на дерзость, печаль-же на радость, разсуждаючи, яко вина изгнанія нашего не токмо бысть не безчестна, но еще и честна, егда явѣ въ семъ градѣ прославиша насъ, яко есмы православные христіане, сыны восточной, апостольской церкви».

Но не успѣли еще наши путники придти домой, какъ неумолимая дѣйствительность уже ставитъ на очередь вопросъ: чтожъ теперь дѣлать? И въ то время, какъ Барскій совѣтовалъ ѣхать обратно въ Кіевъ, Линницкій разсуждалъ иначе: поступить, во что бы то ни стало, опять въ академію. Изыскивая средства для достиженія этой цѣли, они остановились на одномъ: обратиться за помощію и покровительствомъ къ какому нибудь вліятельному лицу, и вниманіе ихъ остановилось въ этомъ отношеніи на епископѣ Русскомъ, уніатѣ Аѳанасіѣ Шептицкомъ, бывшемъ въ большой дружбѣ съ католиками. Дѣйствительно, палъ ихъ выборъ на эту личность не напрасно. Епископъ почувствовалъ къ нимъ состраданіе и приказалъ своему архидіакону просить префекта академіи о томъ, чтобы студенты, братья Барскіе, были вновь приняты въ академію; ибо они, какъ приказалъ епископъ сказать префекту, не Кіевляне, но жители его епархіи, были-же въ Кіевѣ ради удовлетворенія своей любознательности и теперь опять возвратились на родину. Просьба лица, съ одной стороны вліятельнаго по самому своему положенію, а съ другой — находившагося въ дружбѣ съ Іезуитами, какъ

Библиотека "Руниверс"

ни была непріятна, не могла однако быть оставлена безъ вниманія, и братья Барскіе были вторично приняты въ академію.

Когда Барскій и Линницкій достигли, такимъ образомъ, своей цѣли, они неоднократно стали подумывать о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. По мнѣнію Барскаго оставаться долѣе въ академіи имъ не только было не зачѣмъ, но даже и опасно, такъ какъ сотоварищи ихъ, раздраженные своею первою неудачею, навѣрно постараются употребить какой-нибудь новый коварный способъ, чтобы открыть ихъ настоящее званіе, и тогда не избѣжать имъ вторичнаго позорнаго изгнанія не только изъ академіи, но даже и изъ самаго города. Къ этому присоединялъ Барскій еще и то опасеніе, что, такъ какъ они обладали недостаточною силою и опытностію, чтобы устоять въ борьбѣ съ папизмомъ, то какъ бы, вслѣдствіе этого, католичество не отразилось пагубно на ихъ православіи. Послѣднимъ побужденіемъ къ оставленію академіи, со стороны Барскаго, было то, что онъ рѣшился, не смотря на скудость матеріальныхъ средствъ, выполнить свой обѣтъ—идти на поклоненіе св. мѣстамъ. Съ мнѣніемъ Барскаго былъ согласенъ и Линницкій, согласенъ былъ даже и сопутствовать ему въ путешествіяхъ; но только онъ совѣтывалъ не оставлять академіи до пасхи, такъ какъ въ то время великій постъ былъ уже на исходѣ. Такъ и было сдѣлано, и съ окончаніемъ великаго поста они оставили академію. Послѣ этого приступлено было къ изысканію средствъ для осуществленія новаго намѣренія. Прежде всего они озаботились отысканіемъ себѣ хорошаго спутника, каковаго скоро нашли въ лицѣ одного священника, уніата (изъ Русскихъ), ихъ большаго пріятеля, Стефана Протанскаго, собиравшагося на поклоненіе въ Римъ по обѣту. Этотъ священникъ предложилъ имъ свое сопутничество, и они съ радостію приняли его предложеніе, въ особенности Барскій, которому хотѣлось побывать не столько въ Римѣ, сколько въ Барѣ для поклоненія мощамъ Св. Николая Чудотворца. Гораздо болѣе озабочивалъ ихъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ у Барскаго почти вовсе не было денегъ, да и у Линницкаго деньги были на исходѣ; но они положили не слишкомъ стѣсняться этимъ препятствіемъ, такъ какъ не только въ то время, но и во все послѣдующее толпы пилигримовъ могли отправляться въ Римъ безъ копѣйки денегъ. Для этой цѣли обыкновенно брали отъ высшихъ административныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ грамоты, въ которыхъ свидѣтельствовалась ихъ несостоятельность и дѣлалось воззваніе къ христіанамъ о дѣлахъ милосердія. Такими свидѣтельствами рѣшились заручиться и наши путешественники. Правда, для этой цѣли имъ нужно было во все продолженіе путешествія поступаться своимъ православіемъ и выдавать себя за католиковъ, но они рѣши-

Библиотека "Руниверс"

лись подчиниться этой необходимости. Для достиженія этой задуманной цѣли они отправились на третій день пасхи (7 Апр.) въ Львовскій каѳедральный монастырь, въ которомъ имѣли много хорошихъ знакомыхъ. Тамъ они открыли свое намѣреніе архидіакону и просили у него совѣта, что́ дѣлать. Архидіаконъ одобрилъ ихъ намѣреніе и совѣтывалъ имъ съ приличными праздничными рѣчами явиться къ епископу и просить у него подорожныхъ пилигримскихъ грамотъ. На другой день вмѣстѣ съ архидіакономъ они, дѣйствительно, явились къ епископу, произнесли предъ нимъ нарочно составленныя ими рѣчи, въ концѣ которыхъ коснулись и тѣхъ поводовъ, которые главнымъ образомъ заставили ихъ обратиться къ нему. Къ намѣренію ихъ епископъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ и приказалъ тотчасъ же выдать имъ подорожныя грамоты. Такія же грамоты получили они отъ ректора академіи и архіепископа Польскаго, получили даже благодарность за какую-то услугу, подорожное свидѣтельство отъ Евреевъ, въ которомъ они призывали своихъ собратій къ помощи предъявителямъ ея— студентамъ. Наконецъ, пріобрѣтши необходимые для путешествія въ Римъ пилигримскіе костюмы [17]), они уже были готовы къ отправленію въ путь. Но такъ какъ ихъ спутникъ-священникъ еще не окончилъ своихъ приготовленій, то они рѣшились употребить время, пока онъ управится, на испробованіе трудностей страннической жизни, съ каковою цѣлію отправились въ мѣстечко Жолково, отстоящее отъ Львова на три мили, побыли въ близъ лежащемъ монастырѣ Креховскомъ, откуда возвратились на другой день обратно въ Львовъ. «Показася намъ путешествіе радостное и полезное», замѣчаетъ по этому случаю Барскій. Чрезъ два дня послѣ этого рѣшено было окончательно отправиться въ путь. Въ назначенный день, 25 Апрѣля, Барскій отдалъ всѣ свои студенческія одежды и книги игумену Русскаго Богословскаго монастыря на сохраненіе впредь до своего возвращенія. Послѣ этого, одѣвшись въ пиллигримское платье, всѣ вмѣстѣ, Барскій съ Линницкимъ и священникомъ, отдали прощальный визитъ своимъ пріятелямъ и благодѣтелямъ и отправились въ путь, провожаемые далеко за городъ и напутствуемые благожеланіями всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ.

---

[17]) Костюмъ этотъ состоялъ изъ чернаго, съ неразрѣзанными полами, халата, съ крестомъ на груди, клеенчатой котомкой за плечами и кубышкой для воды съ боку; на голову надѣвалась круглая шляпа съ большими полями; на плеча накидывался плащъ; ноги обувались въ сандаліи и до колѣнъ перевязывались ремнями; въ рукахъ былъ черный посохъ въ ростъ человѣка. Такъ описываетъ этотъ костюмъ самъ Барскій.

Библиотека "Руниверс"

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ событій, составляющихъ содержаніе перваго періода жизни Барскаго и переходимъ къ другому.

2. Періодъ паломничества.

Всѣ четверо, Барскій съ своимъ сотоварищемъ и священникъ съ слугою, направили путь свой чрезъ Венгрію, куда вступили, перебравшись чрезъ Бешкидъ, сѣверо-восточный уголъ Карпатскихъ горъ, отдѣляющій Галицію отъ Венгріи. Новость положенія, въ которомъ очутился вдругъ Барскій, какъ пилигримъ и какъ человѣкъ, зависящій вполнѣ, вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ, отъ окружающей среды, на первыхъ порахъ исключительно овладѣвала его вниманіемъ и заставляла, главнымъ образомъ, слѣдить за тѣмъ, какъ относилась къ нему эта окружающая среда. И онъ съ благодареніемъ вспоминаетъ о проявленіяхъ братской любви и благотворительности, такъ что первое, а часто и единственное слово его о той или иной мѣстности состоитъ въ описаніи того пріема, который сдѣлали ему жители. Но очень рано пришлось ему знакомиться и съ тою стороною человѣческихъ отношеній, которая совершенно противуположна любви и благотворительности. Спустя какихъ-нибудь пять дней по выходѣ изъ Львова, когда они хотѣли посѣтить монастырь Спасскій, то были прогнаны настоятелемъ онаго, епископомъ Перемышльскимъ, Іеронимомъ Уштрицкимъ. Затѣмъ, по приходѣ въ Кошицы (Кашау), одинъ изъ главныхъ городовъ Венгріи, нужда заставила ихъ заняться новымъ для нихъ промысломъ— сборомъ милостыни: «и не безъ сраму бысть намъ сіе новое художество», замѣчаетъ Барскій, вслѣдствіе чего спутникъ-священникъ оставилъ ихъ, стыдясь ихъ нищенства. Недолго шелъ Барскій и съ своимъ сотоварищемъ Линницкимъ: чрезъ три дня по выходѣ изъ Кошицъ (16-го Мая), и Линницкій оставилъ его. 18 Мая въ Егерѣ (Эрлау) всѣ они опять было сошлись, но за тѣмъ, чтобы опять разойтись вновь. Въ Эрлау съ Барскимъ его спутники поступили вполнѣ не по-товарищески: всѣ они отправились къ епископу просить у него подорожныхъ свидѣтельствъ; тотъ обѣщалъ съ удовольствіемъ исполнить ихъ просьбу, только просилъ всѣхъ вмѣстѣ придти къ нему послѣ; но Линницкій съ священникомъ, не сказавшись Барскому, отправились за полученіемъ своихъ свидѣтельствъ одни и вышли безъ него изъ города. Когда же Барскій пришелъ въ епископскую канцелярію за полученіемъ своего свидѣтельства одинъ, то каѳедральный писарь, принявши его за новое лице, взялъ съ него деньги, что̀ для Барскаго, при его скудныхъ средствахъ, было тратою чрезвычайно тяжелою. 22 Мая Барскій опять встрѣтился съ Линницкимъ въ Пештѣ и уже не хотѣлъ было сходиться

Библиотека "Руниверс"

съ нимъ, «понеже, какъ замѣчаетъ онъ, гнѣвахся на него, яко уже дважды мя остави на пути и иныхъ многихъ ради винъ, ихъ-же не хощу здѣ воспоминати, да не впаду въ грѣхъ осужденія». Но пребываніе на чужбинѣ, среди народа невѣдомаго, сводитъ и исконныхъ враговъ, а не поссорившихся только друзей. Поэтому и Барскій съ Линницкимъ «промысломъ Божіимъ соединились паки въ союзъ любви», такъ какъ необходимость заставила ихъ обоихъ воспользоваться гостепріимствомъ одного Серба, много содѣйствовавшаго своимъ личнымъ посредничествомъ ихъ примиренію. Изъ Пешта уже вдвоемъ они отправились 25 Мая въ Вѣну.

Чѣмъ ближе подходили наши путники къ Венгерской границѣ и чѣмъ, слѣдовательно, болѣе встрѣчалось Нѣмецкаго элемента въ туземномъ населеніи, тѣмъ менѣе встрѣчали они страннолюбія. Не разъ принуждены были они ночевать подъ открытымъ небомъ, или тайно, гдѣ-нибудь въ овинѣ, и только разъ пришлось имъ воспользоваться гостепріимствомъ одного Латинскаго патера. Но еще болѣе чѣмъ недостатокъ страннолюбія, озабочивало нашихъ путниковъ то обстоятельство, что жителямъ Польши въ то время возбраненъ былъ входъ въ предѣлы Австріи. Причиною такого распоряженія администраціи, какъ передаетъ Барскій, было то, что одинъ какой-то Полякъ въ 1720 г. сжегъ Офенъ; затѣмъ, тоже Полякъ, не задолго предъ этимъ, какимъ-то злодѣйствомъ нарушилъ общественное спокойствіе въ Вѣнѣ. Поэтому, уже въ пограничныхъ съ Австріей значительныхъ Венгерскихъ городахъ, ихъ не пропускали; когда-же они вступили въ предѣлы Австріи и были уже недалеко отъ Вѣны, то мѣстные жители не разъ предостерегали ихъ, что трудъ ихъ не только безполезенъ, такъ какъ ихъ въ Вѣну не пропустятъ, но даже довольно опасенъ, потому что очень легко, какъ нарушители закона, они могутъ быть подвергнуты тюремному заключенію. Единственное средство, благодаря которому они могли получить свободный проходъ во всѣ мѣста Австріи, состояло въ томъ, чтобы заручиться свидѣтельствомъ отъ какого-нибудь духовнаго или свѣтскаго административнаго лица; а такъ какъ для этого они должны были пройти какимъ-бы то ни было образомъ напередъ въ Вѣну, то, не смотря на всѣ предупрежденія мѣстныхъ жителей, они, дѣйствительно, и отправились туда, возложивъ надежду на Бога. Когда они пришли къ крѣпости, защищавшей предмѣстье Вѣны, то сторожевые солдаты, видя въ нихъ, по ихъ костюму, Поляковъ, возбранили имъ входъ въ ворота, и Барскій съ Линницкимъ никакъ не могли, хотя бы и желали, разувѣрить ихъ въ ложности своей Польской національности, такъ какъ не знали Нѣмецкаго языка и уже хотѣли было, поэтому, воротиться назадъ, какъ вдругъ увидѣли Вѣнскихъ студентовъ, возвращавшихся съ про-

Библиотека "Руниверс"

гулки. Это обстоятельство подало имъ счастливую мысль — воспользоваться знаніемъ студентами Латинскаго языка и избрать ихъ переводчиками для передачи Нѣмецкимъ солдатамъ истинныхъ свѣдѣній о своемъ происхожденіи. Такъ и было сдѣлано, вслѣдствіе чего начальникъ стражи сдѣлалъ у нихъ на свидѣтельствѣ надпись, разрѣшавшую имъ входъ въ предмѣстье. Но когда они подошли къ укрѣпленіямъ, защищавшимъ самый городъ, то начальникъ стражи ни за что не хотѣлъ пропустить ихъ. Они показали-было ему и свидѣтельства свои съ только что сдѣланною на нихъ надписью, но и это мало помогло: начальникъ послалъ ихъ къ стражѣ, защищавшей другія ворота, гдѣ повторилась таже самая исторія. И когда Барскій съ Линницкимъ рѣшительно недоумѣвали, что имъ дѣлать, проходившій тутъ по случаю горожанинъ посовѣтывалъ кому-нибудь одному изъ нихъ съ солдатомъ отправиться къ папскому нунцію и взять отъ него свидѣтельство, съ которымъ-бы можно было свободно проходить по всѣмъ мѣстамъ имперіи. Сейчасъ же совѣтъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, и нунцій обѣщалъ имъ выдать нужное для нихъ свидѣтельство въ 10 часовъ утра на другой день. Въ ожиданіи этого они купили хлѣба и, выпивъ бутылку вина по случаю имянинъ Линницкаго, провели ночь на рѣкѣ въ лодкѣ, такъ какъ ихъ никто не хотѣлъ пускать въ домъ. Получивши на слѣдующій день отъ нунція свидѣтельство и, кромѣ того, еще отъ Венеціанскаго посла [18]), которыми былъ обезпеченъ имъ свободный доступъ во всѣ мѣста имперіи, они пробыли въ Вѣнѣ три дня (отъ 2 до 5 Іюня) и отправились далѣе, по направленію къ Венеціи чрезъ Штирію и Каринтію.

На границѣ между Австріей и Венеціанскими владѣніями наши путешественники добыли себѣ неизбѣжныя свидѣтельства на право свободнаго прохода по Италіи и, размѣнявши свою монету на мѣстную, думали было отправиться въ Римъ сухимъ путемъ; но это намѣреніе свое они измѣнили, послѣдовавъ предложенному имъ совѣту отправиться въ Римъ моремъ, потому что путь этотъ и ближе, и представляетъ гораздо болѣе разнообразныхъ впечатлѣній для наблюдателя, чѣмъ путь по суху, вслѣдствіе чего они (26 Іюня) отправились моремъ въ Венецію. Новый, невѣдомый дотолѣ міръ открылся предъ изумленными взорами нашихъ путниковъ: южное небо, очаровательный видъ моря, которое какъ-бы ласкало и манило ихъ въ свою необъятную лазурную даль, многочисленные корабли съ ихъ напряженною, неустанною дѣятельностію, волны морскія «аки холмы великіе», великолѣпная панорама

[18]) Прибавл. къ путеш. Барск. въ изд. Рубана, путев. свид. № 4.

Библиотека "Руниверс"

Венеціанскихъ береговъ съ виноградниками, красивыми селами и городами,—все это производило новыя, невѣдомыя, неотразимыя впечатлѣнія [19]). «И благодарствовахъ Богу, яко и самъ иногда слышати, нынѣ же видѣти сподобихся» восклицаетъ съ восхищеніемъ Барскій въ своемъ «путникѣ». Въ особенности много впечатлѣній испытывалъ Барскій при видѣ Венеціи; но скудость средствъ къ жизни заставила его во время пребыванія въ Венеціи заняться болѣе сборомъ милостыни, чѣмъ изученіемъ города. Въ гостинницѣ св. Анны, предназначенной для пріюта пилигримовъ, Барскій съ Линницкимъ пользовались однимъ ночлегомъ; пищу-же имъ дали безвозмездно только однажды, по ихъ прибытіи, а во все остальное время пребыванія въ гостинницѣ они должны были содержаться на своемъ иждивеніи. Поэтому Барскій съ Линницкимъ, на слѣдующее-же утро по прибытіи, отправились въ Греческую церковь за сборомъ милостыни; но настоятель, видя въ нихъ по костюму иностранцевъ и не понимая Латинскаго языка, отказалъ имъ въ помощи. Къ счастію нашихъ путниковъ, въ это время пришли къ литургіи въ церковь ученики Греческой школы, знавшіе по латыни; при ихъ-то посредствѣ Барскій съ Линницкимъ объявили настоятелю свою истинную національность и вѣроисповѣданіе. Но такъ-какъ ихъ костюмъ все-таки не слишкомъ располагалъ къ довѣренности, то религіозныя убѣжденія Барскаго и Линницкаго были двукратно подвергнуты испытанію, сначала наставниками Греческаго училища, а потомъ многими изъ посѣтителей Греческой церкви, и только послѣ того, какъ православіе ихъ оказалось безукоризненнымъ, они получили изрядное вспоможеніе и въ тотъ-же день вышли изъ Венеціи, послѣ двухдневнаго въ ней пребыванія. Путь свой они направили чрезъ Падую, Феррару, Болонью, Пезаро и приморскіе города — Анкону и Лоретто, къ Риму. Но изъ Лоретто, куда они прибыли 12 Іюля, имъ предстояло два пути: кратчайшій въ Римъ и дальнѣйшій въ Баръ. Нашимъ путникамъ предстояло, поэтому, рѣшить вопросъ: который изъ этихъ двухъ путей избрать прежде? И мы, дѣйствительно, видимъ ихъ, послѣ сбора милостыни и подробнаго обозрѣнія Лоретской святыни (дома Богородицы), разсуждающими объ этомъ предметѣ. Обыкновенно, желающіе поклониться мощамъ св. Николая отправляются въ Баръ изъ Рима чрезъ Неаполь, но Барскій настаивалъ отправиться въ Баръ не изъ Рима, а изъ Лоретто. Къ этому побуждало его, прежде всего, стремленіе поскорѣе достигнуть главной цѣли своего путешествія и выполнить обѣтъ, ради котораго онъ подъялъ настоящій трудъ свой; кромѣ этого онъ пред-

---

[19]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1, стр. 48.

Библиотека "Руниверс"

ставлялъ въ пользу своего мнѣнія еще и слѣдующее соображеніе: «аще пойдемъ первѣе къ Риму, разсуждалъ онъ, довольни будемъ видѣніемъ величества, красотъ и славы его и, о меньшемъ уже не брегуще, восхощемъ возвратитися вспять, или утружденны сущи пѣшехожденіемъ, облѣнимся пойти поклонитися, аможе хощемъ, у угодника Божія св. Николая; егда-же пойдемъ первѣе къ граду Бару и, узрѣвши меньшая, можемъ ради бо̀льшихъ на бо̀льшіе и дальшіе подвигнутися труды». Основаніе это показалось разумнымъ и Линницкому; поэтому и рѣшено, прежде всего, отправиться въ Баръ.

Тяжекъ былъ путь, избранный нашими путешественниками. Страна, по которой они шли — Калабрія, представляла изъ себя гористую, пустынную, лишенную почти всякой растительности и населенія, мѣстность, такъ что очень часто трудно было достать хлѣба и воды для утоленія голода и жажды; подъ жгучими лучами южнаго Іюльскаго солнца все тѣло ихъ разслабѣвало, и часто падали они, обезсиленные, на острые каменья, поражая до крови члены свои, разбивая сосуды съ водою, которая для жаждущаго, палимаго зноемъ, путешественника дороже всего; о какихъ-нибудь гостинницахъ, гдѣ-бы усталые путники могли спокойно провести ночь, не могло быть и рѣчи: гостинницу они находили тамъ, гдѣ въ изнеможеніи, безъ чувствъ падали на землю. Можно представить себѣ, какъ измучило нашихъ путниковъ девять дней такого пути! Но святое намѣреніе, одушевлявшее ихъ, заставляло преодолѣвать всѣ эти труды и лишенія. На десятый день путь сдѣлался нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ предъ взорами нашихъ путниковъ открылась ровная мѣстность. Но тутъ съ Барскимъ случилось большое несчастіе. Достигши до Барлетто (26 Іюля), они рѣшились идти до Бара, отстоявшаго отсюда на какихъ-нибудь 30 верстъ, и днемъ, и ночью. Шли они на слѣдующую-же ночь мимо виноградниковъ и, мучимые жаждою, расчитывая на небдительность стражи, они неоднократно перелѣзали чрезъ ограду, въ особенности гдѣ она была низка, и лакомились запрещенными, только что созрѣвавшими, плодами. Когда достигли они на разсвѣтѣ городка Трани и рѣшились нѣсколько отдохнуть, то Барскій, снявши сумку и опустивши руку за пазуху съ цѣлію достать оттуда свои попутныя свидѣтельства, не отыскалъ ихъ: оказалось, что онъ выронилъ ихъ во время своихъ ночныхъ похожденій. Предоставивши Линницкому одному идти въ Баръ, онъ самъ отправился въ обратный путь и, тщательно осматривая всѣ мѣста, гдѣ рвалъ ягоды, дошелъ до самаго Барлетто, но свидѣтельствъ не отыскалъ. Здѣсь Барскій явился къ градскимъ властямъ и, разсказавши имъ о своемъ несчастіи, просилъ ихъ содѣйствовать ему чрезъ публикацію въ отысканіи потерянныхъ свидѣтельствъ. Власти свое содѣйствіе Бар-

Библиотека "Руниверс"

скому обѣщали, но, не желая удерживать его на пути, дали ему новое свидѣтельство на право сбора милостыни и свободнаго прохода по всѣмъ мѣстамъ Италіи, съ каковымъ свидѣтельствомъ онъ и отправился въ Баръ. Но отъ труднаго и безустаннаго пути у Барскаго такъ разболѣлись ноги, что онъ едва на другой день къ вечеру, по выходѣ изъ Барлетто, достигъ Бара. Здѣсь онъ нашелъ Линницкаго и вмѣстѣ съ нимъ посѣщалъ Барскую святыню. Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Барѣ наши путники отправились въ обратный путь къ Риму.

Достигши Барлетто, Барскій рѣшился остаться въ немъ для отысканія своихъ потерянныхъ подорожныхъ свидѣтельствъ; Линницкій же, не захотѣвъ подождать его нѣсколько дней, навсегда разстался съ нимъ, оставивъ его одного, больнаго въ лихорадкѣ, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Хотя свидѣтельства и были отысканы, но для этого Барскій долженъ былъ прожить въ Барлетто пять мучительныхъ, голодныхъ дней. «Не имѣхъ съ собою сребра и гладомъ изнуряхся, говоритъ Барскій, не имѣя за что хлѣба купити, того ради нѣкія вещи тамо продалъ пищи ради: ащебо и вещи иныя зѣло мнѣ нужды бяху, обаче пища тогда нужднѣйши бяше; еще бо во всей Италіи и въ иныхъ странахъ нигдѣ не случится видѣти толь драго продаемаго хлѣба, яко тамо, и сице чернаго». Шестаго числа Августа Барскій получилъ свои потерянныя свидѣтельства отъ одного нашедшаго ихъ поселянина и отправился чрезъ Неаполь въ Римъ. Но нерадостно было для него это путешествіе. «Идохъ-же тогда, говоритъ Барскій, съ великою нуждою на всякъ день, стражда лихорадкою, и множицею валяяся при пути на полѣ пустомъ и на зноѣ солнечномъ, стражда, трясяся и паляся, не имѣя ни капли воды омочити языкъ свой, и не имѣя за что купити пищи или питія; едва съ нуждою единою хлѣба испросити могъ, понеже не знаяхъ ихъ нарѣчія, и къ тому не смѣяху ко мнѣ приближатися, да не прейдетъ болѣзнь на нихъ, видѣху бо мя не имуща своего друга и различно о мнѣ помышляху, понеже безъ дружбы тамо не приходятъ путницы». Въ городкѣ Троѣ Барскій поступилъ было въ устроенную для бѣдныхъ больницу, но, пробывъ въ ней три дня безъ всякой пользы и еще болѣе ослабѣвши «малоястія ради», онъ 11 Августа ушелъ изъ нея. Оставленный своимъ единственнымъ другомъ, немощный физически, отчаявшійся во всякой помощи человѣческой, Барскій воззвалъ о помощѣ къ Источнику всякой помощи—милосердому Богу. «Богъ-же, человѣколюбивъ сый, говоритъ Барскій, и милостивъ, сотвори мя отъ того часа здрава отъ лихорадки, и уже болѣе на ню не болѣзновахъ». Съ возвращеніемъ здоровья начали улучшаться для Барскаго и другія условія, необходимыя для путешествія: вмѣсто бѣднаго, негостепріимнаго народа, Барскій, чѣмъ ближе подходилъ къ Неаполю, тѣмъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

встрѣчалъ на пути гостинницъ, въ которыхъ усталый путникъ могъ спокойно провести непогодную ночь и найти все необходимое для подкрѣпленія силъ своихъ; вмѣсто пустынныхъ мѣстностей является роскошная растительность, и въ рощахъ, перевитыхъ дикимъ виноградомъ, путникъ всегда могъ найти прохладную тѣнь отъ палящихъ лучей солнца; дорога была уже не гористая, а ровная, постоянное-же сопутничество дѣлало ее, кромѣ того, веселою. Такимъ-то путемъ Барскій дошелъ къ четырнадцатому Августа до Неаполя, гдѣ, найдя себѣ пріютъ въ странноприимницахъ, онъ въ продолженіе четырехъ дней осматривалъ достопримѣчательности города и, взявши два свидѣтельства—одно отъ нунція, а другое изъ королевской канцеляріи, 18 числа отправился въ Римъ, надѣясь встрѣтить тамъ своего друга, Линницкаго. Путь къ Риму былъ также весьма удобный: прекрасное шоссе, роскошная растительность, частыя гостиницы,—все это чрезвычайно много облегчало трудности путешествія, и чрезъ десять дней такого пути (29 Авг.) предъ взорами нашего путника открылся вѣчный городъ—семихолмный Римъ съ многочисленными памятниками науки и искусства, съ своими многовѣковыми, историческими преданіями. Много предстояло пищи для любознательности Барскаго: былъ онъ и въ соборѣ св. Петра, и въ Ватиканскомъ дворцѣ короля-папы, пользовался даже его гостепріимствомъ, видѣлъ церемонію конфирмаціи новоизбраннаго папы и т. п. Двадцать дней пробылъ Барскій въ Римѣ, но главной цѣли своего путешествія туда не достигъ: не засталъ тамъ друга своего, Линницкаго, который ушелъ оттуда раньше тремя днями его прихода, и Барскій принужденъ былъ возвращаться на родину одинъ. Путь свой онъ направилъ въ Венецію чрезъ Флоренцію, Болонью и Феррару.

Здѣсь оканчивается, второй періодъ жизни Барскаго, періодъ паломничества въ собственномъ смыслѣ.

Область, въ которой Барскій выказался спеціалистомъ, была область богословскихъ знаній: глубокое знаніе Св. Писанія отразилось на многихъ мѣстахъ его Путевыхъ Записокъ; по догматовѣдѣнію онъ съ успѣхомъ выдержалъ испытаніе, которому подвергали его при Греческой церкви въ Венеціи. Что̀ касается другихъ областей знанія, то какъ ни похвально намѣреніе г. Аскоченскаго приписать Барскому познанія въ области естествознанія, геологіи, исторіи и т. п., но намъ приходится въ настоящій періодъ встрѣчаться съ доказательствомъ противоположнаго характера—его полнаго невѣдѣнія касательно этихъ наукъ. Такъ, когда Барскій въ лѣтнее время увидалъ снѣгъ на Карпатскихъ горахъ, то, не слыхавъ дотолѣ ни о чемъ подобномъ и не будучи въ силахъ объяснить себѣ это явленіе, приписалъ его «Божію смотрѣнію». Точно также, при видѣ теплыхъ источниковъ, онъ при-

Библиотека "Руниверс"

шелъ въ недоумѣніе: «како такова теплота отъ спудовъ горныхъ истекаетъ?» Въ концѣ концовъ, онъ опять долженъ былъ «чудиться Божіимъ судьбамъ [20]).» Плохое знаніе Барскимъ исторіи выказалось самымъ наглядным образомъ въ его разсказѣ о началѣ Рима: «Римъ градъ есть зѣло ветхій не слабостію или обветшаніемъ, но лѣты, понеже прежде христіанства отъ Еллиновъ созданъ есть, и есть градъ царскый, понеже цари тамо ветхими временами свои сѣдалища имѣяху еще отъ Еллиновъ, яко Титъ и Веспасіанъ и протчіи» [21]). Потребность знанія, послужившая главною причиною ухода Барскаго изъ дома родительскаго и недостигшая удовлетворенія въ Львовской іезуитской академіи, не могла быть удовлетворена и во время паломничества, такъ-какъ главная потребность, объ удовлетвореніи которой заботился Барскій, было религіозное чувство: онъ намѣренно старался избѣгать притока сторонних впечатлѣній, чтобы не развлекать своей религіозно-благоговѣйной настроенности. Отъ того и самыя его описанія городовъ, странъ и народовъ страдаютъ такой краткостью и поверхностностію, что, какъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, «не градовъ-бо презирати, но мѣста святыя идохомъ посѣтити». Но эта неудовлетворенная потребность въ немъ не заглохла; напротивъ, къ концу паломническаго періода она достигаетъ въ немъ сильнѣйшей степени возбужденія. И вотъ, наступаетъ новый періодъ въ жизни Барскаго, въ началѣ котораго онъ прямо, категорически заявляетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, сильно желающемъ «учитися и пользоватися [22]),»—періодъ, въ который онъ называетъ себя знаменательнымъ именемъ «историка [23])» въ обширнѣйшемъ смыслѣ, какъ человѣка, желающаго изучать исторію человѣчества и, притомъ, на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія, и не прошедшую только, но и настоящую и, притомъ, исторію жизни не одного только человѣчества, но и всей видимой природы, которая была для него не мертвой массой, но одушевленнымъ храмомъ Божіимъ. Этою только потребностію знанія и можно объяснить то явленіе, что Барскій, собиравшійся нѣсколько разъ возвращаться на родину, всякій разъ, какъ-бы противъ своей воли, отправляется въ новое путешествіе, какъ только представлялся къ тому удобный случай: онъ какъ-бы хотѣлъ притокомъ новыхъ, многочисленныхъ впечатлѣній заглушить, удовлетворить эту, не дававшую ему покоя, потребность. Но, выставляя, такимъ образомъ, въ жизнедѣятельности Барскаго за настоящій періодъ первымъ факто-

---

[20]) Рукопись Кіево-Мих. монаст. кн. I, стр. 42 наоборотѣ.
[21]) Тамъ же, стр. 105 на обор.
[22]) Рукопись Кіево-Мих. монаст. кн. I, стр. 161 наобор.
[23]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 480.

Библиотека "Руниверс"

ромъ потребность знанія, мы должны при этомъ сказать и то, что, съ возбужденіемъ потребности знанія, въ немъ не ослабѣло и религіозное чувство; напротивъ, оно (какъ мы увидимъ неразъ впослѣдствіи) теперь становится даже сильнѣе. Настоящій періодъ тѣмъ только и отличается отъ предъидущаго, что религіозное чувство теперь не удовлетворяется на счетъ любознательности, но послѣдняя получаетъ такія-же права на удовлетвореніе, какъ и первое, такъ что, послѣ исполненія религіозно-поклонническихъ дѣйствій, а иногда и совмѣстно съ ними, Барскій тщательно обозрѣваетъ окружавшую его дѣйствительность и обращаетъ вниманіе на такіе предметы, которые далеко не входятъ въ область религіозно-поклонническую. Итакъ, по стремленію къ удовлетворенію религіознымъ потребностямъ на мѣстахъ святыхъ, и настоящій, новый періодъ можетъ быть названъ періодомъ паломничества; но привходящій въ отношенія Барскаго къ дѣйствительности новый, сильный мотивъ — стремленіе къ удовлетворенію потребности знанія, котораго мы не видимъ въ періодѣ предшествовавшемъ, заставляетъ насъ не смѣшивать настоящаго періода съ предъидущимъ.

3. Періодъ путешествія ко святымъ мѣстамъ изъ потребности знанія.

Барскій, отправившись изъ Рима обратно на родину, 13 Октября прибылъ въ Венецію. Нашедши себѣ пріютъ въ богадѣльнѣ при Греческой церкви св. Георгія, онъ пробылъ въ Венеціи цѣлый мѣсяцъ и употребилъ это время частію на изученіе достопримѣчательностей города, преимущественно-же былъ озабоченъ изысканіемъ средствъ для возвращенія на родину, вслѣдствіе чего почти ежедневно ходилъ на пристань развѣдывать: нѣтъ-ли корабля, отправлявшагося въ Зару (въ Далмацію), такъ-какъ онъ хотѣлъ избрать для возвращенія домой новый путь чрезъ Славянскія земли, Далмацію, Боснію, Сербію и Болгарію, расчитывая, при знаніи Славянскаго языка, найти въ этихъ родственныхъ, единоплеменныхъ земляхъ болѣе гостепріимства, чѣмъ у иновѣрныхъ обитателей Австріи и Венгріи. Но корабля Барскій или не находилъ, или если и находилъ, то съ него запрашивали такую цѣну за проѣздъ, какой онъ дать былъ не въ состояніи. Когда же въ Ноябрѣ мѣсяцѣ начались зимнія стужи и по причинѣ сильныхъ вѣтровъ навигація прекратилась, то Барскій рѣшился въ Венеціи перезимовать, такъ-какъ возвращеніе на родину чрезъ Карпатскія горы, на которыхъ онъ даже лѣтомъ видѣлъ снѣгъ, зимою было слишкомъ тяжело и опасно, тѣмъ болѣе, что у него не было ни денегъ, ни необходимаго теплаго платья. Пріютъ-же себѣ онъ нашелъ въ богадѣльнѣ при

Библиотека "Руниверс"

Греческой церкви св. Георгія, духовенство которой полюбило умнаго пилигрима и дозволило ему пользоваться ихъ гостепріимствомъ, сколько угодно. Когда Барскій уже настолько ознакомился съ Венеціей, что ни въ устройствѣ города, ни въ нравахъ и обычаяхъ его жителей не находилъ пищи для своей любознательности, а между тѣмъ праздность скоро ему опротивѣла: то онъ вздумалъ изучать Греческій языкъ въ школѣ при церкви св. Георгія, такъ-какъ, разсуждалъ онъ, «не имѣхъ что̀ дѣлати и не умѣхъ, едино точію ученіе Латинское, Русское и ино школьное знахъ [24])». Быстро началъ успѣвать онъ въ излюбленномъ занятіи: въ продолженіи какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ непостоянныхъ занятій онъ научился, по его собственнымъ словамъ, «грамматики Греческой и писанія ихъ». Но невѣжество рѣдко мирится съ просвѣщеніемъ, какъ свѣтъ со тьмою: нищая братія, жившая вмѣстѣ съ нимъ въ богадѣльнѣ, насмѣхалась надъ нимъ, называя его премудрымъ Соломономъ, многократно бросала въ огонь его книги и тетради, такъ-что Барскій волею-неволею долженъ былъ прекратить свои занятія; къ тому-же въ это время былъ Февраль мѣсяцъ, приближалась весна, и онъ долженъ былъ подумывать о своемъ возвращеніи на родину.

Когда Барскій, съ приближеніемъ весны, опять посвятилъ себя исключительно изысканію средствъ къ возвращенію домой, одно случайное обстоятельство совершенно измѣнило его планы. Какъ-то разъ пришлось ему разговаривать о своемъ горѣ—о трудномъ возвращеніи на родину, съ однимъ ученикомъ Греческаго училища; затѣмъ Барскій началъ разсказывать ему о своихъ путешествіяхъ, о приключеніяхъ, бывшихъ съ нимъ, о мѣстахъ и народахъ, имъ видѣнныхъ и т. п. И вотъ, во время этого разговора, ученикъ, между прочимъ, замѣтилъ, что не мѣшало-бы ему побывать и въ вольной Греціи, «идѣже суть св. Божіихъ мощи и люди милосердые къ путникамъ». Слова этого мальчика были искрою, упавшею въ порохъ. Поклоненіе святынямъ, путешествіе среди народа благочестиваго и милостиваго, наконецъ, новое, неизвѣданное поле для любознательности,—все это возбудило неодолимое желаніе въ Барскомъ послѣдовать совѣту юнаго товарища-Грека. Скоро найденъ былъ и купецъ, который, по просьбѣ благодѣтелей Барскаго—причта Греческой церкви, согласился свезти его въ Корфу, гдѣ почиваютъ мощи знаменитаго Спиридона Тримифунтскаго.

---

[24]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 98—Г. Аскоченскій, говоря, что Барскій началъ изучать Греческій языкъ, вслѣдствіе сознанія недостаточности одного Латинскаго для путешественника, особенно имѣвшаго въ виду Малую Азію (Кіевск. губ. вѣд. 1854 г. № 49), вѣроятно забылъ, что Барскій, когда началъ изучать Греческій языкъ, имѣлъ въ виду не Малую Азію, а Малороссію, свою родину.

Библиотека "Руниверс"

Одно только печалило немного Барскаго: не было у него спутника по душѣ, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить и радость и горе странническої жизни. Но случай помогъ ему найти и спутника. Разъ какъ-то Барскій, въ ожиданіи отхода корабля, бродя въ раздумьѣ по площади св. Марка, былъ пріятно удивленъ обращеннымъ къ нему роднымъ привѣтствіемъ: «Здравствуй, господинъ!» Оказалось, что это былъ Русскій архимандритъ Рувимъ Гурскій, бывшій любимцемъ многихъ высокопоставленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, какъ-то: Стефана Яворскаго, Каллиста епископа Тверскаго, Іова Новгородскаго, довѣренное лице у царицы Параскевы Ѳедоровны и Алексѣя Петровича; но, замѣшанный въ дѣлѣ послѣдняго, онъ бѣжалъ отъ гнѣва Петра и посвятилъ себя страннической жизни. Познакомившись покороче съ Гурскимъ, Барскій предложилъ ему сдѣлаться его спутникомъ въ предстоящемъ путешествіи; а такъ-какъ опальному о. архимандриту было все равно съ кѣмъ-бы и гдѣ-бы ни коротать свой вѣкъ, то онъ съ радостію принялъ предложеніе Барскаго. Такимъ образомъ у Барскаго былъ и спутникъ. «И рады быхомъ, замѣчаетъ Барскій, яко сице снійдохомся и дадохомъ слово да не разлучимся, но да совокупно въ любви пребывающе, шествуемъ вкупѣ, аможе аще ни случится. Онъ бо мною доволенъ бяше, азъ-же имъ, понеже видѣхъ его человѣка смиренна, благоразумна и доброе имуща житіе». Но когда наступило время отплытія изъ Венеціи, то купецъ, хотѣвшій везти Барскаго на своемъ кораблѣ въ Корфу, отказался взять ихъ обоихъ и отплылъ безъ нихъ. Наши путешественники, пользуясь покровительствомъ нѣкоего Сербскаго капитана Вукола, нашли другой корабль, хозяинъ котораго согласился взять ихъ безвозмездно, и они 28 Февраля 1725 года благополучно отплыли изъ Венеціи.

И такъ Барскій опять на морѣ. Но это путешествіе, особенно въ началѣ, не заключало въ себѣ ничего для него привлекательнаго. Взятый на корабль Христа ради, онъ принужденъ былъ цѣлые дни проводить впроголодь, а иногда и совсѣмъ не имѣя куска хлѣба; купить было не на что, попросить не у кого: хозяинъ корабля, Латинянинъ, по замѣчанію Барскаго, такъ ихъ любилъ, какъ волкъ агнца, видѣть ихъ такъ желалъ, какъ соль въ очахъ, такъ что Жида или Турка больше любилъ, чѣмъ ихъ; другіе пассажиры относились къ нимъ также чрезвычайно недоброжелательно, называя ихъ бродягами, таскающимися безъ нужды по свѣту. Поэтому Барскій съ своимъ спутникомъ въ буквальномъ смыслѣ переживали голодные дни: въ великій Четвергъ и Пятницу, напр., они совершенно ничего не ѣли, утѣшая себя тою мыслію, что ихъ голодъ пришелся въ великіе дни поста. Когда корабль, на которомъ они плыли, по причинѣ противныхъ вѣтровъ,

Библиотека "Руниверс"

присталъ къ одному острову, а въ это время какъ разъ былъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, то наши путники, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что родители, сродники и друзья ихъ проводятъ теперь праздникъ «ядуще, піюще и поюще во славу Христа Воскреснаго»— не хотѣли столь великій праздникъ провести безъ «варенія», и вотъ, вышедши на островъ, они нарвали крапивы и, уваривъ ее въ водѣ, вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ масла, сготовили себѣ такимъ образомъ горячее кушанье [25]). Къ голоду у Барскаго присоединилась еще болѣзнь отъ непривычки къ мореплаванію, разрѣшившаяся дважды нестерпимою головною болью со рвотою. Но всѣ эти неудобства плаванія выкупались съ лихвою тѣмъ, что Барскій опять получилъ возможность наслаждаться созерцаніемъ величественныхъ явленій и прекрасныхъ картинъ природы; самъ онъ такъ описываетъ впечатлѣніе, полученное имъ отъ моря. «И исшедшимъ намъ, говоритъ онъ, на море перваго дня и плывуще на самой широтѣ и глубинѣ его, видѣхомъ ночію небеса и воду морскую, и мняшеся быти, яко весь свѣтъ потопе, и нѣсть ничтоже, кромѣ воды и неба, сице отъ превеликой широты мнится быти, яко ужасно и смотрѣти». Теперь его любознательности предстояла гораздо бо́льшая, неистощимая пища въ изученіи того новаго міра, который постепенно предъ нимъ открывался, міра своеобразнаго, Азіатскаго, съ цивилизаціей и культурой, столь непохожей на видѣнную имъ доселѣ, съ многочисленными памятниками жизни народовъ, сошедшихъ со сцены исторіи, съ великими преданіями, которыми освящены многочисленныя мѣста, дорогія для религіознаго чувства христіанскаго. Этотъ-то міръ и стремился посмотрѣть Барскій. Отправившись изъ Венеціи по Адріатическому морю, онъ вступилъ потомъ въ Средиземное и былъ на островахъ: Корфу, Кефалоніи, Зантѣ; затѣмъ онъ поплылъ по Архипелагу, и здѣсь на одномъ изъ острововъ его, Хіосѣ, смерть похитила у Барскаго его новаго спутника и друга Рувима Гурскаго, умершаго 19 Августа. Отсюда Барскій думалъ было, побывавши предварительно на Аѳонѣ, пробраться въ Іерусалимъ, но принужденъ былъ оставить это намѣреніе: бывшій въ то время въ Хіосѣ для сбора милостыни Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ сказалъ ему, что на неизбѣжныя издержки при этомъ путешествіи онъ долженъ былъ приготовить такую сумму денегъ, которой у Барскаго не было и трети, и ему довелось ограничиться въ своихъ стремленіяхъ только путешествіемъ на Аѳонъ, куда онъ и отправился изъ Хіоса 9 Сентября. Черезъ мѣсяцъ (10 Окт.) Барскій уже путешествовалъ по Аѳонскимъ

[25]) Рукопись Кіево-Мих. монастыря, кн. 1, стр. 158.

Библиотека "Руниверс"

монастырямъ, обозрѣвая устройство, жизнь и нравы этого своеобразнаго общежитія. По обозрѣніи всѣхъ монастырей, Барскій думалъ было возвратиться назадъ, въ отечество, но принужденъ былъ замедлить на Аѳонѣ болѣе продолжительное время по случаю наступленія зимы; къ тому же изъ Солуня пришла вѣсть, что для иностранцевъ по Турецкимъ владѣніямъ путешествовать затруднительно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Барскій прожилъ на Аѳонѣ до четырехъ мѣсяцевъ. Во все время своего пребыванія тамъ, онъ жилъ въ Русикѣ, исполняя разныя монастырскія послушанія, помогая въ богослуженіи и т. п. Не обходилась эта жизнь на Аѳонѣ для Барскаго и безъ непріятностей. Въ особенности пришлось ему вынести цѣлое гоненіе отъ монаховъ за свое путешествіе въ Римъ и обѣдъ у папы: Греки вездѣ называли его еретикомъ, не принимали во многіе монастыри, не хотѣли даже допустить къ пріобщенію св. таинъ, такъ что только послѣ свидѣтельства духовника о его невинности и разрѣшенія архіерейскаго онъ былъ допущенъ къ христіанскому таинству. Февраля 1-го 1726 г., Барскій вышелъ изъ Аѳона въ Солунь, гдѣ цѣлые семь мѣсяцевъ употребилъ на изысканіе средствъ къ отправленію Христа ради, но уже не на родину, а въ Іерусалимъ. Въ концѣ первой книги Путевыхъ Записокъ, долженствовавшей, по плану Барскаго, оканчиваться отправленіемъ его въ Іерусалимъ, онъ чрезвычайно кратокъ, такъ что есть основаніе предполагать въ означенномъ мѣстѣ пропускъ. Поэтому, какимъ образомъ его намѣреніе съ Аѳона отправиться обратно на родину видоизмѣнилось въ желаніе посѣтить Іерусалимъ, мы опредѣленно сказать не можемъ, по отсутствію точныхъ данныхъ. Но, на основаніи всей предшествующей его жизни, мы имѣемъ право думать, что желаніе посѣтить Іерусалимъ, разъ овладѣвшее Барскимъ, едва ли оставляло его; различныя препятствія, представлявшіяся на пути къ достиженію цѣли, не могли поколебать такой сильный характеръ, каковъ былъ у Барскаго, вслѣдствіе чего и намѣреніе посѣтить Іерусалимъ, занимавшее его еще въ бытность на островѣ Хіосѣ, по всей вѣроятности, окончательно созрѣло въ немъ во время четырехмѣсячнаго пребыванія на Аѳонѣ. Выходя оттуда въ Солунь, Барскій возсылаетъ такую молитву къ Богу: «Молихъ Всемогущаго Бога, говоритъ онъ, проведшаго меня чрезъ многія земли безвредно и безнапасно, да и до конца исправитъ путешествіе мое благополучно, и приведетъ мя даже до отечества моего безвредно». Здѣсь отъ возвращенія своего на родину отличаетъ какое-то путешествіе, о благополучномъ окончаніи котораго онъ молится. Очень можетъ быть, что это и было предполагаемое путешествіе въ Іерусалимъ. Какъ бы то ни было, но когда представился ему въ Солунѣ случай безвозмездно

Библиотека "Руниверс"

отправиться въ Іерусалимъ, то забылъ онъ про свое возвращеніе на родину, забылъ, что у него нѣтъ и трети той суммы, которая необходима для Іерусалимскаго хаджи: перваго Сентября 1726 года онъ уже находился въ числѣ пассижировъ на кораблѣ, отплывавшемъ въ Іерусалимъ и чрезъ 25 дней благополучнаго плаванія достигъ Малой Азіи.

Что же принесло Барскому это новое путешествіе? На первыхъ порахъ, въ Яффѣ, мы видимъ его въ то время, какъ другіе вечеряли, стоящимъ за дверьми и «созирающимъ бывшее» и тутъ-же по окончаніи стола, вмѣстѣ со слугами, питающимся остатками отъ общей трапезы. Послѣ этого видимъ его тщательно собирающимъ свѣдѣнія о всѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ пріурочены воспоминанія о какихъ нибудь библейскихъ событіяхъ, наблюдающимъ жизнь и нравы мѣстныхъ жителей, ходящимъ по церквамъ и изучающимъ особенности въ отправленіи церковныхъ службъ. Видимъ, далѣе, что въ то время, какъ другіе изъ Яффы отправились въ Іерусалимъ «на конѣхъ и верблюдѣхъ, аки на колесницахъ», онъ съ нѣкоторыми, подобными же ему бѣдняками, призвавъ Бога на помощь, отправился за ними пѣшкомъ по безводной пустынной дорогѣ, подъ палящими лучами солнца, предпринимая такіе труды и лишенія «Бога ради, на посѣщеніе св. мѣстъ потрудитися хотяще». Но эти лишенія были почти ничтожны въ сравненіи съ тѣми страданіями, какія пришлось Барскому вытерпѣть отъ Арабовъ на пути изъ Рамы къ Іерусалиму. Изъ Яффы въ Іерусалимъ отправилось, подъ прикрытіемъ Турецкой стражи, вмѣстѣ около 1500 человѣкъ; ибо отправляться безъ сообщества или въ сообществѣ малочисленномъ въ то время значило подвергать себя опасности быть ограбленнымъ или избитымъ кочевыми Арабами, производившими грабежи и насилія путешественникамъ. Потому-то Барскій и отправился въ Іерусалимъ въ сопровожденіи такого многочисленнаго сообщества. Но опасаясь быть раздавленнымъ животными, а также во избѣжаніе пыли, которую онъ принужденъ былъ вдыхать въ себя, идя среди всадниковъ, онъ, въ то время, какъ караванъ, при выходѣ изъ Рамы, по причинѣ неуправки погонщиковъ и стражи, долженъ былъ нѣсколько замедлить, отправился впередъ. Впереди Барскаго шли человѣкъ 15 Арабовъ, немного раньше отдѣлившихся также отъ остальнаго каравана. Сначала Барскій не примѣчалъ, въ сообщество какихъ спутниковъ онъ рисковалъ попасть и уже только по истеченіи, по крайней мѣрѣ, четверти часа ходьбы онъ понялъ всю опасность своего положенія; но возвращаться назадъ было поздно, такъ-какъ и назади себя онъ увидалъ также идущую ватагу Арабовъ, вслѣдствіе чего, призвавъ Бога на помощь, онъ волею-неволею рѣшился идти впередъ. Вотъ тутъ-то и пришлось Барскому вытерпѣть ужасную пытку отъ Арабовъ. Но послуша-

Библиотека "Руниверс"

емъ лучше, какъ объ этомъ разсказываетъ онъ самъ. Разсказъ объ этомъ есть одно изъ лучшихъ мѣстъ его Путевыхъ Записокъ.

«Се начаша мя постизати Ефіопы, говоритъ онъ, и всякъ достигшій ощущаше пиру мою, юже на хребтѣ ношахъ съ хлѣбомъ, токмо и съ жезломъ шествующъ, прочіе же прошаху хлѣба; азъ же, еще прежде увѣдавъ о нравахъ ихъ, ношахъ всегда съ собою сухари и хлѣбъ готовъ на раздаяніе, и иже убо прошаше, даяхъ единъ посмагъ (сухарь), и тѣмъ отчасти пользу мира получахъ; ибо и псовъ яростныхъ многажды обыкохомъ хлѣбомъ отгоняти... Тогда мимо идоша мя едины и другіе, и достигше попреди идущихъ Ефіоповъ, возвѣстиша имъ о мнѣ; тѣ же, завистливое имуще сердце и видящи мя уединенна и далече отъ народа, омедлиша мало, донелѣже приближихся къ нимъ, и тогда возложше на мя руцѣ, яша мя и начаша терзати сѣмо и овамо, овыи за ризу, овыи же за пиру и хотяще мя обнажити и послѣднихъ рубищъ, глаголюще *алъ бакшишъ*, еже есть даждь даръ, аки бы рещи: искупися. Азъ же нарѣчіемъ Турецкимъ, его же мало знаяхъ, рѣкохъ, кланяяся имъ, глаголюще: Что̀ отъ меня ищете? Азъ есмь человѣкъ нищъ и убогъ, и ничтоже имамъ, токмо о единомъ хлѣбѣ и водѣ путешествуяй съ миромъ Бога ради. Они же не внимающе, свое дѣяху... Единъ же между ими бысть Агарянинъ на ослѣ грядяй, той яко старъ сѣдиною сущь между ними, началъ претити и наказывати оныхъ, да мя оставятъ въ мирѣ; они же, не слушающе сего, не престаяху творити начатое, и хотяху мя совлекти отъ всего. Тогда начахъ азъ вопити къ предреченному Агарянину, и приступши къ нему, лобызахъ руцѣ его, моляще прилежно да мя заступитъ. Онъ-же, виждь добродѣтель, слѣзе съ осла долой и взятъ мя за руку, другою же рукою отрѣваше отъ меня Араповъ, порывающихъ и толкущихъ мя въ боки, и не попусти имъ ничто-же отъ меня взяти, клянуще я Богомъ и вѣрою ихъ; они же паче разгнѣвашася и на его и на мя, и пакости ми дѣяху, и хотяху мя исхитити отъ рукъ его. Агарянинъ же не хотяше къ тому шествовати; но, сѣдши при пути и посадивши мя съ собою, ожидаше, даже приспѣ полкъ весь народа. Не отыдоша же ниже они окаянныи, но обсѣдше и оступивше окрестъ, много мнѣ ругахуся и пакости дѣяху, овыи въ лице, другіи въ перси, нѣціи же во выю и плещи, прочіи же въ боки руками приражаху, прекорчающе персты и пястицами подбиваху, или просто рѣкши кулаками; иные же вмѣсто согбенныхъ перстовъ камень въ рукахъ держаще бодяху; единъ же имѣяше иглу велику, ею же купцы мѣхи великіе, наполненные товарами, зашиваютъ, и бодящи мя. Овыи требоваху отъ меня пѣнязей; единъ же, вземъ песку отъ земли, и метну ми въ лице и засыпа мнѣ уста и очеса; аще бо и возбраняше имъ оный Турчинъ, отрѣваше руки ихъ и отгоняше аки псовъ, но не

Библиотека "Руниверс"

можаше ничтоже противу множества чинити. Азъ же ничтоже ино не отвѣщавахъ, точію: оставите мя Бога ради, яко убогъ есмь человѣкъ и ничто же имамъ. Многажды же осязаху нѣдра моя и пиру, ощущающе и ищуще денегъ; но Богу призирающу на мя, не обрѣтоша; аще бо быша обрѣли, было бы нѣчто горѣе. Единъ же хотяше иззути сандалія отъ ноги моея, зане той имѣяше худшіе моихъ, сего ради зависть имѣяше, но не може, возбраняющаго ради Агарянина. Ожидахъ же тамо сѣдящи, яко четвертую часть часа, и еще не приспѣ къ намъ народъ, косняше бо на пути нѣкоего ради препятствія. Хотя же Турчинъ той всѣсти на осла своего и оставити мя, омерзѣ бо ему долго сидѣти; и егда возста отъ земли, паки двигнушася Арапы на мя, и молихъ его, да еще мало пождетъ, и сотвори по милости своей, якоже хотѣхъ, отгоняя Ѳіоповъ отъ меня и наказаніемъ, и моленіемъ. Видѣша же разбойницы, ако никако же пользовашася отъ меня, начаша просити, да поне хлѣба дамъ имъ, хотяще мя лукавствомъ своимъ ухитрити, да егда быхъ сняхъ пиру отъ плещъ и началъ бы разрѣшати ю, могли бы отъяти вся; азъ же, предпознавая помышленіе ихъ, не покусихся отрѣшити ю, отвѣтствуя, яко мало имамъ и самъ. И се доспѣша къ намъ отъ полка нѣсколько Араповъ пѣшихъ и возвѣстиша, яко близъ грядяше народъ; они же, воставше, вси идоша и гониша мя, да иду преди. Мнѣ не хотящу, насиліемъ нагоняху мя, попихающе созади. Шествовахъ же азъ медлющи и озирающися воспять къ народу часто; егда же узрѣхъ очима близу, уклонихся нечаянно отъ между ихъ, и пойдохъ скоро воспять. Видяще же, яко ничтоже мнѣ прежде не могоша отъяти, Агарянина ради, погнася единъ отъ нихъ за мною, и взять камень въ обѣ руки великъ и постигнувъ мя, удари отъ всея силы своея въ хребетъ, яко ми пасти на землю и возопити; и абіе, слышавше гласъ мой, предній яздецъ прибѣже вскорѣ, но не обрѣте его, внезапу бо отбѣже злодѣй онъ съ другомъ своимъ; азъ же съ нуждою совлекохся отъ земли, едва могъ шествовати и къ тому не лишахся уже людей, но вкупѣ шествовахъ съ ними» [26]).

И все это было перенесено ради того, чтобы «поклонитися и прикоснутися устами своими мѣстамъ онымъ, яже Соприсносущное Слово Отчее, Единородный Сынъ Его, явившись на земли во плоти, хожденіемъ и страданьми освяти и прослави. [27])» Барскій уже не жалуется съ такимъ воплемъ на то, что отъ Яффы до самаго Іерусалима шелъ путемъ пустыннымъ, песчанымъ, безводнымъ, что терпѣлъ постоянно

[26]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 180—182.
[27]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1, стр. 261.

Библиотека "Руниверс"

отъ голода и, палимый зноемъ солнечнымъ, изнемогалъ отъ жажды, что единственный маленькій сосудецъ, носимый имъ при поясѣ, водою изъ котораго онъ прохлаждалъ высохшій языкъ свой, былъ отнятъ Арабами,—все это было забыто при видѣ того св. города, къ которому такъ сильно стремилась душа его. «Егда же азъ узрѣхъ стѣны града, говоритъ онъ, возрадовахся зѣло и забыхъ тѣлесную немощь, дадяхъ же абіе славу Богу, яко сподобилъ мя по желанію моему достигнути тамо [28])». Но наблюдательность его не могла оставить безъ вниманія того явленія, что славные «врата Давыдовы никѣмъ воспрещаемы, ниже бо стражіе бяху, ни воины», что городъ имѣетъ зданіе «крѣпкое и лѣпое, не весьма искуснымъ художествомъ строенное и немноголѣтное, но недавно сооруженное; что это, значитъ, былъ не древній святой городъ, а новый, Турецкій; что тутъ нѣтъ уже ни прежняго величія, ни прежней славы, а остались отъ всего этого одни лишь воспоминанія. Еще болѣе онъ долженъ былъ увѣриться въ этомъ, когда для того, чтобы поклониться главной святынѣ, влекущей христіанъ изъ всѣхъ концевъ земли — Гробу Христову, онъ принужденъ былъ обращаться къ Туркамъ, отпиравшимъ за мзду врата великой церкви воскресенія; когда для осмотрѣнія другихъ св. мѣстъ, какъ напр. Іордана, онъ долженъ былъ отправляться ночью, а днемъ сидѣть въ прибрежныхъ камышахъ, скрываясь отъ разбойниковъ-арабовъ; когда на пути постоянно встрѣчалъ развалины городовъ и христіанскихъ монастырей, свидѣтельствовавшія, что все это когда-то жило, но чья-то варварская, безпощадная рука наложила на все это свою печать вѣчнаго забвенія, застоя, неподвижности и смерти. Таковы были впечатлѣнія, которыя приходилось почти на каждомъ шагу испытывать нашему пѣшеходу въ св. землѣ. И много находилъ онъ пищи среди этихъ развалинъ и остатковъ старины для своей любознательности и религіознаго чувства. Всѣ мѣста, къ которымъ преданіе пріурочивало какое-нибудь событіе изъ ветхозавѣтной или новозавѣтной исторіи, были тщательно, нерѣдко съ опасностію для жизни, осмотрены Барскимъ; всѣ сказанія о достопримѣчательныхъ или чудесныхъ событіяхъ, совершившихся или совершающихся въ св. землѣ, были имъ записаны; многое изъ религіозной области, прежде возбуждавшее въ немъ недоумѣнія и сомнѣнія, теперь, провѣренное собственнымъ наблюденіемъ, получило подтвержденіе и силу убѣдительности. Такъ напр., послѣ появленія чуднаго свѣта на Гробѣ Господнемъ, котораго Барскій ожидалъ нарочно, по всей вѣро-

[28]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 186.

Библиотека "Руниверс"

ятности, побуждаемый къ тому сомнѣніемъ, онъ замѣчаетъ, что «тогда утвердихъ маловѣріе мое [29])» Кромѣ изученія образа жизни и нравовъ мѣстныхъ жителей, натуральныхъ произведеній страны и т. п., изученія, обогащавшаго умъ Барскаго точными познаніями, онъ, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ во время своего путешествія началъ пользоваться для своего развитія знаніями, добытыми предшествующими поколѣніями, именно, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, въ бытность свою въ обители св. Саввы, онъ упражнялся «чтеніемъ книгъ отъ вивліоѳики монастырской [30])». Наконецъ, послѣ полугодичнаго пребыванія въ Іерусалимѣ, имѣвшаго великое значеніе для его религіознаго чувства и умственнаго развитія, Барскій, возблагодаривъ Бога, за то, что Онъ сподобилъ его «посѣтити, видѣти-же и поклонитися мѣстамъ онымъ яже Вочеловѣчившійся Самъ Своимъ пречистымъ тѣломъ и пресвятымъ Духомъ освяти», десятаго Апрѣля 1727 года, вышелъ изъ Іерусалима.

Теперь Барскій вознамѣрился отправиться на Синай и съ этой цѣлью изъ Яффы, 17 Апрѣля, сѣлъ на корабль, отплывавшій въ Даміетту; но уже въ то время, когда предъ глазами у него былъ этотъ городъ, корабль бурею отнесло къ Каиру, и Барскій, видя въ этомъ волю Божію для поклоненія Кипрской святынѣ, чего онъ не успѣлъ исполнить въ первое посѣщеніе этого острова, пробылъ въ Кипрѣ почти три мѣсяца, посѣщая всѣ тамошніе монастыри и святыни и уже 18 Іюля отправился отсюда въ Каиръ. По прибытіи въ этотъ городъ, онъ остановился на подворьѣ Синайскаго монастыря и здѣсь отъ Синайскаго архіепископа получилъ печальное извѣстіе, что въ Синай пройти было нельзя, по причинѣ непріязненныхъ отношеній къ монастырю окрестныхъ Арабовъ, вслѣдствіе чего почти всѣ Синайскіе иноки, опасаясь нападенія Арабовъ, ушли изъ монастыря и жили въ это время въ Каирѣ, исключая небольшаго числа оставшихся въ монастырѣ для отправленія богослуженія и поддержанія хозяйства. Поэтому и всякое сообщеніе Синая съ Каиромъ было невозможно, такъ какъ иноковъ и путешественниковъ, отправлявшихся на Синай или обратно, Арабы убивали безъ всякой пощады. Но здѣсь-то и обнаружилъ Барскій всю силу своей воли, не отступивши ни предъ какими препятствіями для достиженія своей цѣли. Воспользовавшись благотворительностію Александрійскаго патріарха Косьмы, бывшаго въ то время въ Каирѣ и предложившаго ему помѣщеніе въ Синайскомъ подворьѣ, Барскій рѣшился жить въ Каирѣ до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ пройти къ Синаю. Чтобы не ѣсть даромъ монастырскаго хлѣба, онъ

---

[29]) Изд. Рубана, стр. 237.
[30]) Изд. Рубана, стр. 206.

Библиотека "Руниверс"

сдѣлался трапезаремъ, и чтобы не терять безъ пользы для себя время, онъ учился Греческому языку, прохаживаясь въ свободное время съ иноками по Каиру, обозрѣвая «всю красоту, величество и строеніе града, еще же вся чины и обычаи народа Египетскаго». Болѣе осьми мѣсяцевъ (съ 3 Авг. 1727 г. и до 20 Марта 1728 г.) прожилъ Барскій такимъ образомъ въ Каирѣ и уже совсѣмъ было отчаялся въ возможности осуществить цѣль своихъ стремленій, какъ совершенно случайно узналъ о средствѣ, воспользовавшись которымъ, онъ могъ надѣяться пройти на Синай. Именно: одинъ Арабъ-христіанинъ указалъ Барскому, какъ на вѣрное средство достигнуть Синая—сложить съ себя черныя одежды и надѣть платье моряка; а чтобы не обратить на себя вниманія Арабовъ, сторожившихъ дорогу изъ Каира къ Синаю, онъ совѣтывалъ ему отправиться на Синай не прямымъ путемъ изъ Каира, а чрезъ Суэзъ и Раифу и зайти тамъ къ одному его родственнику, который дастъ ему совѣтъ для дальнѣйшаго образа дѣйствій. Барскій воспользовался этимъ совѣтомъ и, собравши себѣ на дорогу нѣсколько пѣнязей (за то что носилъ за монахами въ день Богоявленія по домамъ христіанъ сосудъ съ св. водою) онъ отправился въ путь. Достигнувъ чрезъ 8 дней Раифы и отдохнувши отъ трудностей пути въ домѣ родственника вышеупомянутаго Араба, Барскій только съ однимъ проводникомъ отправился на Синай.

Замѣчательна была твердость, обнаруженная Барскимъ въ томъ случаѣ, когда онъ рѣшился ожидать въ Каирѣ удобнаго случая къ отправленію на Синай; когда онъ, далѣе, въ продолженіи 8 дней отъ Каира до Раифы путешествовалъ по пустынной мѣстности, наполненной разбойничьими шайками Арабовъ, постоянно нападавшими, и днемъ и ночью, на караванъ, въ которомъ шелъ Барскій, хотя и не могшими причинить никакого зла, по причинѣ необыкновенной силы каравана, состоявшаго изъ 5000 верблюдовъ. Но еще болѣе достойны удивленія та рѣшимость и то самоотверженіе, которыя онъ обнаружилъ по приходѣ на Синай. Монастырь былъ запертъ, и Барскаго, не смотря на его просьбы, монахи не хотѣли принять, опасаясь мщенія со стороны Арабовъ, которые могли узнать о томъ. Тогда Барскій прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: отпустивъ проводника-араба, онъ сѣлъ подъ стѣнами монастыря и рѣшился быть въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не будетъ впущенъ въ монастырь. Положеніе, въ которое поставилъ себя Барскій, было, дѣйствительно, чрезвычайно опасное: съ одной стороны, его могли не принять въ монастырь, и такимъ образомъ онъ рисковалъ понапрасну погубить время, употребленное на путешествіе, а съ другой—онъ могъ быть замѣченъ Арабами и такимъ образомъ подвергалъ опасности свою жизнь. Но, не смотря на

Библиотека "Руниверс"

все это, не смотря на просьбы и мольбы монаховъ объ удаленіи, не смотря даже на ихъ угрозы, онъ полтора сутокъ просидѣлъ подъ стѣнами монастыря и наконецъ-таки добился своего—услышалъ обычное Синайское привѣтствіе: «добрѣ пришелъ еси, друже, Богу пріятенъ да будетъ трудъ твой и поклоненіе [31])» и ночью былъ принятъ въ монастырь. На Синаѣ Барскій пробылъ только 7 дней, по истеченіи которыхъ монахи, опасаясь, какъ-бы Арабы не узнали о его пребываніи въ ихъ монастырѣ, попросили его оставить ихъ, и онъ, «пріявши благословеніе отъ всѣхъ отцевъ добрѣ» и возблагодаривъ Бога, отправился обратно чрезъ Раифу и Суэзъ въ Каиръ, а оттуда въ Сирію, въ предѣлы Антіохійскаго патріархата.

Не веселыя картины предстояли Барскому во время этого новаго путешествія. На первыхъ же порахъ онъ пораженъ былъ до глубины души тѣми церковными нестроеніями, которыя были произведены Римской уніей. При описаніи этихъ нестроеній онъ, какъ и вообще при описаніи всевозможныхъ аномалій, съ которыми приходилось ему встрѣчаться, всегда кратокъ. Но свѣдѣнія, сообщенныя Барскимъ объ этомъ предметѣ, въ послѣднее время подтверждены и пополнены новымъ документомъ, сообщеннымъ преосвящ. Порфиріемъ [32]). Изъ этого документа видно, что время, ближайшее къ посѣщенію Сиріи Барскимъ, было весьма печальнымъ періодомъ въ исторіи Антіохійскаго патріархата: патріаршій престолъ занимали два лица разомъ, изъ коихъ одинъ, патріархъ Кириллъ, вступилъ на каѳедру, будучи 20 лѣтъ отъ роду (по сказанію другихъ—18-ти); другой патріархъ, занимавшій престолъ одновременно съ Кирилломъ, Аѳанасій, заподозривается авторомъ «Сказанія объ уніи» въ пристрастіи къ латинству, такъ какъ въ его правленіе въ первый разъ явились въ Сиріи Латинскіе фраторы; кромѣ того, эти совмѣстно занимавшіе Антіохійскій престолъ патріархи (сперва Кириллъ и Неофитъ, а потомъ, по смерти Неофита, Кириллъ и Аѳанасій), проводили время въ кляузахъ между собою, истощая на подарки Турецкому правительству и Константинопольскому синоду патріаршую казну, вслѣдствіе чего были накоплены неоплатные долги;—это были, наконецъ, патріархи, производившіе въ церкви смуты своими противозаконными дѣйствіями, посвящая епископовъ и пресвитеровъ за взятки, покровительствуя латинству и т. п. Поэтому-то и Барскій на каждомъ шагу во время своего путешествія встрѣчалъ цѣлыя селенія и города, имѣвшіе прежде православное населеніе, обращенными въ унію. Онъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что Антіохій-

[31]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 261.

[32]) Сказаніе о Сирійской уніи. Труды Кіевск. Дух. Академіи, Сентябрь 1874 года.

Библиотека "Руниверс"

ская церковь находится какъ-бы подъ двойнымъ игомъ: съ одной стороны, подъ игомъ невѣрныхъ мусульманъ, такъ что въ развалинахъ нѣкогда цвѣтущихъ храмовъ и городовъ, на странѣ, бывшей нѣкогда колыбелью христіанства, онъ видитъ печать разрушенія, наложенную фанатизмомъ мусульманъ а съ другой стороны—подъ игомъ внутреннимъ, подъ игомъ раздоровъ уніатовъ съ православными, обуревавшихъ мирное стадо Христово. «И многая нестроенія видѣхъ тамо, заключаетъ Барскій, и соблазнихся». Нестроенія эти зашли такъ далеко, что, по замѣчанію его, только Богъ можетъ уврачевать церковь Христову.

Но не съ одной только этой стороны настоящее путешествіе Барскаго имѣло для него печальный характеръ. Странствовалъ онъ, по большей части, по разоренной, безжизненной странѣ; изъ Каринха, напр., въ Антіохію онъ шелъ два дня пустынею, «не обрѣтая ни весей, ни древесъ, ни воды», кромѣ одного села, въ которомъ онъ ночевалъ, «прочее-же все поля ровныя, сухи и безводны и мало удолія имущія»; не имѣлъ онъ подъ часъ ни дневной пищи, ни пристанища для отдыха, подвергаясь неоднократно разрушительному дѣйствію стихій. «И много подъяхъ труда на пути ономъ, говоритъ Барскій о своемъ путешествіи по Антіохіи въ Ноябрѣ 1728 года, «и возліяше дождь великій, и возвѣяша вѣтры хладные, и измокоша одежды мои даже до хитона, и нощевахъ единожды кромѣ огня и сушенія, и охладнѣхъ, и чуяхъ отчасти болѣзнь тѣлеси; бысть-же путь неудобенъ и тяжелъ, между горами великими и высокими», такъ что, наконецъ, его желѣзная натура не выдержала. Всѣ эти неудобства сломили его крѣпкую силу: онъ заболѣлъ и заболѣлъ серьезно. «Впадохъ въ недугъ тяжекъ, говоритъ онъ, имѣяй повсядневну трясавицу и дменіе (отёкъ, опухоль) лица, рукъ-же и ногъ и всея плоти, отъ заговѣнья даже до половины Филиппова поста; послѣди-же, по празднике св. Христова Николая, Божію помощію свободихся отъ трясавицы, обаче отъ дменія тѣла не могохъ добрѣ шествовати, и многую тогда имѣхъ нужду, ово скудости ради пищи (бысть-бо тогда во всей Сиріи голодъ), овоже яко не имѣхъ никого-же, да послужитъ мнѣ или поможетъ что въ недугѣ». Но въ это тяжкое время онъ, слабый тѣломъ, былъ крѣпокъ духомъ; если когда-нибудь, такъ это именно теперь, онъ *вся могъ о укрѣпляющемъ его Іисусѣ*. Искренняя, живая вѣра на каждомъ шагу одушевляетъ и укрѣпляетъ его, руководитъ имъ и заставляетъ терпѣливо переносить всѣ невзгоды и бѣдствія. Такъ, когда онъ, удрученный непосильнымъ физическимъ напряженіемъ, изможденный усталостію, падалъ на пути своемъ въ Антіохію и пришлось ему нечаянно увидѣть крестъ съ надписью: «*крестъ падающимъ возстаніе*», то забылъ онъ

Библиотека "Руниверс"

всѣ печали и труды свои, поклонился св. кресту и пошелъ радостно далѣе. Или, находясь въ тяжкой болѣзни, едва влача отъ усталости ноги, отдыхая чрезъ каждые пять-шесть шаговъ, онъ съ воплемъ крѣпкимъ отъ болѣзни, но съ вѣрою въ сердцѣ воспѣвалъ: «*Христосъ моя сила, Богъ и Господь*»... И эта вѣра вливала въ него новыя силы къ продолженію труднаго странствованія. Наконецъ, думая, что болѣзнь послана ему Богомъ въ наказаніе за грѣхи [33]), онъ вознамѣрился вторично посѣтить Іерусалимъ и молить тамъ Бога объ исцѣленіи отъ тяжкой болѣзни.

Несчастливо было и это новое путешествіе: близъ Іерусалима Барскій былъ ограбленъ разбойниками. Не разъ случалось ему и прежде сталкиваться съ этими дѣтищами Азіатскаго варварства, но прежде все проходило для него какъ-то благополучно. Такъ, около Солуня, Барскій, воспользовавшись превосхсдствомъ своей физической силы предъ разбойникомъ, перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и принудилъ разбойника къ отступленію. Затѣмъ, Барскій подвергся было нападенію разбойника по выходѣ изъ Дамаска, но былъ спасенъ случившимися въ это время путниками. Но на этотъ разъ не пришлось отдѣлаться такъ легко Барскому: разбойники обобрали его совершенно, до-нага, такъ что, не имѣя денегъ для покупки себѣ платья, а равнымъ образомъ и для уплаты магометанамъ за посѣщеніе св. мѣстъ, онъ сдѣлался добровольно Христа ради юродивымъ, «безчинствуя и неподобная глаголяй и быхъ въ поруганіе всему народу». И вотъ въ такомъ-то первоначальномъ костюмѣ Барскій 23 Марта пришелъ въ Іерусалимъ. Здѣсь отъ милостивыхъ людей онъ пріобрѣлъ себѣ кое-какія рубища и, посѣтивши въ продолженіе трехъ недѣль «множицею» св. мѣста и многія другія достопримѣчательности, онъ 10 Апрѣля вышелъ изъ Іерусалима въ Яффу. На пути этомъ, такъ много причинившемъ Барскому непріятностей въ первое посѣщеніе Іерусалима, и теперь пришлось ему пострадать отъ разбойниковъ въ высшей степени; поелику, говоритъ онъ, «обнажиша мя паки отъ одеждъ и яже пріобрѣтохъ въ Іерусалимѣ, отъяша ми, и биша, и много ругашася». Но пріобрѣтши вновь отъ христіанъ одежды и собравши нѣсколько милостыни, Барскій, измученный тяжкою болѣзнію и неоднократными истязаніями отъ разбойниковъ, рѣшился предпринять послѣднее путешествіе въ предѣлы Галилеи и съ этою цѣлію изъ Яффы 15 Мая отправился къ Галилейскому городу Птоломаидѣ. По прибытіи въ этотъ городъ, Барскій, въ продолженіи $2^1/_2$ мѣсяцевъ (съ половины Мая и

---

[33]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 2, стр. 47 на оборотѣ.

Библиотека "Руниверс"

до конца Іюля) посѣтилъ всѣ мѣста въ Галилеѣ, съ которыми связано то или другое библейское воспоминаніе, какъ-то Назаретъ, Ѳаворъ, Кану, любовался прекрасными окрестностями озера Генисаретскаго, былъ на Іорданѣ, въ Капернаумѣ и многихъ другихъ мѣстахъ и, наконецъ, воздавши благодареніе Богу за все видѣнное и слышанное, онъ вознамѣрился чрезъ Константинополь возвратиться на родину. Этимъ и оканчивается третій періодъ въ жизни Барскаго (съ 1-го Марта 1725 г. и до конца Іюля 1729 года).

Какое-же значеніе имѣетъ этотъ періодъ въ умственной жизни Барскаго? Запасъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ Барскимъ въ продолженіи третьяго періода, чрезвычайно великъ. Мы не будемъ говорить здѣсь о развитіи его религіозныхъ убѣжденій, развитіи, обнаруживающемся почти на каждой страницѣ его Путевыхъ Записокъ не только въ образѣ мышленія, но и въ самыхъ внѣшнихъ выраженіяхъ и оборотахъ рѣчи; не будемъ говорить о расширеніи его умственнаго кругозора. Здѣсь мы покажемъ только сумму фактическихъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ Барскимъ за разсматриваемое нами время. Успѣхи Барскаго въ естествознаніи и геологіи, прописываемые ему г. Аскоченскимъ, и теперь еще слишкомъ слабы; такъ, онъ не знаетъ: «стихій-ли ради, или грѣхъ ради человѣческихъ бываютъ землетрясенія [34])»; когда одинъ морякъ объяснялъ ему происхожденіе острововъ сильнымъ дѣйствіемъ воды, то Барскій, когда онъ «сице баснословяше», въ сердцѣ своемъ смѣялся и чудился таковой простотѣ его ума [35]); при видѣ каменнотворныхъ источниковъ близъ Солуня Барскій прямо замѣчаетъ: «не вѣмъ, Божію-ли волею преестественнѣ сіе содѣловается, или отъ естества воднаго, или отъ солнечнаго [36])». Но въ замѣнъ этихъ фиктивныхъ познаній, приписываемыхъ Барскому г. Аскоченскимъ, онъ, вслѣдствіе основательнаго изученія топографіи странъ, образа жизни, нравовъ и обычаевъ жителей, преданій и вѣрованій, пріобрѣлъ обширныя познанія географическія, этнографическія и историческія. Кромѣ того, замѣчательны успѣхи, сдѣланные Барскимъ по части языкознанія: на Греческомъ языкѣ онъ могъ уже объясняться свободно, изучилъ и Арабскій языкъ настолько, что могъ исповѣдываться на немъ въ Етлинѣ (въ Сиріи) за два дня предъ Рождествомъ Христовымъ 1728 года [37]). Замѣчательно и тех-

---

[34]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1, стр. 172.

[35]) Тамъ же, стр. 174 на обор.—Вѣроятно этой нептунической теоріи происхожденія острововъ держался и самъ издатель Путевыхъ Записокъ Барскаго, Рубанъ, такъ-какъ онъ вышеприведенное выраженіе его перефразировалъ такъ: „онъ сице разсуждаше; азъже въ сердцѣ вельми чудился остротѣ его ума!“ Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 127.

[36]) Рукопись Кіево-Мих. монаст., кн. 1, стр. 232.

[37]) Путеш. Барскаго, въ изд. Рубана, стр. 346.

Библиотека "Руниверс"

ническое развитіе Барскаго за этотъ періодъ: въ бытность свою въ первый разъ въ Іерусалимѣ онъ началъ учиться живописи, «Богу его просвѣтившу, кромѣ искусства человѣческаго [38])» и достигъ въ своихъ занятіяхъ довольно видныхъ результатовъ. Таковы познанія, пріобрѣтенныя Барскимъ за настоящій періодъ. Переходимъ теперь къ описанію событій, составляющихъ послѣдній, четвертый періодъ въ жизни Барскаго.

4. Періодъ самообразованія.

Наклонность Барскаго къ богомыслію и благочестивой жизни послужила причиною того, что въ этотъ именно періодъ въ немъ созрѣло намѣреніе посвятить себя монашеской жизни; и непригодность имѣвшихся у него познаній въ житейско-практическомъ отношеніи, не смотря на ихъ обиліе и разнообразіе, заставила его изъ всей обширной области знанія выдѣлить одну часть, посвятивши себя спеціальному изученію которой, онъ могъ-бы расчитывать на устройство хорошей жизненной карьеры. Таковою областью знанія, изученію которой Барскій намѣревался посвятить себя, былъ Греческій языкъ. Во время своего путешествія по Востоку онъ имѣлъ возможность практически изучить этотъ языкъ такъ, что свободно говорилъ на немъ. Вотъ это-то знаніе Греческаго языка подало ему счастливую мысль — сдѣлаться преподавателемъ этого языка, по возвращеніи въ отечество, въ родной Кіевской академіи. Но такъ какъ мы знаемъ, что Греческій языкъ, введенный Петромъ Могилою первоначально въ кругъ предметовъ, преподававшихся въ основанной имъ школѣ, съ теченіемъ времени такъ упалъ, что при Рафаилѣ Заборовскомъ введено было преподаваніе Греческаго языка, какъ совершенно почти новаго предмета, да и самъ Барскій говоритъ, что у современниковъ его не было не только никакихъ познаній по этому предмету, но даже и расположенности изучать его [39]): то ему, по возвращеніи въ отечество, предстояла нелегкая задача—возбудить въ своихъ соотечественникахъ любовь къ Греческому языку, расположить ихъ къ изученію его, сдѣлаться какъ-бы творцемъ новой отрасли знанія. Нерасположенность его соотечественниковъ къ Греческому языку не могла служить препятствіемъ для такой сильной, энергичной натуры, каковъ былъ Барскій: онъ не остановился-бы ни предъ какими трудами, чтобы вдохнуть въ своихъ соотечественниковъ любовь къ Эллинской мудрости. Но онъ сознавалъ также, что тѣхъ по-

---

[38]) Тамъ же, стр. 508.
[39]) Тамъ же, стр. 480.

Библиотека "Руниверс"

знаній, какими онъ владѣлъ, было недостаточно для достиженія цѣли, что для этого нужны были еще свѣдѣнія научныя, нужно было изученіе теоріи языка. И мы, дѣйствительно, очень рано, уже въ 1727 году, видимъ его изучающимъ Греческій языкъ въ Каирѣ [40]). Но нельзя не замѣтить и того, что важность и многотрудность предстоявшей ему миссіи была причиною, что это его намѣреніе изучать Греческій языкъ до самаго послѣдняго времени не переходило въ немъ въ твердую рѣшимость, такъ что когда, вслѣдствіе многочисленныхъ лишеній и бѣдствій, вытерпѣнныхъ имъ за послѣднее время, онъ «утрудился и возненавидѣлъ свое пѣшехожденіе» [41]), то, рѣшившись бросить странническій образъ жизни, онъ не рѣшается однакожъ посвятить себя изученію Греческаго языка, но отправляется къ себѣ на родину. Нужно было какое-нибудь внѣшнее, стороннее побужденіе, которое-бы вывело его изъ этого состоянія колеблемости, нерѣшительности и заставило-бы разъ навсегда посвятить себя осуществленію тѣхъ намѣреній, къ которымъ онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ склонность и расположеніе. Такой внѣшній, совершенно случайный, толчокъ рѣшимости данъ былъ въ Триполѣ.

Посѣтивши всѣ св. мѣста въ предѣлахъ Галилеи, Барскій возвращался обратно въ Птолемаиду (Акру), намѣреваясь, какъ мы видѣли, отсюда чрезъ Царьградъ возвратиться въ отечество. Путь свой онъ направилъ чрезъ Триполь. По прибытіи въ этотъ городъ, онъ сошелся съ однимъ учителемъ школы, основанной тогдашнимъ патріархомъ Антіохійскимъ Сильвестромъ,—іеромонахомъ Іаковомъ. Этотъ дидаскалъ, замѣтивъ способности и любознательность Барскаго, предложилъ ему остаться у него въ школѣ и заняться, подъ его руководствомъ, науками. Барскій полюбилъ своего учителя за его мудрость и добродѣтельную жизнь, и началъ съ усердіемъ заниматься изученіемъ Греческаго языка, но пробылъ при немъ въ Триполѣ только десять мѣсяцевъ (съ Августа 1729 г. до Іюня 1730 г.). По истеченіи означеннаго времени онъ принужденъ былъ на нѣсколько времени прекратить свои занятія и отправиться въ Египетъ, частію по какимъ-то дѣламъ своего учителя, а частію и по своимъ собственнымъ, чтобы возблагодарить патріарха Косьму за его прежнія благодѣянія и испросить у него благословеніе на сборъ милостыни [42]). По прибытіи въ Каиръ, Барскій, обласканный патріархомъ, двѣ недѣли, съ разрѣшенія его, прожилъ здѣсь, занимаясь сборомъ милостыни, а отсюда отправился по Нилу въ Александрію

---

[40]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 249.
[41]) Тамъ же, стр. 340.
[42]) Тамъ же, стр. 356.

Библиотека "Руниверс"

«ради видѣнія въ ней вещей ветхихъ» и, пробывши въ ней только одну седмицу, возвратился обратно въ Триполь къ своему учителю. Но не прошло и 8 мѣсяцевъ по возвращеніи, какъ занятія Барскаго опять были прерваны: онъ долженъ былъ отправиться на о. Патмосъ по порученію своего учителя къ дидаскалу тамошней школы іеродіакону Макарію для рѣшенія недоумѣній по поводу одного какого-то вопроса, возбужденнаго въ Антіохіи спорами папистовъ и уніатовъ съ православными [43]); къ этому присоединилось и желаніе самаго Барскаго побывать тамъ ради разсмотрѣнія Патмосскаго «изряднаго монастыря съ мощами преподобнаго отца нашего Хритодула» [44]). По прибытіи въ Патмосъ, Барскій въ продолженіи своего тамъ пребыванія, чтобы не терять понапрасну дорогаго времени, ежедневно посѣщалъ школу о. Макарія, имѣвшаго, по его мнѣнію, огромное просвѣтительное значеніе для острова. Здѣсь Патмосскій дидаскалъ совѣтывалъ Барскому покинуть окончательно свою бродячую жизнь, остаться у него въ школѣ и заняться спеціальнымъ изученіемъ Греческаго языка. Барскій, хотя и не послѣдовалъ этому совѣту тотчасъ-же, однако во все послѣдующее время не забывалъ его и въ концѣ концовъ, какъ мы увидимъ, выполнилъ его съ буквальною точностію [45]). Но теперь, пробывши въ Патмосѣ только 12 дней, Барскій отправился въ Самосъ, а оттуда въ Хіосъ, какъ онъ самъ говоритъ «ради разсмотрѣнія и совершеннаго описанія монастыря Богородицы». Наступившее суровое зимнее время заставило его провести въ Хіосѣ полгода (съ Ноября 1731 г. до Апрѣля 1732 г.). И здѣсь также, какъ и въ Патмосѣ, онъ во все время пребыванія «прилежалъ въ училищѣ грамматическому ученію», поелику нашелъ «искуснаго училища дидаскала и проповѣдника Слова Божія». Съ наступленіемъ весны Барскій отправился вновь на о. Самосъ, желая видѣть прибывшаго туда Антіохійскаго патріарха Сильвестра, благодѣяніями котораго онъ пользовался въ Триполѣ, но котораго не видѣлъ еще дотолѣ лично. Затѣмъ, побывавши еще на островахъ Патмосѣ и Аморгосѣ, Барскій чрезъ Александрію и Дамаскъ отправился обратно въ Триполь къ своему прежнему учителю Іакову и тотчасъ-же, по возвращеніи, опять принялся за изученіе «Еллиногреческаго писанія». Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ занятія его были вновь неожиданно прерваны: въ Триполѣ открылась чума. Всѣ съ ужасомъ смотрѣли на свое близкое будущее; школьныя занятія, по необходимости, были прекращены. Когда всѣ ученики, недоумѣвая, что

---

[43]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 395.
[44]) Тамъ же, стр. 363.
[45]) Тамъ же, стр. 480.

Библиотека "Руниверс"

дѣлать, хотѣли было уже разойтись, то были выведены изъ затруднительнаго положенія Антіохійскимъ патріархомъ Сильвестромъ: онъ приказалъ Іакову со всѣми своими учениками перейти въ Дамаскъ и продолжать тамъ занятія, вслѣдствіе чего 22 Марта 1733 года, въ Страстной Четвергъ, Барскій уже слушалъ въ Дамаскѣ патріаршую литургію и присутствовалъ на обрядѣ умовенія ногъ. Но и здѣсь школьныя занятія нашего труженика были постоянно прерываемы. Христіанская община въ Дамаскѣ была въ то время возмущена волненіями, произведенными католиками и уніатами; ряды православныхъ все болѣе и болѣе уменьшались; патріархъ Сильвестръ рисковалъ ежечасно быть убитымъ фанатическою чернью или оклеветаннымъ предъ мусульманскимъ правительствомъ; находившаяся подъ его покровительствомъ школа была также въ опасности, такъ что учащіеся были постоянно наготовѣ спасаться бѣгствомъ. И когда, не смотря на рядъ проповѣдей, произнесенныхъ по порученію патріарха учителемъ Барскаго Іаковомъ, община христіанъ въ Дамаскѣ все болѣе и болѣе умалялась, тогда патріархъ поручилъ Іакову съ проповѣдью Слова Божія обойти весь Антіохійскій патріархатъ и предохранить такимъ образомъ православныхъ отъ пропаганды латинянъ. По отшествіи его школа осталась безъ учителя и хотя одному изъ лучшихъ учениковъ поручено было замѣнять отсутствующаго учителя, но такъ-какъ Барскій владѣлъ уже бо́льшими свѣдѣніями, чѣмъ какія были у этого ученика, то онъ и рѣшился уйти изъ Дамаска въ Патмосъ: «поелику, замѣчаетъ онъ, смущенъ быхъ до зѣла, яко погубляхъ всуе время [46])», между тѣмъ какъ при благопріятныхъ условіяхъ онъ намѣревался было прожить въ Дамаскѣ годъ или два [47]). Не смотря на то, что патріархъ полюбилъ его, какъ сына, уважалъ за его трудолюбіе, познанія и опытность, не смотря на покойную жизнь во дворѣ патріарха, такъ-какъ «на всякъ день на единой съ собою трапезѣ его посаждаше», не смотря, наконецъ, на блестящую будущность, которую обѣщалъ ему патріархъ, если онъ останется при немъ навсегда, Барскій рѣшился уйти изъ Дамаска и не измѣнилъ своему намѣренію. Но, чтобы, такъ сказать, увѣковѣчить свои отношенія къ патріарху, Барскій рѣшился принять отъ него постриженіе въ иночество и 27 Декабря 1733 года былъ посвященъ въ иподіакона, а въ первый день новаго 1734 года, въ день своего ангела, Барскій принялъ полный иноческій санъ. Достопамятный день этотъ онъ праздновалъ двумя похвальными словами, сказанными имъ у патріарха на трапезѣ, изъ коихъ одно было посвящено

[46]) Тамъ же, стр. 397.

[47]) Русск. Архивъ за 1874 г. № 9; второе письмо Барскаго.

Библиотека "Руниверс"

имъ своему ангелу Василію, а другое—патріарху; спустя-же нѣсколько времени, онъ составилъ и третье похвальное слово патріарху и затѣмъ, нарисовавъ видъ патріаршаго дома и Дамаска, вырѣзавъ на двухъ доскахъ изображеніе для печатанія разрѣшительныхъ грамотъ, онъ вручилъ все это патріарху на память своихъ отношеній къ нему и, получивъ отъ него въ замѣнъ разрѣшительныя грамоты и многія другія вещи, Барскій, напутствуемый благословеніемъ и благожеланіями патріарха, отправился путешествовать въ другой разъ по Галилеѣ.

Если мы захотимъ сравнить настоящее путешествіе по Галилеѣ съ прежде бывшимъ, то не можемъ не замѣтить значительной разницы между ними: вмѣсто прежняго преслѣдованія цѣлей, по преимуществу, паломническихъ, теперь выступаетъ на сцену преимущественно интересъ научный; все вниманіе обращено на изученіе древностей, остатковъ древнихъ зданій, разбору древнихъ надписей и т. п. Съ этою именно цѣлью, не смотря на тяжкій пустынный путь и страхъ отъ нападенія кочующихъ Арабовъ, Барскій нарочно отправился въ Харранъ и оставилъ намъ нѣсколько экземпляровъ довольно любопытныхъ надписей, снятыхъ имъ съ остатковъ древнихъ храмовъ и другихъ зданій. Это-же преобладаніе совершенно иныхъ интересовъ побудило Барскаго на такой поступокъ, подобнаго которому мы не видимъ ни у одного изъ предъидущихъ паломниковъ. Именно: по возвращеніи изъ Харрана въ Дамаскъ Барскому захотѣлось осмотрѣть знаменитую Дамасскую мечеть. Но такъ какъ для христіанъ входъ въ нее былъ недоступенъ, мало того, даже соединенъ былъ съ опасностію для жизни: то Барскій, для достиженія своей цѣли, рѣшился выдать себя за дервиша. Въ этомъ намѣреніи его укрѣпляло то обстоятельство, что изъ Харрана въ Дамаскъ онъ возвращался съ караваномъ мусульманскихъ хаджіевъ, бывшихъ въ Меккѣ, подъ видомъ дервиша, и не былъ узнанъ. Цѣль, такимъ образомъ, какъ нельзя лучше была достигнута: въ продолженіи получаса Барскій осматривалъ внутренность мечети и благополучно возвратился назадъ, никѣмъ неузнанный. Послѣ этого онъ отправился во дворъ патріарха и, радостно встрѣченный имъ и другими своими знакомыми, остался здѣсь на нѣсколько времени. Не успѣвши еще отдохнуть отъ труднаго путешествія, Барскій хотѣлъ было уже изъ Дамаска отправляться ближе къ Константинополю «ради совершенія ученія Греческаго»; но намѣренію его помѣшала внезапная болѣзнь, заставившая его прожить въ Дамаскѣ довольно долгое время. Однако настойчивость Барскаго въ достиженіи своихъ цѣлей была такъ сильна, что онъ, не успѣвши еще совершенно оправиться отъ болѣзни, отправился въ Триполь, намѣреваясь оттуда ѣхать въ Патмосъ, гдѣ хотѣлъ провести зиму «ради поученія Греческаго»; но, проживши въ

Библиотека "Руниверс"

Триполѣ, по причинѣ усиленія болѣзни, болѣе мѣсяца и не нашедши нужнаго ему корабля, онъ отправился на о. Кипръ, въ надеждѣ найти тамъ корабль для своего отправленія въ Патмосъ.

По прибытіи въ Кипръ, одно, совершенно неожиданное, обстоятельство задержало на нѣсколько времени осуществленіе завѣтныхъ стремленій Барскаго. Въ бытность свою на этомъ островѣ, онъ, прослышавъ о мудрости и добродѣтельной жизни архіепископа Кипрскаго Филоѳея, захотѣлъ лично видѣть его и съ этою цѣлію отправился въ главный городъ Левкосію—мѣсто пребыванія архіепископа. Архіепископъ принялъ Барскаго хорошо и, увидѣвъ, между прочимъ, что онъ знаетъ Латинскій языкъ, предложилъ ему остаться на зиму въ Кипрѣ и преподавать Латинскій языкъ въ устроенной имъ школѣ. Барскій, еще не оправившійся въ то время отъ своей болѣзни, опасаясь дальнѣйшимъ путешествіемъ въ Патмосъ еще болѣе повредить себѣ, принялъ предложеніе архіепископа. Такимъ образомъ, цѣлую зиму (съ Октября 1734 г. и до Апрѣля 1735 г.) Барскій былъ учителемъ въ Кипрѣ. Но и эти занятія его были неожиданно прерваны. Десятаго Апрѣля, въ Четвергъ свѣтлой недѣли, сдѣлалось въ Кипрѣ землетрясеніе, продолжавшееся хотя и не болѣе пяти минутъ, однако надѣлавшее чрезвычайно много вреда, такъ какъ многія зданія были разрушены и множество народа погребено подъ ихъ развалинами. Къ этому бѣдствію вскорѣ присоединилось и другое: на Кипрѣ открылась чума. Архіепископъ, въ вѣдѣніи котораго находилось училище Барскаго, оставилъ свой каѳедральный городъ и поселился въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей; равнымъ образомъ и другіе епископы и вообще кто могъ, убѣгали изъ населенныхъ мѣстностей въ мѣста горныя и малонаселенныя, гдѣ воздухъ, сравнительно, былъ чистъ и не заражонъ. Эти обстоятельства имѣли вліяніе и на занятія Барскаго по школѣ: занятія эти, по необходимости, онъ долженъ былъ прекратить; но такъ какъ оставаться въ Фамагустѣ, гдѣ находилась школа, было опасно, по причинѣ свирѣпствовавшей заразы, а отправляться на какіе-нибудь другіе острова значило подвергать себя той же опасности (зараза распространилась по всѣмъ окрестностямъ), то Барскій, облекшись въ худыя одежды, отправился путешествовать по пустыннымъ Кипрскимъ монастырямъ и, благодаря этому, зараза прошла для него безъ вредныхъ послѣдствій. Осмотрѣвши въ теченіи полугода (съ конца Апрѣля и до Ноября) почти всѣ Кипрскіе монастыри, Барскій возвратился въ Левкосію, во дворъ архіепископскій, съ цѣлію отсюда отправиться въ Патмосъ; но внезапная болѣзнь, постигшая его и затѣмъ, приближавшееся время платы харача, который Турки ежегодно взимаютъ со всѣхъ иновѣрцевъ и для этой цѣли удерживаютъ всѣхъ временно проживаю-

Библиотека "Руниверс"

щихъ на мѣстахъ ихъ жительства, наконецъ, прибытіе въ Кипръ его благодѣтеля, Антіохійскаго патріарха Сильвестра, бѣжавшаго отъ озлобленія католиковъ,—всѣ эти обстоятельства заставили Барскаго отдалить исполненіе своего намѣренія и перезимовать въ Кипрѣ. Наконецъ, уже послѣ двухлѣтняго почти пребыванія своего на этомъ островѣ, Барскій, 14 Августа 1736 года отправился въ Патмосъ. Одною изъ главныхъ причинъ, побудившею его ускорить отправленіемъ на островъ Патмосъ, была война Россіи съ Турціей. Такъ какъ молва о знаменитомъ Русскомъ пѣшеходѣ, измѣрившемъ изъ конца въ конецъ всѣ Турецкія владѣнія и съ точностію описавшемъ ихъ, разнеслась, по словамъ самаго Барскаго, очень далеко [48]): то очень возможно, что Турецкія власти стали съ подозрѣніемъ посматривать на него и при удобномъ случаѣ не задумались бы схватить его, какъ Русскаго шпіона и путешественника съ политическою цѣлью. Вотъ это-то опасеніе и побудило Барскаго удалиться поскорѣе изъ Кипра (гдѣ въ продолженіи почти двухлѣтняго пребыванія онъ пріобрѣлъ большую извѣстность и гдѣ само Турецкое правительство двукратно брало съ него харачъ именно какъ съ Русскаго монаха В. Григоровича [49]) и удалиться, съ принятіемъ различныхъ предосторожностей, въ Патмосъ: тамъ во время Барскаго жили одни Греки и не было ни одного Турка и, слѣдовательно, онъ могъ совершенно спокойно прожить военное время, занимаясь въ уединеніи и неизвѣстности изученіемъ Греческаго языка у дидаскала Макарія, когда-то его приглашавшаго [50]). Такими-то со-

---

[48]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 480.

[49]) Тамъ же стр. 465.

[50]) Въ это же время, по всей вѣроятности, назвалъ себя Барскій и пресловутымъ *Плакою*, такъ какъ ранѣе этого мы не встрѣчаемъ его съ подобной фамиліей. Мы вполнѣ согласны съ издателемъ „Актовъ Русск. на Св. Аѳонѣ монастыря Пантелеймона“, что это прозваніе вынесено Барскимъ съ Аѳона (Акты монастыря Пантелеймона, стр. 116), но только мы производимъ его не отъ *плакъ*, доска (съ каковымъ словопроизводствомъ фамилія можетъ быть вполнѣ приложима къ лицу, на которое указываетъ издатель актовъ), а отъ *плаксо — отвожу съ прямаго пути, заставляю блуждать*, въ средн. *блуждаю, странствую*. И Барскій, называя себя этимъ именемъ, имѣлъ, по нашему мнѣнію, въ виду достиженіе двоякой цѣли: а) чтобы въ самомъ словѣ выразить понятіе о своемъ образѣ жизни и такимъ образомъ сообщить новопринятой фамиліи какой нибудь смыслъ и значеніе, и б) самое главное, чтобы подъ Греческой фамиліей скрыть свое Русское происхожденіе, что съ его стороны также было совершенно необходимо. Мы знаемъ, что другому, почти современному съ Барскимъ, паломнику, застигнутому на Востокѣ войною 1711 года, совѣтывали назваться Болгариномъ или Сербомъ, но отнюдь не Русскимъ и что, какъ только узнали про него Турки, что онъ Русскій, то тотчасъ же бросили его въ тюрьму (Чт. въ общ. ист. и древн. 1873 г. кн. 3. ст. арх. Леонида, стр. 74—76). Въ это же время, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ Русскомъ происхожденіи, по всей вѣроятности, назывался Барскій и *Албовымъ*; но о значеніи этой фамиліи мы не можетъ сказать ничего.

Библиотека "Руниверс"

ображеніями руководствовался Барскій, когда отправлялся изъ Кипра въ Патмосъ. Много бѣдствій и лишеній пришлось вынести многострадальному Плакѣ на этомъ пути: ему угрожала постоянная опасность отъ нападенія морскихъ разбойниковъ, неоднократно встрѣчалъ онъ затрудненія въ недостаткѣ судовъ для отплытія изъ одной мѣстности въ другую; вытерпѣлъ онъ, наконецъ, 18 Октября ужасную бурю, находясь въ маленькомъ челнокѣ, среди разъяренной стихіи,—и все это вынесъ онъ, одушевленный своими честными стремленіями, съ надеждою на Бога въ сердцѣ, съ постоянною молитвою на устахъ о Его милосердіи. «Мы же много рыдахомъ, говоритъ Барскій, моляще Бога, да утвердитъ котвицу, да не сокрушится ладія, бяше-бо мала, и съ слезами и молитвами призывахомъ Бога, Богородицу и всѣхъ святыхъ...; Богъ же милости, щедротъ и человѣколюбія, по праведномъ и всемудромъ Его наказаніи, яко человѣколюбивый Отецъ, умилосердися и помилова насъ». И только чрезъ четыре мѣсяца такого путешествія Барскій достигъ, наконецъ, желаннаго пристанища—Патмоса.

Много препятствій къ осуществленію своихъ намѣреній встрѣтилъ Барскій на Патмосѣ; многіе бѣдствія, труды и лишенія ожидали его, которые почти на каждомъ шагу затрудняли или отдаляли достиженіе желанной цѣли, и только его желѣзная воля и непреодолимая настойчивость могли стойко выдержать и не преклониться предъ всѣмъ этимъ. Дидаскалъ Макарій, на котораго Барскій возлагалъ свои надежды, ко времени его прибытія находился на смертномъ одрѣ и вскорѣ скончался, успѣвши только благословить Барскаго на его труды. При преемникѣ Макарія, іеромонахѣ Герасимѣ, преподаваніе въ школѣ велось только въ продолженіи полугода, а затѣмъ болѣе чѣмъ въ продолженіи года школа оставалась безъ учителя; новый наставникъ, страдавшій неизлѣчимою болѣзнію, былъ въ теченіи этого времени для излѣченія въ Смирнѣ, а потомъ въ Критѣ, гдѣ и скончался. При другомъ наставникѣ, іеромонахѣ Василіѣ, школьныя занятія пошли было довольно успѣшно, но были прерваны вскорѣ новымъ, тягчайшимъ бѣдствіемъ: на островѣ появилась чума; тутъ ужъ было не до занятій, не до общихъ собраній, когда каждый старался избѣгать сообщенія съ людьми изъ боязни заразы. Къ тому же и внѣшняя обстановка жизни Барскаго должна была служить немалымъ препятствіемъ къ его трудовымъ занятіямъ. Жилъ онъ на горѣ, за версту отъ школы; помѣщеніе его было тѣсно, вросло отъ ветхости до половины въ землю, не имѣло вовсе оконъ, такъ что совсѣмъ почти лишено было притока свѣжаго воздуха и свѣта, да при томъ же и находилось въ части города, полной нечистотъ и міазмъ. Содержаніе онъ получалъ отъ монастыря самое скудное: пять маленькихъ черныхъ хлѣбцевъ въ недѣлю—и только. Думалъ

Библиотека "Руниверс"

было Барскій своимъ трудомъ заработать себѣ пропитаніе и для этой цѣли во время своего пребыванія на Патмосѣ всегда обучалъ двухъ или трехъ мальчиковъ; недобросовѣстные родители не только не вознаграждали его труда, но осыпали укоризнами и лишь за обученіе двухъ мальчиковъ-братьевъ изъ десяти былъ онъ возблагодаренъ «и словомъ, и дѣломъ».

Вотъ общій взглядъ самаго Барскаго на свою жизнь на Патмосѣ. «И многія пакости, говоритъ онъ, и препятствія случахуся къ оставленію науки отъ злобныхъ и лукавыхъ человѣкъ, наипаче же отъ злокозненнаго и ненавистнаго діавола; не довольно бо бысть смущеніе мнѣ, крайняя нищета и убожество, еже подъяхъ чрезъ толикія лѣта, но къ тому ненависти, вражды, озлобленія и неправда злыхъ человѣкъ озлобляху мя. Но, несмотря на такія препятствія къ занятіямъ, Барскій, при помощи Божіей, все вытерпѣлъ и не тратилъ понапрасну дорогаго времени. Такъ, во время прекращенія школьныхъ занятій, по случаю болѣзни дидаскала Герасима, Барскій занимался составленіемъ научныхъ пособій, необходимыхъ для его будущей учительской дѣятельности. «Преписовахъ себѣ тетради, говоритъ онъ, на будущее употребленіе». Въ продолженіе шестимѣсячнаго перерыва занятій по случаю чумы, въ то время, когда грозный образъ смерти дѣлалъ у другихъ невозможною всякую мысль о дѣятельности, онъ съ истинно-христіанскою твердостію трудился надъ составленіемъ Латинской грамматики для Грековъ и сочинилъ «едину грамматику Латино-греческую съ расположеніемъ необычнымъ и съ удобопонятнымъ сокращеніемъ... изъ нея же можетъ всякъ Грекъ книженъ, аще и не совершенъ грамматикъ, изучитися совершенно грамматики Латинской; въ ней-бо Латинскаго художества поученіе Еллинское, примѣры же Латинскіе обрѣтаются». Вообще же, въ теченіе своего шестплѣтняго пребыванія на о. Патмосѣ (съ 1737 по 1743 г.), онъ, хотя вслѣдствіе различныхъ препятствій могъ только два съ половиною года заниматься въ школѣ, однако изучилъ въ совершенствѣ грамматику (теорію) Греческаго языка, логику и половину физики; риторику же, по слабости памяти не изучалъ. Таковы познанія, пріобрѣтенныя Барскимъ во время пребыванія на о. Патмосѣ.

Въ то время, какъ Барскій могъ уже предвидѣть предѣлъ пребыванія своего на о. Патмосѣ и долженъ былъ подумывать объ устройствѣ своей карьеры по возвращеніи на родину, до него неожиданно достигла вѣсть, которая сколько обрадовала его, столько же, если не болѣе, и обезпокоила, именно: онъ узналъ что въ Кіевѣ, по повелѣнію императрицы, открыто Греческое училище и что преподаетъ въ немъ Греческій языкъ какая-то знаменитость. Первая половина этого извѣ-

Библиотека "Руниверс"

стія должна была обрадовать его, такъ какъ труды и заботы, которые неизбѣжно ожидали его, какъ личность, которой должно было принадлежать первое выполненіе иниціативы новаго предпріятія, значительно облегчались открытіемъ въ Кіевѣ Греческаго училища. Но за то вторая половина этой вѣсти неизбѣжно должна была породить въ немь вопросъ: не лишнимъ ли человѣкомъ онъ будетъ въ Кіевѣ, когда учителемъ въ школѣ состоитъ какая-то знаменитая личность? И вотъ эта-то вѣсть побудила Барскаго въ письмѣ отъ 31 Августа 1740 года просить своего брата, чтобы онъ узналъ: истина ли это или нѣтъ, какъ имя и проименованіе учителя, какого онъ происхожденія, какой имѣетъ санъ, гдѣ учился, какъ силенъ въ наукахъ, грамматическое ли только или и философское преподаетъ ученіе и гдѣ открыто училище [51]). Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 21 Апр. 1741 г.) Барскій, узнавшій уже имя учителя, славнаго Симона Тодорскаго, проситъ брата разузнать, какъ можно подробнѣе, о лицѣ учителя: «въ какихъ лѣтѣхъ возраста своего обрѣтается, въ какихъ странахъ изучился оныхъ различныхъ языковъ, или прежде своею волею отыде въ чужди страны къ поученію, или повелѣніемъ царскимъ, како и откуду пріиде въ Кіевъ, въ кое время начатъ учити, колико иматъ учениковъ, какова ему честь и мзда обрѣтается, въ коемъ монастырѣ постриженся [52]). При этомъ Барскій просилъ брата лично передать, посылаемое при семъ, письмо Симону Тодорскому, написанное по гречески и просить отъ него отвѣта также по гречески: «нужда бо мнѣ пѣкая въ семъ заключается, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ, въ художествѣ его сирѣчь познать силу» [53]). И подобную просьбу Барскій настоятельно повторяетъ въ трехъ письмахъ. Но, кромѣ этого побужденія «въ художествѣ его сирѣчь познать силу», были вѣроятно и другія, болѣе серьезныя побужденія, заставлявшія Барскаго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидать отвѣта отъ Тодорскаго. Мы не имѣемъ подъ руками письма Барскаго къ Тодорскому, такъ какъ въ числѣ писемъ, адресованныхъ къ преосвященному различными лицами и находящихся въ библіотекѣ Псковской семинаріи, посланія нашего пѣшехода не оказалось [54]). Но мы можемъ составить вѣрное понятіе о содержаніи этого письма на основаніи тѣхъ данныхъ, какія заключаются въ письмахъ Барскаго къ брату. Такъ, основываясь на томъ важномъ значеніи, какое приписываетъ Барскій своему

---

[51]) Русск. Архивъ, 1874 г. № 9, четвертое письмо Барскаго.

[52]) Тамъ же, письмо пятое.

[53]) Тамъ же, письмо шестое.

[54]) Духовная Бесѣда за 1872 г. №№ 22—28 „Матеріалы къ біографіи преосвящен. Симона Тодорскаго, архіепископа Псковскаго“.

Библиотека "Руниверс"

письму къ Симону Тодорскому, какъ главной причинѣ перемѣны своего положенія, что если С. Тодорскій пришлетъ ему отвѣтъ, то онъ будетъ имѣть бо̀льшее значеніе, чѣмъ мольбы родныхъ о его возвращеніи, что онъ будетъ подобно магниту привлекать его въ отечество, и что если онъ не получитъ желаемаго отвѣта, то отъ Патма не двигнется, надо думать, что Барскій, по всей вѣроятности, просилъ отъ Тодорскаго извѣстія: не могутъ-ли найтись для него занятія въ новоустроенной Греческой школѣ и если найдутся, то, можетъ быть, просилъ его содѣйствія для достиженія означенной цѣли. Это предположеніе наше получаетъ характеръ несомнѣнной истины, вслѣдствіе того обстоятельства, что Барскій, получивъ желаемое письмо отъ С. Тодорскаго, и изъявляя въ письмѣ своемъ къ брату (отъ 17 Мая 1742 г.) намѣреніе возвратиться въ отечество, замѣчаетъ при этомъ, что къ исполненію своего намѣренія онъ понуждается «благоувѣтливыми словесы о. Симона [55])». Нужно полагать, что Тодорскій предлагалъ Барскому сдѣлаться его преемникомъ по учительству въ академіи, такъ какъ самъ онъ въ это время былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для преподаванія Закона Божія наслѣднику прѐстола Петру Ѳедоровичу, и каѳедра Греческаго языка сдѣлалась въ это время свободною [56]).

Когда Барскій, по полученіи письма отъ Симона Тодорскаго, началъ дѣлать приготовленія къ возвращенію своему въ отечество, это возвращеніе его было ускорено неожиданнымъ для него образомъ. Императрица, узнавшая о существованіи Барскаго на о. Патмосѣ, по всей вѣроятности, отъ Симона Тодорскаго, бывшаго тогда наставникомъ наслѣдника престола, сдѣлала предписаніе резиденту при Оттоманской Портѣ, Вешнякову, вызвать немедленно Барскаго въ Константинополь, и Вешняковъ извѣстилъ его о монаршей волѣ особымъ письмомъ, полученнымъ Барскимъ въ Маѣ 1743 года. Но, какъ ни лестно было для Барскаго вниманіе къ нему державныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, однако это неожиданное предложеніе ошеломило его: онъ еще не былъ готовъ къ отъѣзду и въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, посланномъ Вешнякову, извинившись, что не можетъ немедленно послѣдовать его приглашенію, просилъ отсрочки до Сентября, доколѣ не окончитъ «нѣкія школьныя дѣла на пользу себѣ и отечеству». Ревностно принялся онъ, по отосланіи этого письма, за окончаніе дѣлъ своихъ: «день и нощь, говоритъ онъ, чтяхъ, писахъ и окончевахъ начатыя въ ученіи дѣла и въ писаніи, иныя-же убо совершихъ, иныя-же ни». Наконецъ,

---

[55]) Р. Арх. 1874, № 9, письмо Барскаго седьмое.

[56]) Аскоченскій, Кіевъ, ч. 2, стр. 144.

Библиотека "Руниверс"

въ день памяти Патмосскаго Богослова, 26 Сентября 1744 года, возблагодаривъ всѣхъ и простившись со всѣми начальными и меньшими иноками, посѣтивъ именитыхъ Патмосскихъ гражданъ и всѣхъ пріятелей, простившись также съ учителемъ и всѣми учениками, онъ отправился на родину [57]).

Съ этого времени Барскій начинаетъ уже пожинать плоды долголѣтнихъ трудовъ своихъ. Находясь подъ покровительствомъ державныхъ лицъ, онъ теперь вездѣ встрѣчаетъ почетъ, уваженіе и лучшую обстановку для жизни, чѣмъ прежде. Онъ теперь вездѣ свободно удовлетворяетъ своей любознательности и дозволяетъ себѣ такія отношенія къ окружающей средѣ, какія были до сихъ поръ для него немыслимы. Такъ, когда въ Хіосѣ предстала предъ нимъ депутація изъ иноковъ главнаго тамошняго монастыря—Агіамони съ просьбою осчастливить ихъ своимъ посѣщеніемъ, то Барскій съ ироническою улыбкою («осклабився») замѣтилъ имъ, что онъ уже дважды былъ у нихъ, но только при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, когда они приняли его за нищаго, просившаго хлѣба. Обличивъ, такимъ образомъ, ихъ ласкательство, Барскій, уступая ихъ усиленнымъ просьбамъ, а главное—не желая показать въ себѣ образъ гордости и высокомѣрія и имѣя въ виду перевести имъ съ Русскаго языка на Греческій дарственную грамоту царя Алексѣя Михайловича, посѣтилъ монастырь. Во время своего пребыванія въ монастырѣ онъ дозволилъ себѣ сдѣлать выговоръ монахамъ за ихъ небрежность въ отношеніи къ библіотекѣ, книги которой были подмочены водою и валялись безъ порядка на полу. Въ это же время поступила къ Барскому петиція Русскихъ плѣнниковъ, умолявшихъ его принять на себя ходатайство предъ правительствомъ объ ихъ освобожденіи, и онъ охотно обѣщался сдѣлать для нихъ все, что только будетъ возможно. Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Хіосѣ, Барскій отправился въ Константинополь, куда и прибылъ 20 Декабря. Здѣсь Барскій, обласканный резидентомъ, получилъ позволеніе пользоваться его столомъ и квартирою, вмѣстѣ съ домовымъ священникомъ, и получилъ, кромѣ того, значительную сумму денегъ, изъ коихъ часть отослалъ въ Патмосъ въ благодарность за оказанныя ему тамъ благодѣянія, другую часть употребилъ на покупку платья и книгъ и небольшую часть оставилъ себѣ для дальнѣйшаго употребленія. Хороша и покойна была жизнь нашего Плаки въ Константинополѣ: съ 20 Декабря и до Іюля онъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, былъ окончательно предоставленъ самому себѣ; многократно бесѣдовалъ онъ съ

---

[57]) Пут. Б. изд. Рубана, стр. 488.

Библиотека "Руниверс"

резидентомъ, разсказывая ему какіе нибудь случаи изъ своего удивительнаго путешествія, изрѣдка переводилъ ему что̀ нибудь съ Греческаго языка на Русскій; имѣлъ разъ случай быть очевидцемъ торжественной аудіенціи, даваемой визиремъ резиденту. Любилъ онъ бродить по Константинополю, сначала въ сопровожденіи янычара, а потомъ и одинъ, и осматривать его достопримѣчательности; по большей же части онъ проводилъ время въ отправленіи богослуженія, въ домовой церкви резидента, «поюще и поучающися наединѣ со всякимъ упокоеніемъ кромѣ дѣлъ». Намѣревался было Барскій этимъ же лѣтомъ возвратиться на родину [58]), но по волѣ резидента долженъ былъ еще перезимовать въ Константинополѣ [59]). Сначала Барскій долго не зналъ, зачѣмъ его удерживаетъ при себѣ Вешняковъ; когда же онъ узналъ, что резидентъ намѣренъ сдѣлать его своимъ домовымъ священникомъ, а бывшаго доселѣ уволить отъ должности, то былъ до чрезвычайности этимъ опечаленъ, какъ потому, что не чувствовалъ въ себѣ, главнымъ образомъ, призванія къ такому служенію, не имѣвшему такого умственнодѣятельнаго характера, какой имѣетъ педагогическая дѣятельность, такъ и потому, что ему, съ одной стороны, сильно хотѣлось побывать на своей родинѣ, а съ другой—посѣтить нѣкоторыя еще непосѣщенныя страны [60]). Поэтому-то Барскій, вскорѣ по полученіи извѣстія о намѣреніяхъ резидента, началъ просить Вешнякова, чтобы онъ дозволилъ ему посѣтить Аѳонъ, такъ какъ въ первое свое посѣщеніе онъ почти не ознакомился съ нимъ, частію по незнанію Греческаго языка, а частію по незначительности своего положенія, не могшаго расположить иноковъ къ полной откровенности и вниманію къ нему. Вешняковъ съ удовольствіемъ исполнилъ просьбу Барскаго, снабдивъ его для свободнаго проѣзда Турецкимъ фирманомъ и паспортомъ на Русскомъ и Итальянскомъ языкахъ. Всѣ свои книги и тетради Барскій оставилъ, по совѣту резидента, въ его дворцѣ и 7 Мая 1744 года препринялъ второе путешествіе на Аѳонъ.

Черезъ пять дней Барскій уже достигъ желанной цѣли и поклонялся святынямъ Аѳонскаго Ватопедскаго монастыря. Знаніе Барскимъ Греческаго языка, его начитанность, вслѣдствіе которой онъ «сладокъ мнихся быти въ привѣтствіяхъ и разглагольствіяхъ», уваженіе, оказываемое Греками Русскимъ, отъ которыхъ они чаяли облегченія своей тяжкой доли, а главное—султанскій фирманъ и грамота резидента по

---

[58]) Русск. Архивъ, 1874 г. № 9, письмо Барскаго осьмое.
[59]) Русск. Арх. 1874 г. № 9, письмо девятое.
[60]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 507.

Библиотека "Руниверс"

неволѣ располагали монаховъ въ пользу Барскаго. И въ самомъ дѣлѣ, жизнь его на Аѳонѣ была отличная: онъ находилъ себѣ почти вездѣ почетный пріемъ и гостепріимство; передъ нимъ открыты были всѣ тайники монастырей, недоступные для наблюденія другихъ путешественниковъ, какъ-то библіотеки и скевофилакіи или хранилища монастырскихъ святынь, древностей и драгоцѣнностей. И въ этотъ полугодовой періодъ пребыванія своего на Аѳонѣ Барскій перечиталъ, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большую часть древнихъ книгъ и рукописей, находящихся въ библіотекахъ, такъ что въ состояніи былъ критически относиться къ различнымъ устнымъ и письменнымъ сказаніямъ и свои мнѣнія обосновывать на свидѣтельствахъ древнихъ классиковъ и Византійскихъ историковъ. Одно неожиданное обстоятельство заставило его поспѣшить отбытіемъ, именно: во время перехода отъ монастыря Діонисіата къ монастырю св. Павла онъ потерялъ большую часть денегъ, данныхъ ему Вешняковымъ, а такъ какъ изъ Аѳона онъ намѣревался предпринять еще путешествіе въ Грецію, то, чтобы не остаться окончательно безъ средствъ для дальнѣйшаго путешествія, онъ въ концѣ Декабря 1744 года вышелъ изъ Аѳона.

Здѣсь оканчиваетъ Барскій описаніе своего путешествія. Поэтому, вслѣдствіе довольно скудныхъ свѣдѣній, можно составить только общій очеркъ остальныхъ трехъ лѣтъ его жизни. Такъ, изъ собственнаго замѣчанія Барскаго [61]), а также изъ перечня рисунковъ, приложеннаго къ концу книги издателемъ [62]), видно, что онъ въ 1745 году путешествовалъ по Греціи, Эпиру, Криту и Ливадіи; затѣмъ, въ половинѣ 1746 года онъ прибылъ въ Царьградъ, но, не заставъ въ живыхъ своего благодѣтеля, резидента Вешнякова, много вытерпѣлъ зла отъ его преемника Неплюева. Самъ Барскій объ этомъ дѣлаетъ только общій намекъ, но издатель его Путевыхъ Записокъ, Рубанъ, передаетъ этотъ фактъ нѣсколько подробнѣе: онъ говоритъ, что Барскій предъ Неплюевымъ былъ оклеветанъ какими-то недоброжелателями; а такъ какъ его оправданіе показалось почему-то резиденту дерзкимъ, то онъ приказалъ отдать Барскаго подъ арестъ и затѣмъ подъ крѣпкою стражею на первомъ отходящемъ кораблѣ отправить чрезъ Черное море въ Россію; но что Барскій какимъ-то способомъ нашелъ возможность освободиться и честнымъ образомъ возвратиться на родину, куда онъ и отправился изъ Константинополя сухимъ путемъ чрезъ Румелію и Болгарію [63]). Затѣмъ, изъ одного письма Барскаго мы узнаёмъ, что

---

[61]) Тамъ же стр. 752.

[62]) Тамъ же стр. 772—773.

[63]) Предисловіе Рубана къ путеш. Барск., стр. XI.

Библиотека "Руниверс"

въ Октябрѣ 1746 года онъ былъ въ Бухарестѣ и намѣревался провести здѣсь зиму для окончанія своихъ дѣлъ. Въ бытность же свою въ Бухарестѣ онъ получилъ письмо отъ префекта Кіевской Академіи Варлаама Лящевскаго, которымъ онъ, по благословенію преосвященныхъ: Псковскаго—Симона Тодорскаго и Кіевскаго—Рафаила Заборовскаго приглашалъ его ускорить возвращеніемъ въ Кіевъ для занятія въ академіи каѳедры по Греческому языку [64]). Барскій, проведшій, вѣроятно, какъ онъ предполагалъ, зиму въ Бухарестѣ, съ наступленіемъ весны 1747 года отправился чрезъ Молдавію и Польшу въ отечество и прибылъ въ Кіевъ 2 Сентября 1747 года. Когда Барскій переступилъ порогъ родительскаго дома, то его старушка-мать въ теченіи цѣлаго часа времени не могла узнать въ смугломъ монахѣ того двадцатилѣтняго юноши-сына, котораго она когда-то, цѣлыхъ 24 года назадъ, благословила въ путь-дорогу, на короткое время, въ недалекую сторону—только до Львова. Но недолго привелъ ей Богъ порадоваться на своего возмужалаго, разумнаго сына: долговременное, трудное странствованіе надломило его крѣпкія силы; воротился онъ на родину измученный, обезсиленный, съ опухшими ногами и, проживши только 35 дней въ родительскомъ домѣ, скончался 7 Октября 1747 года. Смерть Барскаго поразила всѣхъ знавшихъ его: судьба сулила ему счастливую будущность, такъ какъ ученые монахи, подобные Барскому (Тодорскій, Яворскій, Прокоповичъ и многіе другіе) занимали въ то время самое видное положеніе въ средѣ своей братіи; всѣ ожидали отъ этого замѣчательнаго путешественника, трудившагося столько лѣтъ для пользы отечества, широкой, многоплодной дѣятельности, и вдругъ всѣ эти надежды и ожиданія оказались напрасными! Потому-то смерть его была многими искренно оплакана. Самый фактъ погребенія служилъ наглядным выраженіемъ того общаго уваженія и сочувствія, которымъ пользовался покойный: перенесеніе тѣла его изъ дома въ церковь, при колокольномъ во всѣхъ церквахъ звонѣ, было сопровождаемо всѣми студентами академіи, которые составляли процессію въ нарочно устроенномъ для этой цѣли порядкѣ; отпѣваніе тѣла, по случаю болѣзни митрополита Кіевскаго Рафаила Заборовскаго, совершено было митрополитомъ Ѳиваидскимъ Макаріемъ, причемъ 8 лучшихъ студентовъ изъ всѣхъ классовъ академіи говорили ему надгробныя рѣчи, какъ бывшему воспитаннику академіи; во гробъ съ нимъ была положена разрѣшительная грамота, принесенная имъ изъ Іерусалима, съ собственноручною подписью тамошняго патріарха; предано тѣло землѣ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, близъ воспитавшей его академіи.

---

[64]) Русск. Архивъ 1874 г. № 9; письмо Барскаго десятое.

Библиотека "Руниверс"

И доселѣ могилу замѣчательнаго путешественника обозначаютъ каменный памятникъ, отъ времени почти вросшій въ землю и прямо противъ него чугунная доска, вдѣланная въ стѣну сѣвернаго придѣла алтаря Братской Богоявленской церкви, съ слѣдующей эпитафіей, составленной Рубаномъ:

Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень,
И лучъ премудрости снисшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему.
Онъ, вдохновеніямъ божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что̀ ни зрѣлъ:
За свято имутъ что̀ и Римляне, и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и гра̀довъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое Отечество увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ окончивъ жизнь трудахъ
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны,
А духъ его прешелъ въ селенія небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

И часто останавливается въ глубокомъ раздумьи, по прочтеніи этой эпитафіи, благочестивый странникъ близъ достопамятной могилы; нерѣдко какой-нибудь богомолецъ-начетчикъ ведетъ здѣсь назидательную бесѣду съ своими собратьями, разсказывая имъ объ изумительныхъ трудахъ и страданіяхъ покойнаго, и многими возсылается благочестивая молитва къ небу о упокоеніи раба Божія Василія....

Этимъ мы и заканчиваемъ первый отдѣлъ нашего сочиненія. Но въ заключеніе считаемъ не лишнимъ бросить общій взглядъ на личность нашего замѣчательнаго паломника.

Самая наружность Барскаго обличала въ немъ личность недюжинную. Это былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, имѣвшій на головѣ и бородѣ черные, безъ всякой сѣдины, волосы, смуглое лице, высокія, бо̀льшія, черныя и почти вмѣстѣ сошедшіяся брови, острые, свѣтлокаріе глаза и короткій носъ. Все это говорило о немъ, какъ о человѣкѣ основательномъ, съ сильною, непреклонною волею и здравымъ, яснымъ разсудкомъ. И дѣйствительно, весь его характеръ, весь складъ убѣжденій свидѣтельствуетъ о немъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ людей своего времени; мы убѣдимся въ этомъ,

Библиотека "Руниверс"

если очертимъ личность Барскаго съ религіозной, нравственной и отчасти умственной стороны.

О Барскомъ прежде всего можно сказать, что это былъ человѣкъ въ высшей степени религіозный: онъ носилъ Бога постоянно въ сердцѣ своемъ, имѣлъ Его предъ очами своими, въ его устахъ была непрестанная къ Нему молитва. Молитвы утреннія и вечернія онъ не иначе называетъ, какъ обычными [1]); вкушалъ-ли онъ пищу, достигалъ-ли желанной цѣли,—благодарилъ Бога [2]), случались-ли съ нимъ какія-нибудь несчастія,—взывалъ къ Богу о помощи [3]). Если ему приходилось достигать какого-нибудь св. мѣста, онъ испытывалъ чувство самой искренней, живѣйшей радости [4]). При соприкосновеніи съ какою-нибудь святынею, благоговѣйное представленіе величія Божія, которое обнаруживается въ ней, всегда возбуждало въ Барскомъ чувство смиренія и сознаніе своей недостойности [5]). Этимъ-то сильнымъ религіознымъ чувствомъ можно объяснить и то явленіе, что Барскій во всемъ видѣлъ дѣйствіе Промысла Божія: всѣ общественныя бѣдствія посылаются Богомъ за грѣхи христіанъ [6]). Теченіе своей собственной жизни онъ также приписывалъ исключительно водительству Промысла Божія [7]), и эта вѣра въ Промыслъ Божій доходила въ немъ иногда до всецѣлой преданности волѣ Божіей, до полнѣйшаго квіэтизма, такъ что, по его мнѣнію, и самому злу необходимо покориться, поелику оно попускается Богомъ [8]). Отсюда и своеобразная вѣра Барскаго въ бытіе злыхъ духовъ, своеобразная потому, что онъ считалъ себя огражденнымъ отъ ихъ нападеній, такъ-какъ они, по его мнѣнію, осаждаютъ только людей добродѣтельныхъ, къ каковой категоріи онъ, по смиренію, не причислялъ себя [9]), хотя иногда и горько жалуется на пакости, творимыя ему врагомъ человѣчества [10]).

Но такая религіозность Барскаго сформировалась исключительно въ духѣ православія. Всею душею своею онъ былъ преданъ православной вѣрѣ отцовъ своихъ; онъ былъ убѣжденъ, что только право-

---

[1]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 27, 29, 91, 96, 115, 121, 122, 542.

[2]) Рукопись К. М. монаст., кн. 1, стр. 273.

[3]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 136, 180, 341.

[4]) Тамъ же, стр. 134, 186.

[5]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 411; рукоп. К. М. монаст., кн. 1, стр. 286 на оборотѣ.

[6]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 125, 174.

[7]) Тамъ же, стр. 133, 239, 426; рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, книга 2, стр. 47 на оборотѣ.

[8]) Тамъ же, кн. 1., стр. 260—265.

[9]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 542.

[10]) Тамъ же, стр. 484.

Библиотека "Руниверс"

славіе во всей чистотѣ содержитъ ученіе, преподанное Основателемъ христіанства, что, поэтому, оно должно существовать до скончанія вѣка, не смотря ни на какія козни враговъ своихъ. «Православіе, какъ онъ выражается, стоитъ непоколебимо, аки гора, красится красотою, аки невѣста, сіяетъ во всемъ мірѣ, аки солнце, свѣтя на благія и злыя, пребываетъ твердо, аки адамантъ, процвѣтаетъ яко кринъ посредѣ тернія, горитъ всегда непрестаннымъ пламенемъ любве, яже къ Богу, егоже никаковымъ видомъ всякіе еретичествующихъ вѣтры угасити не могутъ, но еще паки возжигаютъ, и тѣмъ большій любви Божія разжигается огонь, никогда смущается, всегда веселится, побѣдную воспѣвающи пѣснь» [11]). Отъ этого онъ приписываетъ православнымъ то преимущество, что они находятся подъ особеннымъ покровительствомъ Божіимъ, такъ что и самая земля для жительства православнымъ дается лучшая, чѣмъ людямъ, исповѣдывающимъ другія религіи [12]). И эта преданность православію была въ Барскомъ такъ сильна, что одно представленіе объ отреченіи отъ вѣры православныхъ, находившихся подъ игомъ мусульманъ, вызывало у него искреннія, непритворныя слезы [13]). Соотвѣтственно такой привязанности къ православію, Барскій былъ ревностнымъ исполнителемъ различныхъ установленій и обрядовъ православной церкви. Такъ, онъ строго соблюдалъ посты [14]). любилъ присутствовать на церковномъ богослуженіи и если когда во время путешествія невозможно было удовлетворить этой благочестивой потребности, то онъ, имѣя при себѣ «полууставъ великій», старался какъ-нибудь самъ отправить церковныя службы [15]).

Привязанность Барскаго къ религіозному культу и соединенной съ нимъ внѣшней обстановкѣ проистекала сколько изъ религіознаго чувства, столько-же и изъ любви его къ изящному. Что чувство прекраснаго было чрезвычайно развито въ Барскомъ, это внѣ всякаго сомнѣнія. Оно выражалось прежде всего въ его чувствѣ благопристойности, вслѣдствіе чего онъ извиняется предъ читателемъ даже тогда, когда разсказываетъ о такихъ естественныхъ процессахъ, какъ рвота, происшедшая отъ морской качки. «Прости ми, разумный читателю, говоритъ онъ, не могый стерпѣти, блевахъ пятерицею до зѣла [16]); выражалось оно и въ его внимательности къ своему костюму. Правда,

---

[11]) Рукоп. К. М. монаст., кн. 1, стр. 161 на оборотѣ.
[12]) Тамъ же, стр. 160.
[13]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 464.
[14]) Тамъ же, стр. 20, 114.
[15]) Тамъ же, стр. 114, 541, 543.
[16]) Рукопись К. М. мон., кн. 1, стр. 150 на оборотѣ.

Библиотека "Руниверс"

на Востокѣ онъ принужденъ былъ нѣсколько разъ путешествовать въ лохмотьяхъ и даже разъ совершенно нагимъ, но на Востокѣ это дѣло обычное; когда же онъ прибылъ въ Константинополь, въ среду цивилизованнаго общества, то прежде всего озаботился поприличнѣй одѣться [17]); да еще и прежде, въ бытность свою на островѣ Кипрѣ, когда ему пришлось быть въ сообществѣ архіепископа, онъ «стыдился, яко худы и раздранны имѣлъ одежды [18])». Величайшее наслажденіе находилъ онъ въ созерцаніи красотъ природы, при видѣ которыхъ онъ доходилъ до чрезвычайной степени одушевленія; еще большее наслажденіе доставляло ему созерцаніе произведеній искусства человѣческаго: архитектуры христіанскихъ и даже языческихъ храмовъ, прекрасной живописи и т. п., такъ что и самъ онъ въ нѣкоторой степени былъ художникомъ, любя рисовать виды прекрасныхъ зданій и храмовъ. Вотъ эта-то любовь къ прекрасному и была, вмѣстѣ съ религіознымъ чувствомъ, причиною привязанности Барскаго къ внѣшней сторонѣ религіи, вслѣдствіе чего онъ почти весь отдается внѣшностямъ богослуженія; здѣсь привлекаетъ его все прекрасное, грандіозное, величественное: богатство внѣшнихъ и внутреннихъ украшеній храмовъ, благолѣпіе въ церковныхъ обрядахъ и службахъ, стройное, гармоническое пѣніе и т. п.

Въ общеніи Барскаго съ другими проявлялась самая полная искренность. Эта искренность и прямодушіе составляютъ дорогое качество въ характерѣ Барскаго. Кто имѣлъ случай читать его Путевыя Записки, тотъ невольно убѣждался въ этомъ качествѣ его характера: читателя съ первыхъ же страницъ обдаетъ какое-то беззавѣтное прямодушіе, всюду передъ нимъ обнаруживается стремленіе какъ бы раскрыть вполнѣ душу въ своемъ произведеніи, стремленіе, присущее немногимъ счастливымъ, прекраснымъ натурамъ.—Это отсутствіе исключительности проявляется и въ другихъ обнаруженіяхъ его нравственнаго характера. Хотя Барскій и считалъ грѣхомъ попарить въ банѣ свое тѣло [19]), но это только на словахъ; на самомъ-же дѣлѣ, при удобномъ случаѣ, онъ не прочь былъ помыть и похолить грѣшную плоть свою [20]); хотя онъ строгъ былъ также и въ соблюденіи постовъ, однако не доходилъ до такого самоотреченія и умерщвленія плоти, какое мы видимъ у другихъ завзятыхъ монаховъ: на островѣ Патмосѣ, будучи уже монахомъ, онъ считалъ свою порцію, отпускавшуюся ему

---

[17]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 495.
[18]) Тамъ же стр. 458.
[19]) Тамъ же, стр. 154.
[20]) Тамъ же, стр. 28.

Библиотека "Руниверс"

изъ монастыря и состоявшую изъ пяти небольшихъ хлѣбовъ въ недѣлю, недостаточною и старался собственными трудами заработать себѣ «хлѣбецъ и иное что нуждное [21])»; но въ то время, когда еще не былъ монахомъ, онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, когда ему приходилось «удоволиться» до зѣла или роспить съ товарищемъ бутылку вина [22]). Вообще отношенія къ себѣ, предписываемыя монашествомъ, у Барскаго являются въ довольно мягкихъ формахъ.

Но вполнѣ личность Барскаго обнаруживается въ проявленіяхъ нравственности, имѣющихъ соціальный характеръ. Барскій не остановился на той ступени нравственности, которая состояла во внѣшнемъ, формальномъ исполненіи требованій религіи; нѣтъ, вѣра въ Бога, по его мнѣнію, должна выражаться въ любви къ ближнему [23]), потому что только одна любовь есть союзъ совершенства [24]): это былъ самый основной принципъ нравственности Барскаго, выраженіемъ котораго служили всѣ его дѣйствія, вся его жизнь. И дѣйствительно, любящее сердце Барскаго было какъ-бы всеобъемлющимъ. Его любовь простиралась, прежде всего, на дорогое отечество и дѣлала его самымъ горячимъ патріотомъ: всѣ труды и заботы, понесенные имъ, были предприняты на славу и пользу дорогой отчизны [25]); сила и могущество Россіи были для него неоспоримы, такъ что христіане, находящіеся подъ игомъ мусульманъ, должны надѣяться только на Бога и родъ Россійскій [26]). Россія, по его мнѣнію, страна образцовая во всѣхъ отношеніяхъ; отсюда она служитъ нормою для опредѣленія достоинства мѣстъ, подлежавшихъ его наблюдательности; отличная Солунская почва имѣетъ сходство съ Русскою [27]); принильская почва также мягка, какъ Русская [28]); невыносимому Палестинскому зною онъ противополагаетъ благорастворенный климатъ Русскій [29]), скуднымъ рѣкамъ Каира онъ противопоставляетъ роскошныя рѣки Россіи [30]); однимъ словомъ, Россія, по его мнѣнію, страна, лучше и краше которой нѣтъ ни одной на свѣтѣ: «Русской-бо земли, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, во всемъ свѣтѣ нѣсть лучшей къ благопроизращенію плодовъ земли, и странъ

---

[21]) Тамъ же, стр. 484.
[22]) Тамъ же, стр. 21.
[23]) Тамъ же, стр. 581.
[24]) Тамъ же, стр. 576.
[25]) Тамъ же, стр. 488.
[26]) Тамъ же, стр. 516.
[27]) Тамъ же, стр. 162.
[28]) Тамъ же, стр. 247.
[29]) Тамъ же, стр. 174.
[30]) Тамъ же, стр. 424.

Библиотека "Руниверс"

величайшихъ и краснѣйшихъ нѣсть, земля воистинну благословенная, земля млекомъ и медомъ кипящая [31])». Послѣ родины Барскій горячо любилъ своихъ родителей и родственниковъ, какъ показываютъ это его письма къ нимъ; любилъ онъ, можно сказать, и весь родъ человѣческій безъ раздѣленія на ближнихъ и враговъ, присныхъ и дальныхъ. Самая наблюдательность этой симпатичной, любящей души была обращена какъ бы на одну свѣтлую сторону міра Божія; поэтому, онъ даже и тамъ, гдѣ другіе видятъ одно мрачное, находитъ свѣтлыя точки. Такъ г. Аскоченскій, разсказывая о карнавалѣ, видѣнномъ Барскимъ въ Венеціи, съ омерзѣніемъ восклицаетъ: «можно себѣ представить, какими глазами смотрѣлъ на все это уроженецъ строго-христіанской страны [32])! А между тѣмъ этотъ уроженецъ строго-христіанской страны, предоставивъ всю житейскую грязь, изгарь на долю другихъ людей, вынесъ изъ разсматриванія различныхъ диковинъ только одно убѣжденіе, что все это не волхвованіемъ творится, но наукою [33])». Если-жъ эта темная сторона человѣческой жизни была такъ поразительна, что невозможно было обойти ее молчаніемъ, то Барскій, какъ-бы осуществляя слова Апостола: *любовь все переноситъ, все покрываетъ* (1 Кор. XIII. 7), старается какъ-нибудь смягчить, извинить возмущающее душу явленіе. Такъ, когда пришлось ему говорить о бѣдствіяхъ, причиненныхъ ему Арабами, то онъ, хотя и сквозь слезы, однако хочетъ ослабить дѣйствіе своего разсказа на читателя, говоря, что, подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія, онъ можетъ быть придалъ факту гораздо большее значеніе, чѣмъ какое онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ: «не убойся глаголовъ и словесъ, мною здѣ написанныхъ; еже-бо писахъ, говоритъ онъ, писахъ отъ избытка сердца моего, яко необыкшій между сицевымъ народомъ быти [34])». Или, если и описываетъ онъ темныя стороны безпристрастно, совершенно объективно, то все-таки смягчаетъ эту свою объективность христіанскою любовію. Таковы отношенія Барскаго къ Грекамъ, которыя мы и прослѣдимъ здѣсь. Отношенія Барскаго къ Грекамъ также безпристрастны и объективны, какъ объективны его отношенія къ дѣйствительности вообще, которую ему приходилось описывать. Въ нравственно-религіозной жизни Грековъ онъ уже не видитъ одну идеально-свѣтлую сторону, какъ древніе наши паломники; онъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ отмѣчаетъ и темные факты, которые приходилось ему видѣть въ церковно-богослужебной или нравствен-

---

[31]) Тамъ же, стр. 134.
[32]) Кіевск. губ. вѣд. за 1854 г. № 49.
[33]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 105.
[34]) Рукопись К. М. монаст., кн. I, стр. 259 на оборотѣ.

Библиотека "Руниверс"

ной жизни Грековъ; такъ, онъ говоритъ, напр., о нарушеніи устава св. Аѳанасія на Аѳонѣ, какъ слѣдствіи своеволія [35]), объ отсутствіи употребленія четокъ, какъ слѣдствіи небрежности [36]), о сребролюбіи Аѳонскихъ иноковъ, о хитрости Грековъ вообще [37]) и т. п.; но при этомъ онъ помѣчаетъ не одни только темныя стороны: своею нравственною обязанностію онъ считаетъ описывать и свѣтлыя стороны, замѣченныя имъ въ этой области [38]); да и заключеніе изъ всѣхъ своихъ наблюденій надъ церковно-богослужебною стороною жизни Аѳона онъ вынесъ такое, что «православіе соблюдается тамъ болѣе, чѣмъ гдѣнибудь на Востокѣ [39])». Онъ смотритъ на Грековъ, какъ на православныхъ, на ихъ страны, какъ страны благочестивыя [40]); о мѣстахъ, населенныхъ Греками, говоритъ долѣе потому именно, что онѣ страны христіанскія [41]). Но, что̀ самое главное, если и описываетъ Барскій темныя стороны, то не съ ненавистію и предубѣжденіемъ въ сердцѣ, не съ проклятіемъ на устахъ, какъ нѣкоторые близкіе по времени къ нему паломники (Сухановъ и Лукьяновъ): его любящее, сострадательное сердце было постоянно поражаемо тѣми бѣдствіями, которыя испытывали восточные христіане подъ игомъ невѣрныхъ [42]), поэтому онъ говоритъ о темныхъ сторонахъ съ сожалѣніемъ, снисходительностію, братскою любовію; при видѣ, напр., восточныхъ христіанъ, отрекающихся отъ вѣры, онъ проливалъ искреннія, непритворныя слезы [43]); эти тяжкія бѣдствія возбуждали въ немъ возвышенныя, поистинѣ патетическія молитвы къ Богу объ облегченіи участи единовѣрныхъ страдальцевъ, объ исцѣленіи злыхъ недуговъ въ ихъ нравственно-религіозной жизни [44]). Вотъ это-то темное облако бѣдствій, испытываемыхъ восточными христіанами, какъ-бы совсѣмъ закрывало отъ него тѣ темныя пятна въ ихъ религіозно-нравственной жизни, на которыя съ такимъ злорадствомъ указывали его предшественники, такъ что процентъ описанія темныхъ сторонъ въ разсматриваемой имъ дѣйствительности сравнительно чрезвычайно невеликъ. Поэтому-то, когда ему приходилось говорить о различныхъ нестроеніяхъ, онъ или проходитъ ихъ мол-

---

[35]) Путеш. Барск. въ пзд. Рубана, стр. 555.
[36]) Тамъ же, стр. 508.
[37]) Тамъ же, стр. 687.
[38]) Тамъ же, стр. 173, 571.
[39]) Тамъ же, стр. 744.
[40]) Тамъ же, стр. 111.
[41]) Тамъ же, стр. 365.
[42]) Тамъ же, стр. 173, 719.
[43]) Тамъ же, стр. 464.
[44]) Тамъ же, стр. 285, 445; рукопись К. М. монаст., кн. 2, стр. 16.

Библиотека "Руниверс"

чаніемъ, или описываетъ ихъ кратко, или наконецъ, старается подыскать смягчающія, извиняющія обстоятельства въ бѣдствіяхъ, послужившихъ для нихъ причиною [45]). И только тамъ, гдѣ Барскій встрѣчалъ закоренѣлый фанатизмъ или грубое невѣжество, онъ являлся съ словомъ обличенія: такъ онъ обличалъ Котломушскихъ Аѳонскихъ иноковъ за ихъ небрежность по отношенію къ библіотекѣ [46]), обличалъ въ Хилендарѣ невѣжество иноковъ по поводу пляски иконъ [47]), въ Зографѣ—фанатизмъ иноковъ, принимавшихъ чрезъ перекрещиваніе латинянъ и даже Русскихъ, имѣвшихъ какое-нибудь сношеніе съ латинянами [48]). Но это его обличеніе проистекало единственно изъ участія къ бѣдствіямъ ближняго, было безъ всякой злобы, вражды, было растворяемо христіанскою любовію и снисхожденіемъ.

Таковы отношенія Барскаго къ Грекамъ.

Но любящее сердце его не ограничивалось только православными; оно побуждало его смотрѣть и на неправославныхъ съ сожалѣніемъ, съ любовію къ нимъ. Въ особенности это нужно сказать объ отношеніяхъ его къ латинянамъ. Онъ говоритъ, что если не нужно вводить Латинскихъ изваяній, то не нужно и ругаться надъ ними; во время своего путешествія онъ молился Богу въ костелахъ также, какъ и въ православныхъ храмахъ; отношенія его къ различнымъ католическимъ святынямъ благоговѣйны; разсказы о чудесахъ, совершающихся отъ нихъ, искренни; онъ признаетъ и въ латинянахъ христіанскія добродѣтели. Всѣ отношенія латинянъ къ православнымъ, или обратныя—православныхъ къ латинянамъ, въ которыхъ проявлялась ненависть или религіозный фанатизмъ, имъ безусловно осуждаются. Такъ, онъ осуждаетъ разбойниковъ-латинянъ за то, что они, будучи христіанами, христіанъ-же и обижаютъ; разъ даже назвалъ онъ латинянъ псами за ихъ враждебныя отношенія къ православнымъ; равнымъ образомъ и Грековъ онъ осуждаетъ за тѣ отношенія къ латинянамъ, въ которыхъ видно «не исправленіе ближнихъ, но вражда». Словомъ, христіанская любовь, снисходительность, полнѣйшая вѣротерпимость служатъ основными правилами его отношеній къ латинянамъ.

Барскій отъ природы имѣлъ умъ острый и проницательный, всегда умѣвшій отличить истину отъ лжи, дѣйствительно хорошее отъ призрачнаго. Его сужденія всегда основательны; они—самое непосредственное произведеніе присущаго Русскому человѣку крѣпкаго, здраваго

---

[45]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 550, 575.
[46]) Тамъ же, стр. 603.
[47]) Тамъ же, стр. 650.
[48]) Тамъ же, стр. 670.

Библиотека "Руниверс"

смысла. Эти богатыя умственныя способности не погибли въ бездѣятельности. Умъ Барскаго постоянно требовалъ себѣ пищи; о немъ, прежде всего, можно сказать то, что это былъ человѣкъ въ высшей степени любознательный, вся жизнь котораго была очевиднымъ доказательствомъ неудержимаго стремленія къ просвѣщенію.

II.

Теперь переходимъ ко второй части нашего труда—анализу и критической оцѣнкѣ паломнической мысли Барскаго.

Избранный Барскимъ страннический образъ жизни и забота объ изысканіи средствъ къ существованію на первыхъ порахъ исключительно овладѣвали его вниманіемъ. Поэтому содержаніе Путевыхъ Записокъ Барскаго, за этотъ первый періодъ, наполняется, по большей части, описаніемъ самаго процесса путешествія и обстоятельствъ, касающихся его личной жизни. Оторванный отъ родины и путешествуя по чужимъ землямъ, Барскій, естественно, уже по одному этому, долженъ былъ дорожить сообществомъ друзей-соотечественниковъ, съ которыми судьба предназначила ему совершать путь. Онъ, прежде всего, занимается подробнымъ описаніемъ своихъ отношеній къ сотоварищамъ [49]). Затѣмъ онъ ведетъ счисленіе городовъ и селъ, чрезъ которые ему приходилось проходить и опредѣляетъ разстояніе одного пункта отъ другаго. Впрочемъ, этотъ перечень селъ и городовъ, а равнымъ образомъ и опредѣленіе разстоянія ихъ другъ отъ друга ведется съ точностію лишь въ путешествіи чрезъ Польшу и Венгрію, когда онъ или понималъ мѣстное нарѣчіе, какъ въ Польшѣ, или находилъ себѣ радушный пріемъ, какъ въ Венгріи, и въ тоже время встрѣчалъ лицъ католическаго исповѣданія, знавшихъ Латинскій языкъ, отъ которыхъ онъ могъ собрать необходимыя свѣдѣнія. Когда же пришлось ему проходить чрезъ Нѣмецкія и Итальянскія владѣнія, въ которыхъ онъ не понималъ мѣстнаго нарѣчія, онъ ведетъ перечень и опредѣляетъ разстояніе другъ отъ друга только значительныхъ мѣстъ. Далѣе, онъ ведетъ точное времяисчисленіе, пишетъ, сколько времени путешествовалъ изъ одной мѣстности въ другую, въ какой день и даже въ какую часть дня онъ достигъ извѣстной мѣстности, сколько времени тамъ пробылъ и, въ добавокъ, даетъ какъ бы отчетъ въ тратѣ своего времени, говоря о томъ, что онъ дѣлалъ въ извѣстномъ мѣстѣ: присутствовалъ ли

---

[49]) Путеш. Барск. въ изд. Рубана, стр. 13, 14, 25, 27, 40, 54, 56–57, 72, 109. Рукопись Кіев.-Мих. мон., кн. 1, стр. 21 на оборотѣ.

Библиотека "Руниверс"

при богослуженіи, писалъ ли «путникъ», или осматривалъ достопримѣчательности городовъ, изыскивалъ средства къ жизни или занимался другимъ какимъ-нибудь дѣломъ. Онъ описываетъ дѣйствія властей, неблагопріятныя для него, выразившіяся въ какомъ нибудь препятствіи къ продолженію путешествія, каковы запрещенія входить во многіе города; но описываетъ дѣйствія и благопріятныя, состоявшія въ выдачѣ подорожныхъ свидѣтельствъ, необходимыхъ для свободнаго прохода по извѣстной странѣ. Этимъ и исчерпывается все содержаніе мысли Барскаго, выразившейся въ описаніи самаго процесса его путешествія.

Послѣ этого, слѣдуетъ описаніе обстоятельствъ, касающихся личной жизни Барскаго. Весьма часто Барскій заноситъ на страницы своего «путника» не только описаніе того, что онъ дѣлалъ, но даже и того, что онъ намѣренъ былъ дѣлать. Затѣмъ, съ большею подробностію описываетъ онъ условія, благопріятныя или неблагопріятныя, въ которыя онъ былъ поставленъ, какъ человѣкъ, главною заботою котораго было изысканіе средствъ къ существованію. Средствомъ для достиженія этой цѣли онъ избралъ, какъ извѣстно, прошеніе милостыни. Отсюда, онъ всегда описываетъ, прежде всего, тотъ пріютъ, которымъ онъ пользовался въ извѣстной мѣстности. На Западѣ, гдѣ распространенъ обычай пилигримства, существуютъ почти во всѣхъ городахъ гостинницы для пріюта бѣдныхъ путешественниковъ; о такихъ гостинницахъ съ чувствомъ благодарности говоритъ и Барскій въ своемъ «путникѣ». Часто описываетъ онъ пріютъ, найденный имъ въ частныхъ домахъ христолюбцевъ; но много описано и такихъ случаевъ, когда нашъ усталый путешественникъ не могъ найти никакого пріюта и проводилъ ночи гдѣ-нибудь подъ сараемъ на соломѣ, тайно въ овинахъ, на мельницахъ, или просто въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, въ лодкѣ, подъ какою нибудь стѣною, около корчмы, подъ маслиною и т. п. Послѣ этого онъ описываетъ самый процессъ и результаты прошенія милостыни въ собственномъ смыслѣ и съ такою подробностію, что при этомъ всегда говоритъ, изъ какихъ продуктовъ состояла милостыня, говоритъ также о количествѣ и качествѣ милостыни; дѣлаетъ даже характеристику лицъ, дававшихъ милостыню: по отношенію къ ихъ національности и вѣроисповѣданію, по отношенію къ ихъ общественному положенію и нравственнымъ качествамъ.

По прибытіи въ какую нибудь мѣстность, Барскій описываетъ, прежде всего, явленія природы, замѣчательныя или по своей красотѣ, величію или по необычайности и исключительности; описываетъ также особенности странъ въ отношеніи климата и натуральныхъ произведеній изъ царства растительнаго и животнаго. Но исключительно вниманіе Барскаго сосредоточено на описаніи городовъ. Попутныхъ селъ

Библиотека "Руниверс"

и деревень Барскій не касается и только разъ сдѣлалъ замѣтку о благоустройствѣ Нѣмецкихъ селъ; города же онъ описываетъ почти всѣ, чрезъ которые ему приходилось проходить, и довольно подробно. Впрочемъ и въ городахъ онъ описываетъ только одну внѣшнюю сторону, и лишь нѣсколько разъ, да и то неудачно, объясняетъ названіе города и касается его исторіи. По большей же части онъ описываетъ слѣдующее: сначала самому описанію онъ предпосылаетъ иногда замѣтки о великолѣпіи и обширности города, затѣмъ говоритъ о предградіяхъ, описывая въ нихъ такія достопримѣчательности, какъ загородный дворецъ въ Вѣнѣ, или отдѣлываясь общими замѣчаніями о красотѣ его, говоритъ далѣе о мѣстоположеніи города, о укрѣпленіяхъ, торговыхъ пристаняхъ [50]), раздѣленіи города на части, численности населенія, наконецъ уже переходитъ къ самому описанію города. Здѣсь онъ, прежде всего, говоритъ о расположеніи и устройствѣ улицъ и о мѣрахъ, предпринимаемыхъ къ ихъ очищенію, о водоснабженіи города — естественномъ или искусственномъ. Нѣсколько подробнѣе занимается Барскій описаніемъ домовъ: здѣсь онъ говоритъ о матеріалѣ, изъ котораго они сдѣланы, описываетъ красоту и отдѣлку построекъ, ихъ величину, различныя приспособленія къ удобной и покойной жизни. При описаніи домовъ онъ почти всегда руководствуется общимъ впечатлѣніемъ отъ осмотра всѣхъ городскихъ построекъ; но иногда занимается описаніемъ только нѣкоторыхъ зданій, поражавшихъ его своимъ великолѣпіемъ, каково напр. описаніе дворцовъ. Гораздо обстоятельнѣе у Барскаго описаніе церквей и монастырей съ ихъ достопримѣчательностями и святынями. Здѣсь онъ описываетъ мѣстоположеніе церкви или монастыря въ той или иной части города и ихъ внѣшнее устройство: матеріалъ, изъ котораго устроено зданіе, отдѣлку и украшеніе стѣнъ, опредѣляетъ иногда высоту, ширину и длину зданія, матеріалъ и устройство кровли, главъ, дверей и оконъ, описываетъ зданія, составляющія часть церквей: колокольни, по большей части, съ часами, а въ монастыряхъ—келіи; въ заключеніе говоритъ о красотѣ зданія и уваженіи къ нему мѣстнаго населенія, касается даже исторіи зданія, замѣчая о древности его, приводя мѣстныя преданія о событіяхъ, послужившихъ поводомъ къ построенію его, или касаясь исторіи прошлаго назначенія зданія. Далѣе, онъ описываетъ собственно внутренность церквей: устройство половъ, въ особенности мраморныхъ, украшеніе стѣнъ иконописью и мраморными колоннами; перечисляетъ различныя церковно-богослужебныя принадлеж-

---

[50]) Онъ даже дѣлаетъ общія замѣтки и о такихъ городахъ, въ которыхъ онъ, по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ быть (стр. 17—18, 44, 49, 90).

Библиотека "Руниверс"

ности, какъ-то ризницу, лампады и другіе свѣтильники, а въ католическихъ костелахъ, престолы, органы, исповѣдальни; послѣ этого—святыни храма: иконы простыя и чудотворныя, св. статуи, мощи, съ сказаніемъ о чудесахъ, совершившихся отъ нихъ, св. источники и фонтаны, находящіеся въ западныхъ церквахъ, также съ сказаніями къ нимъ пріуроченными и многія другія святыни. Слѣдитъ, наконецъ, за отправленіемъ богослуженія, особенно въ церквахъ западныхъ общинъ Греко-восточнаго исповѣданія, подмѣчаетъ разницу въ чинахъ описываемыхъ церквей съ чинами Русской церкви, въ особенности подробно описываетъ отправленіе богослуженія въ Греческой церкви, въ Венеціи. Вотъ все содержаніе наблюдающей мысли Барскаго, выразившейся въ описаніи устройства городовъ.

Замѣтокъ о внутренней жизни обществъ чрезвычайно мало. Описывая дома снаружи, онъ не проникаетъ внутрь ихъ. Встрѣчается у него немного короткихъ замѣтокъ о національности и вѣроисповѣданіи жителей, но они слишкомъ скудны. Весьма мало говоритъ также Барскій и о состояніи просвѣщенія въ извѣстной мѣстности. Правда, онъ упоминаетъ кое-гдѣ о школахъ, даже касается организаціи и постановки школьнаго дѣла. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что мѣстечко Гіэнгешь «имать училище даже до риторики»; въ другомъ мѣстѣ пишетъ, что въ Римѣ-де много училищъ, въ которыхъ обучаютъ «различнымъ языкамъ, мусикіи, медицинѣ, си есть врачеству, астрономіи, си есть звѣздочетству, риторскому красноглаголанію, философіи же, богословію, грамматикѣ всѣческихъ языковъ, искуснымъ художествамъ, елико обрѣсти могутъ въ мірѣ семъ». Не касается Барскій политическаго устройства государствъ и только однажды, пораженный благоустройствомъ Венеціи, говоритъ, что «Венеція всегда сидитъ въ покоѣ; ибо ея не отважится никто одолѣти, того ради и почитается нетлѣнною дѣвицею, яко ни отъ кого же есть пораженна». Нѣсколько подробнѣе говоритъ Барскій о экономическомъ положеніи наблюдаемыхъ имъ мѣстностей: описываетъ благосостояніе или бѣдность населенія, развитіе внѣшней торговли, въ особенности любитъ описывать устройство мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ. Есть, наконецъ, у него замѣтки о нравахъ и обычаяхъ жителей. Такъ, проходя мимо Неаполатанскихъ трактировъ и видя въ нихъ много гуляющихъ, но ни одного пьянаго, онъ дѣлаетъ общее заключеніе о веселомъ образѣ жизни мѣстнаго населенія и его трезвости; точно также описываетъ онъ роскошь Римскаго и Неаполитанскаго обществъ, отсутствіе воровства и разбойничества въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и многое другое. По большей же части его замѣтки касаются милосердія или нестраннолюбія жителей, ихъ вѣжливости или грубости и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Можно сказать, что Барскій первый возвысился надъ религіозною исключительностію въ направленіи древняго Русскаго паломничества, и это главная заслуга его, дѣлающая его основателемъ новаго направленія Русской паломнической мысли. Мысль древнихъ паломниковъ носила на себѣ исключительно религіозный характеръ; на страницы «путниковъ» заносилось описаніе только священныхъ предметовъ; предметы же свѣтскаго характера обозрѣвались какъ бы мимоходомъ и если дѣлалось ихъ описаніе, то, или потому, что они имѣли какую нибудь связь съ предметами священно-религіознаго характера, или, разсматриваемые съ точки зрѣнія паломниковъ, они сами получали какой нибудь религіозный характеръ и въ такомъ случаѣ описывались уже не какъ свѣтскіе предметы, а какъ религіозные. Барскій вдвинулъ свѣтскіе предметы въ кругъ предметовъ религіозныхъ и одинаково сталъ интересоваться тѣми и другими. Свѣтскіе предметы у него описываются не настолько, на сколько они имѣютъ отношеніе къ религіозной области, а сами по себѣ, безотносительно. Это самое коренное отличіе Барскаго отъ древнихъ паломниковъ.

Далѣе, древніе паломники описывали наблюдаемую ими дѣйствительность въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась ихъ чувству и воображенію. Не то у Барскаго: онъ всегда находится по отношенію къ описываемой имъ дѣйствительности въ положеніи посторонняго наблюдателя, въ состояніи спокойномъ, безъ всякихъ волненій. Наблюдаемые имъ предметы совершенно вѣрны дѣйствительности, какъ въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться изъ сличенія сказаній Барскаго съ сказаніями другихъ, позднѣйшихъ паломниковъ.

Онъ старался обозрѣвать, насколько возможно, самъ, и только за достовѣрность видѣннаго онъ ручается, не довѣряя, въ тоже время, сказаніямъ другихъ о томъ, очевидцемъ чего онъ не былъ. Такъ напр. о поставленіи папы онъ говоритъ, что «понеже очима своима не случися видѣти, токмо слышати множицею, того ради слышамая не дерзаю писати, понеже различно повѣствуютъ о томъ народы». Все видѣнное онъ старался тотчасъ-же, или вскорѣ, записывать, когда еще находился подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній и когда черты видѣнныхъ имъ предметовъ не могли еще смѣшаться съ чертами другихъ. Не то мы должны сказать о различныхъ повѣствованіяхъ, передаваемыхъ Барскимъ, церковно-библейскаго характера и въ особенности чудеснаго свойства. Полный вѣры во всемогущество Божіе и не имѣя средствъ провѣрить сказаній, онъ относился къ нимъ съ искреннимъ довѣріемъ и заносилъ на страницы своего «путника» сказанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были впослѣдствіи имъ же самимъ отвергнуты. Таковы сказанія о различныхъ святыхъ и чудесахъ, отъ нихъ совер-

Библиотека "Руниверс"

шавшихся, и многихъ другихъ событіяхъ, католической фабрикаціи. И мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Аскоченскаго, что Барскій, «самъ просвѣщенный науками и обладавшій твердымъ разсудкомъ, не слѣпо вѣрилъ всему, что̀ ему разсказывали и многіе предметы подвергалъ строгому критическому анализу [51])», и съ мнѣніемъ преосв. Филарета что Барскій «не то, что̀ современный ему западный пилигримъ, подторяющій басни скуднымъ смысломъ [52])»: все это черты вѣрныя, но только взятыя изъ позднѣйшаго періода паломнической мысли Барскаго; отношеніе Барскаго къ различнымъ сказаніямъ легендарнаго характера въ разсматриваемый нами періодъ совершенно лишено критическаго анализа, и мы ни мало не погрѣшимъ, если и его причислимъ къ западнымъ пилигримамъ, которые, по мнѣнію преосвящ. Филарета, повторяютъ басни «скуднымъ смысломъ».

Вотъ всѣ достоинства и недостатки паломнической мысли Барскаго за первый періодъ ея развитія: достоинства очевидныя, хотя обнаружившіяся еще въ весьма слабой степени и ожидавшія своего развитія; но очевидны, также, и недостатки, требовавшіе своего непремѣннаго исправленія. Этотъ двойной процессъ совершился во второй періодъ развитія паломнической мысли Барскаго.

*

Наблюдающая мысль Барскаго въ настоящій, второй періодъ ея развитія сохраняетъ точно такой-же характеръ *всеобщности*, какой она имѣла и прежде: изъ подлежавшей его наблюденію дѣйствительности описывается не одна какая-нибудь сторона или группа предметовъ, но цѣлая ихъ совокупность. Но отношеніе Барскаго къ описываемой дѣйствительности дѣлается все болѣе и болѣе постояннымъ, и есть только нѣсколько случаевъ, когда его спокойное наблюденіе было нарушено, и онъ описываетъ дѣйствительность подъ вліяніемъ чувствъ, волновавшихъ его душу; но такіе моменты у него слишкомъ кратки, такъ что вовсе не имѣютъ вліянія на дальнѣйшій ходъ его наблюденія, да къ тому-же ихъ чрезвычайно немного: мы знаемъ только два случая, когда чувство радости отразилось у него на наблюдательности, это при видѣ Аѳона и Іерусалима. Настоящій періодъ отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что спокойная, бездѣятельная объективность Барскаго была нарушена, и онъ сталъ заниматься изученіемъ, изслѣдованіемъ наблюдаемыхъ предметовъ. На такую перемѣну

---

[51]) Аскоченскій, Кіевъ, ч. 2, стр. 44.

[52]) Филаретъ, Обзоръ Русск. дух. литературы, ч. 2, стр. 47.

Библиотека "Руниверс"

въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности имѣло, прежде всего, вліяніе предшествующее путешествіе его: обозрѣніе памятниковъ Западно-европейской цивилизаціи. Когда пришлось ему обозрѣвать страны съ цивилизаціей и строемъ жизни, противоположнымъ Европейскому, то самымъ этимъ контрастомъ были вызваны новые вопросы, требовавшіе разрѣшенія, были намѣчены для наблюдательности совершенно новыя стороны; таково, напр, описаніе Палестинскихъ, Галилейскихъ и Синайскихъ мѣстъ и предметовъ, къ которымъ пріурочиваются какія-нибудь воспоминанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ. Скоро отношенія его къ дѣйствительности измѣнились окончательно, именно—съ началомъ изученія живописи, которою онъ, по его собственнымъ словамъ, началъ заниматься въ бытность свою въ первый разъ въ Іерусалимѣ. Очевидно, для того, чтобы сдѣлать вѣрное изображеніе предмета, нужно предварительно изучить его во всѣхъ частностяхъ, и Барскій, дѣйствительно, изъ спокойнаго зрителя превращается теперь въ дѣятельнаго изслѣдователя. Это отношеніе Барскаго къ дѣйствительности отразилось весьма благодѣтельно и на самыхъ результатахъ его наблюденій. Содержаніе его наблюдающей мысли, сначала слишкомъ бѣдное, какъ, напр., во время перваго посѣщенія Аѳона, теперь все болѣе и болѣе расширяется. Далѣе, отъ изученія ежедневныхъ явленій онъ началъ постепенно переходить къ научнымъ изслѣдованіямъ, хотя началось это только къ концу разсматриваемаго періода. Въ это время Барскій съ особымъ интересомъ сталъ заносить на страницы своего «путника», свѣдѣнія историческія и историко-археологическія. Стремленіе Барскаго къ археологическимъ изслѣдованіямъ предполагается еще довольно рано, когда онъ, руководясь, впрочемъ, болѣе своимъ влеченіемъ къ прекрасному, чрезвычайно много занимался описаніемъ архитектуры храмовъ и другихъ зданій. Это стремленіе, прежде болѣе инстинктивное, теперь начинаетъ все болѣе и болѣе оформляться. Описаніе архитектуры храмовъ у него принимаетъ теперь широкіе размѣры; къ этому присоединяется еще, къ концу періода, описаніе развалинъ древнихъ храмовъ и другихъ зданій, а также древнихъ надписей на этихъ зданіяхъ. Увеличивается у Барскаго интересъ и къ занятію собственно исторіей. Для изслѣдованія преданія объ иконѣ, написанной Евангелистомъ Лукою, онъ читаетъ теперь Кипрскую лѣтопись; для изслѣдованія древней исторіи Синая читаетъ Хризостома, Икуменія, Птоломея; да и вообще, по прибытіи въ какую-нибудь замѣчательную мѣстность, онъ собираетъ необходимыя историческія о ней свѣдѣнія изъ мѣстныхъ лѣтописей, и лишь при отсутствіи всего этого довольствуется устными преданіями.

Библиотека "Руниверс"

Эта же перемѣна въ отношеніяхъ къ дѣйствительности отразилась и на самой достовѣрности его сказаній. Вѣрность Барскаго поразительна тамъ, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что̀ видѣлъ самъ: онъ описываетъ теперь не только то, что̀ видно съ перваго раза, но нарочно отыскиваетъ и такія черты, которыя прежде для него остались бы незамѣченными; отношеніе его къ Александрійскимъ обелискамъ, напр., выразилось въ томъ, что онъ, собравъ свѣдѣнія объ одномъ изъ нихъ отъ мѣстныхъ жителей, передаетъ, что̀ они *глаголютъ*; ширину другаго онъ самъ *измѣрилъ*; о высотѣ, которой онъ не могъ измѣрить, *разсудилъ*; гіероглифическія изображенія и надписи, находившіяся на немъ, *списалъ*. Барскій свидѣтельствуетъ совѣстію вѣрность своихъ описаній. Такъ, когда онъ говоритъ о существованіи большой пушки на о. Родосѣ, то при этомъ замѣчаетъ: «лгати не хощу; очима своима не видѣхъ, но достовѣрно извѣстихся отъ честныхъ персонъ протосингеловъ Іерусалимскихъ, иже своима видѣша очесы». Вѣра во всемогущество Божіе заставляетъ теперь Барскаго безусловно принимать сказанія только о памятникахъ сверхъ-естественныхъ проявленій силы Божіей, да и то не всегда. Онъ не сомнѣвается, напр., въ достовѣрности такихъ сказаній, какъ сказаніе о горохѣ, превращенномъ Спасителемъ въ камни; но передаетъ онъ и такія сказанія, по которымъ проявленіе силы Божіей въ извѣстномъ памятникѣ довольно сомнительнаго свойства; въ такомъ случаѣ онъ старается только описать рельефнѣе эти сомнительныя качества, предоставляя изъ всего этого дѣлать выводъ другимъ. Такъ поступилъ онъ при описаніи источника на о. Аморгосѣ, служившаго для мѣстнаго населенія оракуломъ; тоже самое сдѣлалъ при разсказѣ о камнѣ, прилѣпленномъ къ иконѣ, о которомъ Кипрскіе жители говорили, что онъ прилѣпился къ ней чудесно. Еще строже относился онъ къ сказаніямъ, пріуроченнымъ къ какимъ-нибудь св. мѣстамъ Востока. Онъ самъ сознается, что мѣста эти имѣютъ гораздо большее значеніе для вѣры, чѣмъ для разума; что, поэтому, хотя объ этихъ мѣстахъ «людіе отъ толь многаго времени забвенія ради различно бесѣдуютъ», однако «много испытовати не требѣ, но вѣровати». Впрочемъ, не смотря на такое заявленіе, самъ онъ принимаетъ различныя сказанія съ крайнею осмотрительностію и иногда прямо высказываетъ сомнѣніе въ подлинности повѣствуемаго; о мѣстѣ, напр., жительства Іоакима и Анны онъ замѣчаетъ, что «такъ повѣствуетъ народъ»; по поводу знаменій на корытѣ, въ которомъ, по преданію, пресв. Богородица мыла Христовы пеленки, онъ говоритъ, что «аще есть истинна, аще-ли ни, читателя къ вѣроятію не принуждаю, ниже свидѣтельствовати подъ клятвою могу, понеже не отъ писанія божественнаго, но отъ повѣстій людскихъ сіе гласится». Единственнымъ критеріемъ, кото-

Библиотека "Руниверс"

рымъ онъ провѣряетъ преданія, пріурочиваемыя къ различнымъ мѣстамъ Востока, онъ считаетъ Библію. При видѣ какихъ-нибудь св. мѣстъ, онъ всегда воспроизводитъ по Библіи событіе, на немъ совершившееся. И если онъ не находилъ подтвержденія какихъ-нибудь сказаній въ Библіи, то прямо отвергалъ ихъ, какъ подложныя; когда, напр., ему объ одномъ камнѣ на о. Кипрѣ мѣстные жители говорили, что онъ выброшенъ Ноемъ изъ ковчега въ то время, какъ онъ зацѣпился за вершину одной изъ тамошнихъ горъ, Барскій замѣчаетъ, что «сіе нѣсть вѣроятно, понеже во время потопа толико вода превышаше высочайшія горы, яко нигдѣ не коснуся ковчегъ, кромѣ горы Арарата, якоже чтемъ въ Библіи». Достаточнымъ ручательствомъ для Барскаго за подлинность повѣствуемаго служило и преданіе, но только не противорѣчащее Библіи и притомъ *единогласное*; такое единогласное свидѣтельство Іерусалимлянъ приводитъ онъ въ пользу достовѣрности Авессаломова гроба и дома Зеведеова. Но какъ скоро онъ находитъ объ одномъ и томъ же предметѣ показанія разнорѣчивыя, то въ немъ сразу возбуждается сомнѣніе въ подлинности передаваемаго, и тутъ критическій анализъ его дѣлается неумолимымъ. Такими именно противорѣчіями возбуждено прекрасное критическое разсужденіе Барскаго о Лоретскомъ домѣ Богородицы и другихъ сказаніяхъ, историческая достовѣрность которыхъ имъ заподозрѣна.

Совершенно другаго характера его отношеніе къ тѣмъ сказаніямъ, которыя онъ заимствовалъ изъ какого-нибудь письменнаго источника. Таковыми источниками для него были: Св. Писаніе, отцы церкви, житія святыхъ, мѣстныя лѣтописи, историческія надписи на различныхъ древнихъ зданіяхъ и, наконецъ, при отсутствіи всего этого, онъ воспроизводитъ прошедшую исторію на основаніи другихъ вещественныхъ памятниковъ, какъ напр. архитектуры древнихъ зданій. Замѣчательно, что какъ не сомнѣвался Барскій въ подлинности того, чему онъ самъ былъ очевидцемъ, точно также у него нѣтъ и тѣни сомнѣнія по отношенію къ сказаніямъ, заимствованнымъ имъ изъ письменныхъ источниковъ. Сказаніе о чудѣ, бывшемъ отъ иконы Богородицы въ Сирійскомъ монастырѣ Сеидная, онъ потому только и считаетъ достовѣрнымъ, что оно описано въ книгѣ, изданной патріархомъ Аѳанасіемъ на Греческомъ и Арабскомъ языкахъ, а единогласныя свидѣтельства Кипрскихъ жителей объ иконѣ Богородицы Киккской потому и не заслуживаютъ вѣроятія, что «не имутъ отнюдь свидѣтельства отъ писанія въ исторіи». И такое исключительное довѣріе къ письменнымъ источникамъ только тѣмъ и можетъ быть объяснено, что Барскій о другихъ судилъ по себѣ, свое добросовѣстное отношеніе къ письменной пере-

Библиотека "Руниверс"

дачѣ переносилъ и на другихъ, не предполагая искаженія истины намѣреннаго и ненамѣреннаго.

Въ послѣдній періодъ развитія своей мысли, Барскій является предъ нами въ собственномъ смыслѣ *наблюдателемъ*. Жизнь человѣческихъ обществъ онъ описываетъ сначала съ внѣшней стороны—со стороны устройства жилищъ, съ опредѣленія степени распространенія осѣдлости и колонизаціи. Весьма важное доказательство торжества человѣка надъ видимою природою Барскій видитъ въ устройствѣ жилищъ. Такъ, онъ самъ, охарактеризовавъ на о. Сашкіо условія, необходимыя для благоустройства общежитія, заключающіяся въ климатѣ, почвѣ, натуральныхъ произведеніяхъ, говоритъ: «но подобаетъ мнѣ описать градъ и яже въ немъ, и оттуда явно сотворятся, яже въ ономъ островѣ». Поэтому и на Аѳонѣ на описаніе устройства жилищъ онъ обращаетъ особенное вниманіе. Прежде всего Барскій описываетъ монастырь извнѣ: дѣлаетъ общія замѣчанія о знаменитости и почетномъ положеніи его среди другихъ обителей, а также о величинѣ и богатствѣ его, описываетъ видъ и форму монастыря и опредѣляетъ величину мѣстности, занятой монастырскими постройками или чрезъ точное измѣреніе ея, или говоря о величинѣ мѣстности только приблизительно, вообще. Затѣмъ, Барскій говоритъ объ укрѣпленіяхъ общежитія; описываетъ стѣны монастырей, ихъ матеріалъ, устройство, высоту и прочность, ворота, ведущіе въ монастырь, ихъ число и расположеніе въ различныхъ мѣстахъ стѣнъ и башни съ боевыми орудіями. Послѣ этого Барскій вводитъ своего читателя внутрь монастыря и здѣсь иногда предварительно говоритъ о мостовой, о матеріалѣ, изъ котораго она устроена и о самомъ ея устройствѣ, по большей же части прямо переходитъ къ обозрѣнію тѣхъ памятниковъ торжества ума человѣческаго надъ стихійными силами, которые прямо заключаются въ устройствѣ жилищъ. Видно, что немаловажный интересъ заключался для него въ предметѣ, описаннымъ съ такою подробностію. Прежде всего, онъ говоритъ о числѣ келій, находящихся въ какомъ-нибудь монастырѣ, или внѣ монастыря, но зависимыхъ отъ него, а также исчисляетъ келіи, когда описываетъ общины скитниковъ и келіотовъ. Затѣмъ, приступаетъ къ самому описанію жилищъ. Одинаково интересуетъ его при этомъ описаніи, какъ матеріалъ построекъ, свидѣтельствующій о ихъ прочности, такъ, равнымъ образомъ, ихъ величина, красивая или некрасивая отдѣлка и различныя приспособленія для удобной и покойной жизни. Кромѣ общаго описанія зданій, Барскій занимается еще часто спеціальнымъ описаніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, замѣчательныхъ особенно въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи онъ всегда

Библиотека "Руниверс"

съ особеннымъ интересомъ описываетъ, преимущественно, монастырскую трапезу и нѣкоторыя другія зданія подобнаго-же рода, какъ-то: скевофилоніи, гостиницы и т. п.

По обозрѣніи успѣховъ человѣка, выразившихся въ устройствѣ жилищъ, обезпечивающихъ его физическое существованіе, Барскій переходитъ къ описанію другаго рода жилищъ, необходимыхъ для духовно-нравственной природы человѣка,—домовъ Божіихъ, училищъ вѣры и благочестія; но Барскій описываетъ не одни только знаменитые храмы по своей архитектурѣ или священно-историческимъ воспоминаніямъ, подобно древнимъ паломникамъ, а всѣ вообще, какъ знаменитые по своей архитектурѣ, такъ и устроенные въ пещерахъ, или лишенные всякихъ украшеній. Но прежде чѣмъ приступить къ самому описанію, Барскій всегда, по обыкновенію, дѣлаетъ нѣсколько предварительныхъ замѣтокъ о численности храмовъ въ извѣстномъ монастырѣ, о посвященіи ихъ такому или иному святому и касается исторіи нѣкоторыхъ, особенно знаменитыхъ, храмовъ. И только послѣ этого онъ приступаетъ къ самому описанію ихъ. Здѣсь уже проявляется вполнѣ характеръ Барскаго, какъ идеалиста, руководившагося въ своихъ описаніяхъ религіознымъ чувствомъ и своимъ влеченіемъ къ прекрасному. Приступая къ описанію храмовъ, Барскій, прежде всего, съ поразительною точностію описываетъ самое зданіе, безъ всякаго отношенія къ тому значенію, какое оно имѣетъ для духовно-нравственной природы человѣка. Сначала онъ описываетъ внѣшній видъ храма вообще, говоритъ о положеніи его среди другихъ монастырскихъ зданій, о матеріалѣ, изъ котораго онъ устроенъ, о формѣ церковнаго зданія, его отдѣлкѣ и внѣшнемъ украшеніи стѣнъ, о его размѣрѣ въ длину, ширину и высоту, при чемъ говоритъ объ этомъ или вообще, или дѣлаетъ точное измѣреніе,—и затѣмъ уже переходитъ къ описанію внѣшняго устройства храмовъ въ частности: говоритъ о фундаментѣ зданія, объ устройствѣ кровли и матеріалѣ, изъ котораго она сдѣлана, объ устройствѣ главъ, ихъ числѣ, матеріалѣ, изъ котораго онѣ сдѣланы и ихъ отдѣлкѣ, объ устройствѣ иконъ, дверей и, наконецъ, колоколенъ съ колоколами, въ особенности, когда ему приходилось встрѣчать колокола во время путешествія по Турецкимъ владѣніямъ на Востокѣ; гдѣ, обыкновенно, рѣдки колокола, тамъ Барскій съ особеннымъ интересомъ говоритъ объ нихъ. Послѣ всего этого онъ переходитъ къ описанію внутренняго устройства и украшенія церквей, описываетъ украшеніе стѣнъ—мраморное или иконописное, устройство половъ, въ особенности мраморныхъ, особенно-же подробно говоритъ объ украшеніи церквей колоннами, о матеріалѣ, изъ котораго онѣ сдѣланы, ихъ красивой или не-

Библиотека "Руниверс"

красивой отдѣлкѣ, ихъ числѣ и расположеніи въ различныхъ мѣстахъ храма; затѣмъ переходитъ къ частному описанію внутренняго устройства храмовъ; говоритъ о папертяхъ и притворахъ, о клиросахъ и хорахъ, особенно-же подробно описываетъ нѣкоторые алтари и, исходя изъ алтаря, занимается описаніемъ иконостаса, его устройства и украшеній, достоинствъ и недостатковъ живописи; далѣе, описываетъ принадлежности богослуженія: свѣтильники, въ особенности Аѳонскіе хоросы, св. сосуды, богослужебныя книги съ аналоями различныхъ формъ и видовъ, кадильницы и, наконецъ, описываетъ различныя приспособленія для удобнаго стоянія въ церкви молящихся. Заканчивается у Барскаго описаніе храмовъ описаніемъ различныхъ святынь, въ нихъ хранящихся, какъ-то: мощей, или частей ихъ, гробовъ и мѣстъ погребенія св. мужей, чудотворныхъ иконъ, съ описаніемъ ихъ украшеній и драгоцѣнностей; затѣмъ описываются кресты, замѣчательные по животворящему древу, вложенному въ нихъ, или по частицамъ св. мощей, св. источники и многія другія святыни, а также Барскій приводитъ сказанія о чудесахъ, совершавшихся или совершающихся. Вотъ всѣ предметы, на которые обращается вниманіе Барскаго при описаніи храмовъ.

Послѣ этого Барскій приступаетъ къ описанію внуренней жизни общества, къ описанію организаціи и устройства человѣческихъ общежитій въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь, онъ прежде всего говоритъ о количествѣ населенія въ извѣстной мѣстности и его національномъ составѣ. Затѣмъ, утилитарная точка зрѣнія побуждаетъ его заниматься описаніемъ экономическаго благосостоянія или бѣдности населенія. Въ этомъ отношеніи Барскаго поразило одно исключительное явленіе въ бытѣ Аѳона—множество долговъ на обителяхъ, и эта-то необычайность явленія заставляетъ его глубже задумываться надъ нимъ и входить въ разслѣдованіе причинъ онаго; но, въ тоже время, скромность монаха заставляетъ его говорить о щекотливомъ явленіи мелькомъ, отдѣлываться только общими замѣчаніями. Послѣ характеристики такого или иного состоянія экономическаго быта, Барскій переходитъ къ разсмотрѣнію самыхъ средствъ, которыми владѣетъ извѣстная община для устройства своего экономическаго благосостоянія, каковыми средствами на Аѳонѣ онъ, по большой части, находитъ: милостыню, приписные монастыри и разные подворья съ хозяйственными заведеніями (метохи), доставлявшими монастырю извѣстный доходъ, хлѣбопашество, лѣсоводство, сѣнокосы, рыбныя ловли и т. п., говоря, при этомъ, о степени развитія упомянутыхъ отраслей хозяйства и устройствѣ различныхъ хозяйственныхъ заведеній, какъ-то: мельницъ, кузницъ, маслобоенъ, морскихъ пристаней, или, какъ ихъ называетъ Барскій, арсеналовъ) по-аѳонски *арсана*), боль-

Библиотека "Руниверс"

ницъ, богадѣленъ и т. п., говоритъ даже въ общихъ чертахъ о состояніи промышленности и торговли на Аѳонѣ. Затѣмъ онъ говоритъ, также въ общихъ чертахъ, о политическомъ положеніи Аѳона, его администраціи, судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Гораздо подробнѣе говоритъ онъ о состояніи просвѣщенія на Аѳонѣ, въ особенности при описаніи, всегда обстоятельномъ, тамошнихъ библіотекъ. Когда Барскій проникалъ въ библіотеки, то почти всюду находилъ тамъ доказательства всеобщаго равнодушія къ средствамъ просвѣщенія, представляемымъ библіотеками, крайнее пренебреженіе къ нимъ, отразившееся на самомъ внѣшнемъ состояніи книгохранилищъ, лишенныхъ всякаго порядка, расхищаемыхъ, подвергаемыхъ всевозможной порчѣ, такъ что, въ одномъ монастырѣ онъ нашелъ только мѣсто когда-то бывшей библіотеки и въ ней «малые нѣкіе останки», въ другомъ «отъ неученія и небреженія иноческаго» многія книги были съѣдены червями, такъ что Барскій взялъ на себя трудъ облагообразить нѣсколько библіотеку, и полторы тысячи книгъ были очищены имъ «отъ праха»; въ третьемъ мѣстѣ библіотека была «безчинна и небрежена вовся, на различныхъ бо мѣстѣхъ повержены лежаху книги, отъ нихъ же малочисленны не вредны бяху, но иныя до полу согнивши, иныя всецѣлы, числомъ до тріехъ сотъ.... Таможде хрисовулы многіе видѣхъ согнившіе и до конца потребившіеся, и не можно было ихъ изслѣдовати.» Но и помимо этого явленія, такъ рельефно характеризующаго состояніе просвѣщенія на Аѳонѣ, у Барскаго есть немало и другаго рода замѣтокъ, относящихся къ тому же предмету. Такъ, въ Зографѣ были иноки, какъ онъ остроумно выражается, едва «вѣдущіе чести черное по бѣлому», такъ что самого настоятеля ихъ изображаетъ, какъ «единоокаго вождя между слѣпыми», и только въ одномъ скитѣ онъ описываетъ состояніе просвѣщенія довольно свѣтлыми чертами; тамъ были, какъ говоритъ Барскій, личности и съ философскимъ образованіемъ. Кромѣ изображенія умственнаго развитія иноковъ, Барскій описываетъ еще нравы и обычаи насельниковъ горы. Правда, сначала Барскій окончательно отказался было описывать съ этой стороны жизнь Аѳонскихъ общинъ, поелику «описывати нравы и житія иноческія не безбѣдно есть; аще убо реку быти всѣхъ благихъ и добродѣтельныхъ, говоритъ онъ, не соблюдуся отъ лжи; аще же назову всѣхъ злыхъ, впаду въ осужденіе»; однако все-таки сообщаетъ довольно замѣтокъ, такъ что на основаніи ихъ однихъ можно составить довольно полный очеркъ нравовъ и обычаевъ Аѳонскаго монашества того времени. Но тотъ пробѣлъ, который произошелъ отъ отказа описывать нравственныя качества монаховъ, у Барскаго восполняется изображеніемъ ихъ религіознаго развитія. Замѣчательно, что самъ Барскій описываетъ подробно религіозную сторону

Библиотека "Руниверс"

жизни Аѳонцевъ какъ бы въ восполненіе отсутствія полнаго описанія ихъ нравственныхъ качествъ; отъ этого онъ и описываетъ религіозную сторону вмѣстѣ съ ихъ нравами и обычаями, такъ что описаніе всего этого у Барскаго часто бываетъ совмѣстнымъ. Но, кромѣ этого была и другая причина, побуждавшая Барскаго столь подробно заниматься описаніемъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ Аѳона. Мы знаемъ, что Сухановъ съ Лукьяновымъ, удовлетворяя потребностямъ современниковъ, нарочно отправлялись на Востокъ для изученія церковно-обрядовой стороны религіи; сильно было это религіозное движеніе и во время Барскаго; поэтому-то и онъ, какъ человѣкъ своего времени, не могъ остаться безучастнымъ къ нему. Будучи сторонникомъ направленія, ратовавшаго за необходимость просвѣщенія въ умственно-научной области, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ поборникомъ и тѣхъ требованій, которыя были направлены къ введенію церковно-богослужебнаго культа, исправленнаго отъ ошибокъ, внесенныхъ въ него темнымъ невѣжествомъ. А такъ какъ отшатнувшееся отъ православія невѣжество утверждало, что Русская церковь въ основаніе своихъ исправленій приняла новшества олатинившейся Греческой церкви, то Барскій, какъ сторонникъ этихъ исправленій, поставилъ себѣ цѣлію при изученіи церковно-религіозной жизни Аѳона показать, что на Аѳонѣ есть и нововведенія, но только эти нововведенія не имѣютъ ничего общаго съ латинствомъ, а чисто своеобразнаго характера. Съ этой цѣлію онъ дѣлаетъ широкія наблюденія надъ церковно-обрядовою стороною религіозной жизни Аѳона: описываетъ самый процессъ совершенія богослуженія и отмѣчаетъ при этомъ особенности въ чтеніи и пѣніи при совершеніи всевозможнаго рода церковныхъ службъ, говоритъ о мѣстныхъ правилахъ для чтецовъ, пѣвцовъ и канонарховъ, о богослужебномъ языкѣ въ различныхъ монастыряхъ и расписаніи нравственно-назидательныхъ чтеній на цѣлый годъ; описываетъ особенности во внѣшнихъ дѣйствіяхъ при богослуженіи служащихъ и предстоящихъ, также особенности въ выходахъ священника и діакона во время вечерняго богослуженія и вообще въ хожденіи по церкви монаховъ при различныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ; описываетъ правила для совершенія церковныхъ службъ въ различныхъ храмахъ или въ различныхъ частяхъ храма, соотвѣтственно времени и роду службъ; описываетъ особенности въ узаконенномъ одѣяніи монаховъ какъ-то: въ ношеніи мантій и клобуковъ и даже такія внѣшне-обрядовыя особенности, какъ особенности въ кажденіи, освѣщеніи церкви и звонѣ въ колокола. Эти наблюденія надъ церковно-обрядовою стороною жизни Аѳона привели Барскаго къ тому убѣжденію, что, не смотря на всѣ описанныя особенности, древнее православіе соблюдается на Аѳонѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Востокѣ. Выводъ изъ

Библиотека "Руниверс"

всего этого Барскій хотя и не дѣлаетъ, однако онъ очевиденъ самъ-собою: такъ какъ описанныхъ нововведеній нѣтъ въ новоисправленныхъ богослужебныхъ чинахъ Русской церкви, то слѣдовательно нововведенія Русской церкви—вовсе не усвоеніе нововведеній Греческой церкви, а возстановленіе древняго благочестія, сохраняемаго на Востокѣ и утратившаго было свой истинный характеръ на Руси. Этимъ и исчерпывается содержаніе паломнической мысли Барскаго, выразившейся въ описаніи внутренняго устройства Аѳонскихъ общежитій.

Какъ во все предъидущее время Барскій старался описывать не одни только религіозные, или не одни свѣтскіе предметы, такъ и теперь онъ воспроизводитъ всю совокупность наблюдаемыхъ предметовъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣетъ избѣжать односторонности и исключительности при описаніи такой общины съ исключительно-одностороннимъ устройствомъ, каковъ Аѳонъ. Его описаніе Аѳона, какъ мы видѣли, чрезвычайно полно и общеинтересно. Онъ съ изумительнымъ спокойствіемъ и полнѣйшею невозмутимостію и хладнокровіемъ смотритъ въ лицо описываемому предмету, такъ что не видно ни малѣйшихъ проблесковъ чувства и состояній аффективныхъ, которыя бы парализовали воздѣйствующія отношенія его къ дѣйствительности. Кромѣ того, Барскій не ограничивается уже описаніемъ предмета съ той только стороны, съ какой ему пришлось взглянуть на него: онъ обходитъ и осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, и не разъ, и не два, а многократно, изучаетъ его, дѣлаетъ эксперименты, измѣряетъ, исчисляетъ, подмѣчаетъ малѣйшія частности, обсуживаетъ, соображаетъ. Правда, мы видимъ нѣсколько случаевъ, когда Барскій описываетъ предметъ какъ бы подъ вліяніемъ чувствъ удивленія и радости; но, всмотрѣвшись пристальнѣе въ это явленіе, мы не можемъ не замѣтить, что эти чувства произошли уже послѣ того, какъ онъ вполнѣ изучилъ предметъ. Въ этомъ мы вполнѣ убѣдимся, разсмотрѣвши описаніе Хилендарскаго храма, которое есть какъ-бы результатъ сильнаго вліянія чувствъ, происшедшихъ отъ созерцанія прекраснаго и величественнаго устройства зданія. Здѣсь Барскій, прежде всего, съ математическою точностію исчисляетъ и затѣмъ съ изумительною подробностію описываетъ тѣ десять предметовъ, которые его особенно интересовали; далѣе, рисуетъ одну сторону храма на бумагѣ, для чего необходимо изученіе предмета въ частностяхъ и, наконецъ, измѣряетъ основаніе храма и также изображаетъ на бумагѣ. Очевидно, что все это такія отношенія къ предмету, которыя возможны только при совершенномъ объективизмѣ, при полномъ отсутствіи аффектовъ, препятствующихъ изученію предмета. Чувство же, отразившееся на нѣкоторыхъ памятникахъ его паломнической

Библиотека "Руниверс"

мысли за настоящій періодъ, вовсе не было чувствомъ человѣка, подавленнаго впечатлѣніями: это было чувство изслѣдователя, изучившаго съ тщаніемъ и подробностію интересный для него предметъ, или, пожалуй, это было чувство художника, воспроизведшаго на полотнѣ дорогой для него, и вмѣстѣ, трудный для исполненія образъ. Но понятно, что такое чувство вполнѣ естественно и умѣстно при самомъ строгомъ объективномъ отношеніи къ дѣйствительности.

Это дѣятельное, объективное отношеніе Барскаго къ дѣйствительности отразилось, прежде всего, на глубинѣ его изслѣдованія и полнотѣ его наблюденій. Предметы обозрѣваются теперь Барскимъ со всѣхъ сторонъ и описываются сполна и во всѣхъ частностяхъ; каждая часть описываемаго предмета также обозрѣвается всесторонне и описывается, по возможности, сполна, такъ что каждый предметъ описанъ самымъ полнымъ образомъ, почти что до самыхъ мельчайшихъ частностей; а чтобы эти частности не подавляли вниманія читателя, въ особенности при описаніи зданій, Барскій группируетъ всѣ описанныя частности въ одномъ рисункѣ, живописномъ образѣ и такимъ образомъ производитъ цѣльное впечатлѣніе на читателя.

Отношенія Барскаго къ дѣйствительности такъ добросовѣстны, описанія такъ полны и всесторонни, рисунки описываемыхъ имъ предметовъ, хотя и не совсѣмъ изящны, однако сдѣланы съ такою тщательностію и производятъ такое полное и цѣльное впечатлѣніе на зрителя [53]), что наше изслѣдованіе объ этомъ предметѣ сдѣлалось-бы совершенно излишнимъ. И мы, дѣйствительно, считаемъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ, въ смыслѣ полной вѣрности описаній Барскаго. Сомнѣвающихся-же въ истинѣ сказаннаго нами мы просимъ прочесть книгу о. архимандрита Антонина: «Замѣтки поклонника св. горы», въ которой онъ поставилъ своею задачею провѣрить «незабвеннаго Кіевскаго паломника, умнаго Барскаго, благосердаго, говорливаго».

Въ концѣ прошлаго періода, какъ мы видѣли, въ Барскомъ пробудился особенный интересъ къ историко-археологическимъ изысканіямъ. Въ настоящій періодъ этотъ интересъ къ научно-историческимъ свѣдѣніямъ сильно увеличивается, и стремленіе Барскаго къ изслѣдованіямъ начинаетъ принимать широкіе размѣры: шесть разъ приходилъ онъ къ монастырю Діонисіату за тѣмъ только, чтобъ ему показали

---

[53]) Часть подлинныхъ рисунковъ Барскаго, именно виды Аѳонскихъ монастырей, рисунковъ, составляющихъ собственность Одесск. общества исторіи и древностей, мы имѣли случай видѣть, благодаря содѣйствію профессора Кіевской Дух. Академіи Ф. А. Терновскаго.

Библиотека "Руниверс"

«хрисовулы, мощи и библіотеку» [54]) и сумма сообщаемыхъ Барскимъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ за послѣднее время, очень значительна.

Всѣ изысканія Барскаго можно раздѣлить на двѣ категоріи: собственно историческія и историко-археологическія. Въ области своихъ историческихъ изысканій объ Аѳонѣ Барскій, прежде всего, касается до христіанской исторіи всей вообще горы и говоритъ о началѣ ея монашеской канонизаціи. Затѣмъ, онъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о каждомъ монастырѣ въ отдѣльности. Здѣсь онъ, прежде всего, пускается въ историко-филологическія разсужденія о самомъ названіи монастыря: говоритъ о значеніи названія, исторіи, происхожденіи его и приводитъ различныя сказанія объ этомъ предметѣ; затѣмъ говоритъ о началѣ основанія и созданія монастырей, о различныхъ бѣдствіяхъ, постигавшихъ ихъ и исторіи послѣдующихъ возсозданій и обновленій монастырей; описываетъ исторію личностей, коихъ судьба тѣсно связана съ исторіей монастыря и ихъ заслуги для обители; описываетъ, наконецъ, исторію послѣдующихъ событій, имѣвшихъ какое-нибудь отношеніе, благотворное или неблаготворное, къ благосостоянію монастыря, какъ-то: пожары, нападенія разбойниковъ, отнятіе другими общинами монастырской собственности, или различныя благотворенія и пожертвованія и т. п. Это содержаніе собственно исторической части его изслѣдованій. Что̀ касается археологическихъ изысканій Барскаго, то онъ описываетъ мощи и части ихъ со многими другими святынями, хрисовулы и библіотеки. Нѣтъ сомнѣнія, что эти изысканія, кромѣ собственно археологическаго, имѣли и историческій интересъ для Барскаго, въ особенности это должно сказать о его описаніяхъ библіотекъ и хрисовуловъ. Описаніе библіотекъ служило для него, какъ мы видѣли, источникомъ для составленія понятія о состояніи просвѣщенія на Аѳонѣ, а на различные хрисовулы и грамоты онъ смотрѣлъ, какъ на матеріалъ для исторіи внѣшняго благосостоянія горы: эти грамоты суть именно юридическіе акты, закрѣпляющіе за монастырями различныя пожертвованія державныхъ и высокопоставленныхъ лицъ.

При изложеніи исторіи первоначальной монашеской колонизаціи Аѳона Барскій ссылается на «записи Греческія ветхія»; при передачѣ историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ онъ ссылается на житія Аѳонскихъ святыхъ, каково, напр. «житіе св. Аѳанасія, отъ ученикъ его списанное»; житіе св. Павла, помѣщенное въ синаксарѣ Болгарскомъ. Онъ основывается на хрисовулахъ, на актахъ поземельныхъ владѣній мона-

[54]) Рукопись Кіево-Мих. монаст. кн. 2, стр. 213.

Библиотека "Руниверс"

стырей, на старыхъ кодексахъ монастырскихъ, на разныхъ надписяхъ, находящихся на стѣнахъ, надъ воротами въ монастыряхъ и церквахъ, на иконахъ и т. п. Затѣмъ, разсказывая различные достопримѣчательные эпизоды изъ жизни различныхъ лицъ, онъ ссылается на нѣкоторые другіе источники, какъ напр. на извѣстную книгу «σωτῆρια ἀξαρταλῶν» или, если и не приводитъ заглавія книги, послужившей для него источникомъ, то все-таки упоминаетъ, что такіе или иные разсказы заимствованы имъ изъ «книгъ Греческихъ, книгъ Греческихъ и Болгарскихъ, книгъ, печатныхъ и рукописныхъ» и проч. Многія сказанія свои онъ обосновываетъ просто на вещественныхъ памятникахъ—развалинахъ, различныхъ святыняхъ и т. п. Но кромѣ этихъ источниковъ, указываемыхъ самимъ Барскимъ, есть у него весьма много и такихъ сказаній, объ источникахъ которыхъ онъ умалчиваетъ. Большинство такихъ сказаній, по изслѣдованію преосвящ. Порфирія, есть буквальный переводъ книги врача І. Комнина: «краткое описаніе Аѳона», изданной въ 1701 году. Таковы сказанія Барскаго: о построеніи Аѳоно-каракальскаго монастыря, о происхожденіи названія Костамонита и построеніи Карейской церкви на Аѳонѣ, о возобновленіи Ватопедскаго монастыря Ѳеодосіемъ Великимъ и тремя братьями изъ Адріанополя, о посѣщеніи монастыря Плакидіей [56]), о построеніи Есфигмена и т. п. Замѣчательно, что какъ осмотрительно принималъ Барскій сказанія, обоснованныя на устныхъ источникахъ, также, наоборотъ, довѣрчиво, безо всякой критики относился ко всѣмъ сказаніямъ, заимствованнымъ имъ изъ письменныхъ источниковъ. Онъ совершенно искренно заноситъ въ свой «путникъ» фабулу о гробѣ съ 40 исполинскими головами, какъ исторически достовѣрное сказаніе, потому только, что нашелъ ее въ книгѣ, писанной «гречески и болгарски». Почти всѣ вышеисчисленныя сказанія, заимствованныя Барскимъ изъ книги Комнина, безпощадно уничтожены преосвящ. Порфиріемъ въ его «Исторіи Аѳона». Въ хрисовулахъ онъ описываетъ только заглавіе, не касаясь почти вовсе ихъ содержанія, такъ что о содержаніи нѣкоторыхъ, упоминаемыхъ имъ актовъ, которыхъ не могли отыскать позднѣйшіе археологи, судить нѣтъ никакой возможности [57]). Привелъ-было онъ содержаніе нѣкоторыхъ хрисовуловъ цѣликомъ, но одинъ изъ нихъ, самый интересный, по свидѣтельству преосвящ. Порфирія, оказался произведеніемъ фальшивой Аѳонской фабрикаціи. О многихъ хрисовулахъ, какъ это видно изъ свидѣтельства издателя актовъ Русскаго Пан-

[56]) Исторія Аѳона. Труды К. Д. Акад. за 1871 г. Августъ, стр. 367.
[57]) Акты Русск. на св. Аѳонѣ монаст. св. великом. Пантелеймона, стр. 412.

Библиотека "Руниверс"

телеймонова монастыря, Барскій вовсе не упоминаетъ, потому-ли, что не могъ ихъ читать и понимать (акты на Молдавскомъ и нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ), или потому, что всѣ акты ему не были показаны «сребролюбивыми Аѳонскими иноками». На хронологію въ хрисовулахъ Барскій почти вовсе не обращаетъ вниманія, такъ что въ этой области являются удивительныя нелѣпости и анахронизмы, какъ это было замѣчено также издателемъ актовъ Аѳоно-Пантелеймоновскаго монастыря. Но если мы представимъ время, когда жилъ Барскій, если примемъ въ расчетъ добросовѣстное исполненное трудовъ и лишеній, отношеніе къ древности, то необходимо должны дать дань уваженія трудолюбивому и любознательному паломнику.

Всѣ послѣдующіе паломники съ уваженіемъ относились къ Барскому; они ссылаются на его мнѣнія [58]) и воспроизводятъ его описанія [59]), вполнѣ сознаютъ цѣну его трудовъ, и называютъ его самыми почтительными именами: Муравьевъ напр. называетъ «знаменитымъ Барскимъ» [60]), преосвящен. Порфирій всегда величаетъ его степеннымъ именемъ «отецъ Василій Барскій» [61]), даже Благовѣщенскій называетъ его «извѣстнымъ Барскимъ» [62]); въ особенности о. архимандритъ Антонинъ не можетъ скрыть своего сердечнаго влеченія къ Барскому [63]); онъ, кажется, не могъ найти достаточно словъ къ восхваленію Барскаго, называя его любознательнымъ, словоохотливымъ Кіевляниномъ, благосердымъ, блаженной памяти пилигримомъ Кіевскимъ, боголюбивымъ, неподражаемымъ паломникомъ, почтеннымъ, незабвеннымъ, говорливымъ Плакою, ученымъ, трудолюбивымъ, неудержимымъ ничѣмъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, Барскимъ; въ самомъ наблюденіи своемъ о. Антонинъ руководился исключительно Барскимъ и, по прибытіи въ какую нибудь мѣстность, всегда раскрывалъ его Путевыя Записки и прочитывалъ изъ нихъ соотвѣтствующее описаніе.

Таково положеніе Барскаго среди новѣйшихъ паломниковъ.

Еще большее значеніе имѣлъ Барскій въ ходѣ современной ему общественной жизни, прежде всего, своимъ личнымъ примѣромъ. Г. Ас-

---

[58]) Муравьевъ Прибавл. къ Римскимъ письмамъ, стр. 113; Письма Святогорца, изд. 2, часть 1, стр. 45; часть 2, стр. 230.

[59]) Порфирій, Перв. путеш. на Синай, стр. 190. Антонинъ, Замѣтки покл. св. горы, стр. 38, 41; 51, 58, 65, 69, 77, 86, 91, 110, 118—119, 133, 145, 151, 163, 189, 194, 244 — 245, 271—272, 349.

[60]) Письма съ Востока, часть 1, стр. 276.

[61]) Порфирій, Первое путеш. на Синай, стр. 190, 192, 194; Второе путешествіе на Синай, стр. 395 и 396.

[62]) Благовѣщенскій, Среди богомольцевъ. С.-П.Б. 1871 г., предисл., стр. 1.

[63]) Антонинъ, Замѣтки покл. св. горы, Кіевъ, 1864 г. стр. 67.

Библиотека "Руниверс"

коченскій передаетъ, что вскорѣ послѣ знакомства съ удивительными странствованіями Барскаго, у его современниковъ только и разговору было, что о знаменитомъ пѣшеходѣ. Мало того, разсказы Барскаго такъ раздражали любопытство молодыхъ людей, производили на нихъ такое сильное вліяніе, что всѣ грезили путешествіями. Щепинъ былъ однимъ изъ первыхъ энтузіастовъ туризма и положилъ въ душѣ своей во что бы то ни стало побывать за границей. Онъ отыскалъ одного пріѣзжаго Греческаго монаха и, недолго думая, отправился съ нимъ изъ Кіева въ Константинополь. Но такъ какъ средства къ дальнѣйшему путешествію изъ Константинополя у Щепина оказались недостаточными, мѣрять же, подобно Барскому, ступаніемъ своимъ и пядію землю, у него не было большой охоты: то онъ и воротился назадъ въ Россію [64]).

Несравненно серьезнѣйшее значеніе имѣлъ Барскій для современниковъ описаніемъ своего путешествія, такъ какъ оно удовлетворяло самымъ разнообразнымъ ихъ потребностямъ. Прежде всего, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, Барскій несомнѣнно принадлежалъ къ той части общества, которая стояла за необходимость исправленія церковно-обрядовой стороны богослуженія; поэтому высшая духовная администрація, старавшаяся найдти поддержку и оправданіе своихъ реформъ въ описанной Барскимъ церковно-религіозной жизни Востока, старалась о популяризованіи его Путевыхъ Записокъ, какъ это доказываетъ тотъ фактъ, что изданіе «путника» Барскаго было совершено съ соизволенія и благословенія тогдашнихъ представителей церковной іерархіи, членовъ святѣйшаго синода архіепископовъ: Гавріила Новгородскаго, Платона Московскаго и Иннокентія Рижскаго. Равнымъ образомъ и противоположная партія не могла не интересоваться путешествіемъ Барскаго для подтвержденія своихъ мнѣній объ оскудѣніи древняго благочестія на Востокѣ, такъ какъ Барскій, руководясь въ своей любознательности объективной точкой зрѣнія, не скрывалъ, какъ мы видѣли, и темныхъ сторонъ въ церковной жизни Востока, вслѣдствіе чего раскольники позаботились издать для себя его путешествія въ 1788 году въ Клинцахъ, одной изъ Стародубскихъ раскольничьихъ слободъ. Далѣе, путешествіе Барскаго имѣло великій интересъ для современниковъ и въ другомъ отношеніи, именно въ государственно-политическомъ. Со времени Петра восточный вопросъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ умами Русскаго общества: это былъ политическій конекъ того времени. Не чуждъ былъ этихъ воззрѣній и Барскій. Такъ, онъ съ

---

[64]) Аскоченскій, Кіевъ. часть 2, стр. 146.

Библиотека "Руниверс"

самымъ искреннимъ сочувствіемъ относится къ страданіямъ восточныхъ христіанъ и яркими красками изображаетъ бѣдствія ихъ въ тѣхъ именно видахъ, чтобы возбудить къ нимъ состраданіе въ своихъ соотечественникахъ и побудить ихъ къ ускоренію желанной войны за освобожденіе Царяграда и святой Софіи отъ ига мусульманъ. Поэтому и правительство, старавшееся о проведеніи въ обществѣ своихъ идей касательно Востока, избрало однимъ изъ многихъ средствъ для достиженія этой цѣли и путешествіе Барскаго, вслѣдствіе чего постаралось ускорить изданіемъ въ печати его Путевыхъ Записокъ, какъ это показываетъ тотъ фактъ, что иниціатива изданія «путника» Барскаго принадлежала Потемкину, для котораго «Греческій проектъ не былъ политическою утопіею, а дѣломъ живымъ и общенароднымъ». Имѣлъ, наконецъ, «путникъ» Барскаго огромное значеніе, какъ для лицъ любознательныхъ вообще, по интересности свѣдѣній, сообщаемыхъ имъ, такъ и для лицъ благочестивыхъ въ особенности, какъ книга въ высшей степени нравственно-назидательная. Эти послѣднія достоинства, совмѣстно съ тремя вышеупомянутыми, были причиною того, что труды Барскаго, еще прежде чѣмъ появились въ печати, были уже извѣстны обществу; о нихъ отзывались съ похвалою даже въ средѣ просвѣщенной столичной публики, какъ о трудахъ, которые «въ разсужденіи рѣдкихъ описанныхъ въ нихъ вещей, заслуживаютъ видѣть свѣтъ». Рукопись его путешествій была жадно списываема и переписываема, такъ что по свидѣтельству издателя ея, Рубана, въ Малороссіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ, не было ни одного знатнаго мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ Россійскихъ семинаріяхъ, для епархіальныхъ архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали; благочестивые же люди, какъ духовные, такъ и міряне, за великія деньги доставали оную. Когда же рукопись Барскаго появилась въ печати, то въ небольшой промежутокъ времени выдержала одно за другимъ шесть изданій: первое изданіе, которымъ и мы пользовались при своемъ изслѣдованіи, было въ 1778 г. въ С.-Петербургѣ; а послѣднее шестое изданіе было сдѣлано также въ С.-Петербургѣ, въ 1819 году. Кромѣ того, въ 1847 году въ Москвѣ былъ изданъ небольшой отрывокъ изъ Путевыхъ Записокъ Барскаго подъ заглавіемъ «Путешествіе во Іерусалимъ», съ четырьмя картинами, имѣвшій также нѣсколько изданій, изъ коихъ третье изданіе появилось въ 1851 году [65]). Въ одномъ духовномъ журналѣ, предназначенномъ для нравственно-назидательнаго

[65]) Духовн. Вѣстникъ за 1862 г. т. III. стр. 364.

Библиотека "Руниверс"

чтенія, намъ пришлось встрѣтить нѣсколько статей, заимствованныхъ изъ Барскаго [66]), какъ что и въ наше время путешествіе Барскаго не потеряло еще своего значенія и интереса: «любознательныхъ людей, интересующихся судьбами Востока, и теперь отсылаютъ еще къ любопытному во всѣхъ отношеніяхъ описанію сего рѣдкаго путешественника [67]).

«Невольное уваженіе вселяютъ къ себѣ такіе люди старой Руси», (закончимъ мы свое изслѣдованіе словами г. Срезневскаго) и, вѣроятно мы найдемъ ихъ со временемъ немало, когда будемъ искать съ любовію къ дѣйствительнымъ достоинствамъ людей, а не къ фантастическимъ идеаламъ, не забывая о времени, когда они жили [68]).

Александръ Гиляревскій.

Новочеркасскъ.

*

Мы можемъ порадовать приверженцевъ Русской науки извѣстіемъ, что Путешествіе Барскаго приготовляется къ новому изданію, по рукописямъ. За этотъ трудъ взялся И. И. Барсуковъ, нарочно для того ѣздившій осенью прошлаго года въ Кіевъ, гдѣ встрѣтилъ сочувствіе и поддержку въ занятіяхъ со стороны Кіевскаго митрополита Филовея и каѳедральнаго Софійскаго протоіерея П. Г. Лебединцева. Имя И. И. Барсукова служитъ ручательствомъ въ исполненіи. Онъ—издатель Дневника Храповицкаго и авторъ превосходной книги о П. М. Строевѣ. *П. Б.*

---

[66]) Въ „Воскресномъ Чтеніи“ описаніе Силоамской купели, годъ IV, стр 55; гробницы Богородицы, годъ VII. стр. 162; о священномъ огнѣ, годъ XVIII, № 51 и 52.

[67]) Акты Русск. на св. Аѳонѣ монаст. св. великомуч. Пантелеймона, предисловіе, стр. XXII.

[68]) Срезневскій, Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина, С.-П.Б. 1857 г., стр. 83.

Библиотека "Руниверс"